

Г О Д
ИЗДАНИЯ
ТРЕТИЙ

ПРОЛЕТАРИЙ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Е
Ж
Е
М
Е
С
Я
Ч
Н
Ы
Й
Ж
У
Р
Н
А
Л

О
Р
Г
А
Н
И
Н
С
Т
И
Т
У
Т
А
Э
К
О
Н
О
М
И
К
И
К
О
М
М
У
Н
И
С
Т
И
Ч
Е
С
К
О
Й
А
К
А
Д
Е
М
И
И

№ 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

«Мосполяграф»
13-я типо-цинкография
«Мысль печатника»,
Москва, Петровка, 17.
Заказ № 506
Уполн. главлита Б—3242
Тираж 9.500
Статформат Б₅ 176×250
С.-Э.(п.) № 113. 10 п. л.
Тех. ред. Н. Воронин.

С. САРКИСОВ

УРАЛО-КУЗНЕЦКИЙ КОМБИНАТ И ЕГО РОЛЬ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СТРАНЫ

Угольно-металлургическая база на востоке рождается в обстановке громадного напряжения сил рабочего класса в борьбе за ликвидацию кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, в борьбе за развернутое наступление социализма на капиталистические элементы по всему фронту экономики страны. Контрреволюционные агенты мирового империализма, Промпартия в лице Рамзиных, Ларичевых, вели отчаянную борьбу против создания Урало-Кузнецкого комбината. Многочисленные монографии, которые к сожалению появлялись не без некоторой поддержки Укргосплана и печатались на страницах газеты «Украинский экономист», вели упорную борьбу против создания Урало-Кузнецкого комбината, называя самую идею комбината чуть ли не бредовой, незаслуживающей внимания, растрачивающей напрасно народные средства.

Особенно неистовствовал «ученый» профессор Диманштейн, который до самого последнего времени доказывал в прессе гибельность создания 2-й угольно-металлургической базы. Сей муж рекомендовал, с согласия и желания мирового империализма, создать металлургическую базу на берегу Черного моря, для того, чтобы в случае интервенции удобнее было обезоружить рабочий класс и уничтожить решающие промышленные очаги. Мистер Диманштейн, как и следовало ожидать, обосновывал свои теории последними достижениями «науки», то бишь теорией размещения Альфреда Вебера. По печальному недоразумению в эту борьбу против создания 2-й угольной металлургической базы была втянута часть наших работников, которые бесознательно лили воду на мельницу классового врага.

Тов. Сталин в своей речи на конференции работников промышленности не случайно отметил, что «в прошлом году советской власти пришлось вести некоторую борьбу по вопросу об образовании 2-й угольно-металлургической базы, без которой мы не можем больше развиваться. Но мы уже преодолели эти препятствия. И у нас будет в скором времени эта база». Итак, без создания 2-й угольно-металлургической базы «мы не можем больше развиваться». Борьба за создание 2-й угольно-металлургической базы есть вопрос темпов, есть вопрос быстреей реконструкции нашей страны на основе новейшей техники. Вот почему внимание всей страны, всей пролетарской общности приковано сейчас к проблеме Урало-Кузнецкого комбината.

Только на этих днях президиум Госплана СССР заслушал впервые контрольные цифры по Урало-Кузн. комбинату на 1931 г. Работа по созданию комбината требует напряженного труда. Здесь надо на научных основах, на основах марксистско-ленинской методологии разрешать такие проблемы, которые не снились никогда буржуазной

науке. Новая проблема размещения промышленности, проблема создания комбинатов на основе кооперирования, которые по своей экономической мощи будут превосходить все, что сделано в этой области в Европе, проблема новой социалистической техники, — все это проблемы огромной важности и значения. Нужна громадная и настойчивая работа всей нашей научно-технической мысли для практического претворения в жизнь поистине грандиозной идеи комбината.

Первая мысль о создании Урало-Кузнецкого комбината принадлежит не кому иному как Владимиру Ильичу Ленину. В 1918 г., когда Советская Россия после Брестского мира была отрезана от южной угольно-металлургической базы, В. И. Ленин поставил вопрос перед партией и рабочим классом о создании 2-й угольно-металлургической базы на востоке. «Подъем производительности труда, — говорил он, — требует прежде всего обеспечения материальной основы крупной индустрии, развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности. Российская Советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает даже после Брестского мира гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), гигантскими богатствами сырья для химической промышленности и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники дает основу невиданного прогресса производительных сил»¹.

В районе Урало-Кузнецкого комбината лежат огромные залежи высокоценных углей, которые по самым осторожным подсчетам составляют 400 млрд. тонн, а по мнению некоторых геологов запасы доходят до 1 000 млрд. тонн. Проф. Александров в статье об Ангарстрое замечает: «Последние оценки доводят возможный запас кузнецкого каменного угля почти до 1000 млрд. тонн. Качество кузнецких углей заставляет считать их одними из лучших в мире, а условия залегания их — одними из самых дешевых»². Угли Кузбасса по своему качеству превосходят все то, что мы имеем на территории нашей республики. Вновь открытые залежи Карагандинского угольного бассейна, наличие больших залежей бурых углей на Урале и особенно ценных запасов углей с высоким содержанием летучих в Кизеловском бассейне, огромные залежи железных руд на Урале (свыше 1 млрд. тонн), вновь открытые залежи в районе Орска (Средней Волги) бурых железняков, прекрасные по своему качеству бурые железняки Южной Башкирии, вновь открытые залежи железных руд в северо-восточной части Казакстана, огромные залежи калийных солей для химической промышленности и для промышленности магнезия, вновь открытые на Урале бокситы для производства алюминия, огромные пространства неэксплуатируемых лесов, миллионные запасы руд для цветных металлов (в Казакстане, на Урале, в Южной Башкирии, в Сибири), — все это ставит на одно из первых мест значение Урало-Кузнецкого комбината и гарантирует нам в кратчайший срок быструю индустриализацию страны на основе социалистических форм хозяйства.

Если иметь в виду, что эти запасы обнаружены при весьма плохой работе наших геолого-разведочных организаций, то можно легко представить действительный объем геологических запасов, находящихся на территории Урало-Кузнецкого комбината. Тов. Сталин, характе-

¹ Ленин. Собр. соч., т. XXII.

² «За индустриализацию» от 7/II 1931.

ризуя наши естественные богатства на востоке, говорит: «Взять хотя бы Урал, который представляет такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб, — чего только нет на Урале» (из речи на конференции работников промышленности). О том, что этот комбинат на востоке даст основу невиданного развития производительных сил, показывают те темпы, которые намечаются по Урало-Кузн. комбинату. В конце пятилетки выплавка чугуна достигнет здесь около 7 млн. тонн. Это почти то количество, которое проектировалось по всему Союзу в отправном варианте 5-летнего плана. По самым осторожным подсчетам выплавка чугуна на 1936 г. достигнет около 22 млн. тонн, производство каменного угля 160 млн. тонн, мощность электростанции около 9 млн. *kW*, грузооборот по главной магистрали Урал — Кузбасс (в грузовом направлении) около 60 млн. тонн. В комбинате предполагается производство азотных удобрений (1 млн. тонн), огромное производство цветных и легких металлов, жидкого топлива из сапропелитовых углей Кузбасса, производство качественного черного металла — около 4 млн. тонн, мощная сеть специализированных заводов тяжелого и среднего машиностроения, автотракторостроения. Если в 1933 году Урало-Кузн. комбинат по выплавке чугуна будет уже равняться Англии, то в 1936 году Урало-Кузн. комбинат по производству черного, цветного металла, по химии — обгонит все европейские капиталистические страны и займет 2-е место во всей мировой экономике после САСШ.

Какие огромные масштабы производства намечаются по Урало-Кузн. комбинату, показывает нам сравнение с планом ГОЭЛРО. По плану ГОЭЛРО добыча угля проектировалась в 63 млн. тонн, а по Урало-Кузн. комбинату к 1936 г. она достигнет уже 160 млн. тонн, выплавка чугуна — 8,2 млн. тонн, а по Урало-Кузн. комбинату к 1936 году будет произведено 20 млн. тонн чугуна, в том числе качественного металла около 3—4 млн. тонн. В 1933 году выплавка чугуна по Урало-Кузн. комбинату будет немногим меньше того количества, которое проектировалось ГОЭЛРО по всему Союзу.

По своей экономической мощности Урало-Кузн. комбинат будет превосходить намеченные планы ГОЭЛРО в несколько раз. Уже в 1931 г. капитальные вложения по комбинату выразятся в 1½ млрд. руб. — по группе «А» + электр. + трансп. Это почти то вложение, которое предполагалось в 5-летнем плане по комбинату в течение пятилетия. По черной металлургии предполагалось за 5 лет вложить 422 млн. руб., в одну черную металлургию в 1931 г. будет вложено более 500 млн. руб., т. е. половина всех вложений в черную металлургию по Союзу на 1931 г., а общие вложения в группу «А» составляют 28% от всех вложений в группу «А» по всему Союзу.

В 1931 году увеличивается число электростанций в 2 раза, а мощность их увеличивается с 30 тыс. *kW* до 414 тыс. *kW*, т. е. в 13 раз; за один год линия электропередачи с 350 км поднимается до 1 250 км. По железнодорожному строительству Урало-Кузн. комбината объем работ будет равен объемам работ трех Турсибов (и это только за один 1931 г.)! Вот какими масштабами капитальных работ измеряются современные темпы строительства Урало-Кузн. комбината.

Какова же линия технической реконструкции при создании Урало-Кузн. комбината? Известно, что основой комбината будет электрификация — самое мощное, главное и решающее условие для успешного создания Урало-Кузн. комбината. Развитие комбината идет в разрез с путями, которые были намечены проектировщиками, рекомендовавшими

устройство мелких карликовых предприятий. Мы пошли по иному пути, по пути новейшей техники, ибо «мы — страна самой концентрированной промышленности. Это значит, что мы можем строить нашу промышленность на основе самой лучшей техники и обеспечивать благодаря этому невиданную производительность труда, невиданный темп накопления» (С т а л и н. Речь на конференции работников промышленности).

Раньше проектировались металлургические заводы с производительностью 330 тыс. тонн и максимум 660 тыс. тонн, с производительностью доменных печей до 180 тыс. тонн, «с возможным ее увеличением до 200 тыс. тонн» (II т., 1 ч. 5-летн. плана). Сейчас же мы строим Магнитогорский завод с производительностью 2 880 тыс. тонн, с 8 домами по 1 210 куб. метров, с наилучшим коэффициентом использования объема, с постройкой прокатного цеха, с блюмингами производительностью по 850 тыс. тонн в год, с мартеновскими печами по 150 тонн каждая. Один Магнитогорский завод, который в основном должен быть закончен в конце 1932 г., должен дать в 1933 г. продукцию полной мощности в 2 880 тыс. тонн. Это $\frac{3}{4}$ того, что давала вся царская Россия в 1913 г.

Вся выплавка чугуна девяти южных заводов в 1913 г. равнялась всего 136,9 млн. пуд. при 39 домнах, причем средняя производительность довоенных гигантов-домен не превышала 5 млн. пудов против ныне строящихся магнитогорских домен производительностью в год 24 млн. пудов. Кузнецкий завод строится на 1,2 млн. тонн. Все заводы Урала (их около 46) выплавляют чугуна в 1931 г. около 1 400 тыс. тонн. Один только Ново-Тагильский завод покрывает всю эту годовую продукцию уральских старых заводов. Но техника не остановится. Новейшие данные в области электрометаллургии говорят нам о том, что при получении очень дешевой электрической энергии мы начнем переходить к электрометаллургии и сумеем огромные массы потребляемого кокса сэкономить почти на 70% против современного расходования.

Еще в 1920 г. т. Кржижановский предсказывал новую эпоху электрометаллургии. «В обычных металлургических печах тепловые потери на нагрев самих печей, на лучеиспускание их обширных поверхностей чрезвычайно велики. Электрический ток концентрирует громадное тепловое напряжение вольтовой дуги в крайне ограниченном пространстве, непосредственно в недрах самого вещества. Потери здесь ничтожны. Дорогая и сложная огненная плавка решительно отодвигается на задний план. Электролитическая медь, алюминий, электросталь и др. металлы становятся обычным рыночным товаром. Колоссы домен начинают себя чувствовать необеспеченными. Им угрожают тонкие извивы электрических проводов. Но полная переоценка ценностей наступает с момента властного вторжения в электрохимический процесс электроэнергии районных станций, несущейся от неиссякаемых первоисточников природы»³.

Постройка мощных электростанций, в особенности гидроэлектростанций в Сибири и на Урале, бесспорно откроет нам путь широкого развития электрометаллургии. Неиссякаемые водные запасы Ангары обещают такую дешевую энергию, что уже сибиряки в своем генплане проектируют получить около 2½ млн. тонн металла — на базе электроэнергии будущей Ангарской гидроэлектростанции. Особенное же значение,

³ «Задачи электрификации», 1920.

как это было еще отмечено в плане ГОЭЛРО, электрометаллургия приобретает для Урала, бедного коксующимися углями. Надо в ближайший же год начать строительство гидростанции на Урале и в Башкирии. План ГОЭЛРО намечал обильный расцвет утилизации водной энергии, особенно на Урале, но к сожалению до сих пор еще ничего не сделано.

По линии цветной металлургии мы строим гигант — медеплавильный завод в Караганде (так наз. Казмедстрой) на 200 тыс. тонн меди. Это такая производительность завода, которая полностью покрывает производительность существующих медеплавильных заводов в СССР, дающих в 1931 г. 150 тыс. тонн меди. Дальнейшие успехи флотации в области обогащения медных руд для производства цветных металлов позволят и уже позволяют концентрировать плавку на заводах гигантах с дешевой электроэнергией, ибо цветная металлургия является одним из энергоемких производств. В области химической промышленности, благодаря намечающейся концентрации коксования в угольных бассейнах, мы строим заводы азотно-туковых удобрений гигантских размеров.

Но самым решающим фактором в развитии Урало-Кузн. комбината является преодоление двухтысячекилометрового пространства между Уралом и Кузбассом. Мы должны этот естественный географический фактор опосредствовать нашей системой социалистической техники. Таким рычагом является электрификация главной магистрали. На основе плана ГОЭЛРО, постановлений VIII съезда советов президиум Госплана СССР вынес историческое решение о немедленном приступе к коренной реконструкции главной магистрали Урала — Кузбасса — на базе электрификации.

Паровая техника не смогла разрешить проблему перевоза 60 млн. тонн груза, паровая техника пришла уже в противоречие на решающих участках с нашим общественно-экономическим строем. Теперь уже самые горячие сторонники паровой тяги не в состоянии осилить такие порции грузооборота, как 60 млн. тонн в грузовом направлении. По ориентировочным наметкам мы будем иметь себестоимость тонно-километра по электромагистрали 0,18 коп. против современной паровой — 0,38 коп. Это равносильно тому, что мы проводим водный канал между Уралом и Кузбассом. Рушатся здесь реакционные оппортунистические теории, направленные против сверхмагистрализации и электрификации ж.-д. транспорта. Электрификация главной сибирской магистрали приближает мировые залежи Кузбасских углей и всю экономику Сибири к центрам потребления и ускоряет транспортирование в 3—4 раза по сравнению с современной паровой ж. д. Но на этих достижениях мы не остановимся и перейдем к организации высоковольтных передач на 2 000—3 000 километров с передачей миллионов kW электроэнергии. В ближайшее время мы будем свидетелями того, как мощные потоки электроэнергии хлынут с Кузбасса на Урал и далее к другим промышленным центрам, имеющим дефицитные энергетические балансы. Наряду с электропередачей не исключена возможность одновременного устройства громадного 2-тысячно километрового углепровода, который будет по мощным трубам гнать угольную пыль с востока на Урал, на Поволжье, в районы острого недостатка местного топлива. Научно-техническая мысль СССР должна уже начать работы в этой области, ибо техническая линия реконструкции пойдет не только по пути новейшей техники, которую мы заимствуем в капиталистических странах, но пойдет по пути создания

своей социалистической техники, адекватной социалистическим производственным отношениям нашей экономики.

В связи с этим предстоит огромная работа всей нашей пролетарской научно-технической мысли над вопросами социалистической техники. Здесь надо дерзать. Вспомним, как В. И. Ленин относился к вопросам технического перевооружения. Вспомним как он отнесся к идее химика Рамзея, назвав ее одной из великих побед техники. Косность, делячество, скептицизм — должны быть вытравлены каленым железом, ибо огромные невиданные темпы строительства Урало-Кузнецкого комбината требуют скорейшего разрешения крупнейших вопросов технической реконструкции.

Велика задача по строительству Урало-Кузн. комбината не только в области техники, а и в области планирования. Новые формы планирования на основе комбинирования и кооперирования требуют иного методологического подхода. Здесь планирование не вообще продукции, вложений, здесь требуется научно-обоснованный план, а не методы плановой халтуры Ковалевского и др., которые хотели вести планирование на основе арифмометра. Нужно глубокое изучение естественно-географических условий районов, мощные геолого-разведочные работы, изучение вопросов технологической связи и взаимодействия решающих отраслей индустрии и на этой основе создание единичных комбинатов внутри общего Урало-Кузнецкого комбината — изучение новейшего технического процесса важнейших участков в мировой экономике; глубокое экономическое обоснование подлинных большевистских темпов в развитии хозяйства и наконец умение планировать на основе новейшей техники. Вот каков объем первоначальных работ по созданию комбината. Здесь нужна организованная коллективная работа всех звеньев планирующих, научных и общественных организаций под неослабным железным контролем руководящего органа — Г о с п л а н а СССР.

На новом этапе социалистического строительства проблема комбинирования приобретает особо актуальный характер, ибо в нашем планировании мы уже начинаем иметь дело с комбинатами Днепровским, Донбасским, Энергохимическим комбинатом и наконец Урало-Кузнецким комбинатом. Все перспективное планирование в дальнейшем пойдет по пути создания комбинатов как форм развития не только промышленности, но и сельского хозяйства и транспорта. А перспективное планирование — это и есть генеральный план. Особенности генплана будут заключаться не в отраслевом планировании, а в создании мощных комбинатов на основе электрификации как районных, так и межрайонных. Начало комбинированного производства выходит уже из пределов промышленности, в узком смысле этого слова, выливаются в систему комбинатов на основе ограниченного слияния всей экономики районов. В этом одна из особенностей методологии генплана. Главные рычаги комбинирования: электрификация, химия, (орудие экономного всестороннего использования вещества), транспорт (фактор пространственного объединения процессов), наконец новая организация труда.

Комбинирование есть сущность социалистической промышленности. «На почве комбинирования происходит углубленная специализация внутри района и максимальное укрепление связей между различными районами на почве кооперирования. Специализация и комбинирование — это различные стороны одного и того же процесса

великой кооперации труда в Союзе»⁴. На базе комбинирования мы создаем наиболее концентрированные производства, технологически наиболее рационально связанные между собой, причем единичные комбинаты внутри всеобщего комбината составляют звенья одного целого Урало-Кузнецкого комбината.

«Комбинирование носит всеобщий характер, комбинирование становится типичной формой развертывания производительных сил СССР, комбинирование есть не только вопрос об организационной стороне развития промышленности, но и вопрос о структуре, о методе, и путях коренной реконструкции нашего хозяйства. С этой единой точки зрения весь Союз в перспективе можно представить как единый комбинат с рядом частных комбинатов по экономрайонам с все более уходящей вглубь специализацией этих комбинатов»⁵.

Тов. Флаксерман в вопросе об энергоплане дает очень интересное замечание о ступенях развития комбинирования: «1) первичные комбинаты, 2) вторая ступень (единый энергетический центр), 3) комплексный — высшая ступень (охватывающая весь район экономически) и наконец 4) взаимная увязка отдельных районов — межрайонные комбинаты»⁶.

Урало-Кузнецкий комбинат есть межрайонный комбинат, он развивается на базе кооперирования в первую очередь уральской железной руды с углями Зап. Сибири. Внутри комбината мы будем иметь единичные комбинаты. Таким например будет комбинат Халилово — Караганда, организующийся на базе кооперирования карагандских углей с железными рудами Средней Волги. Сам Халиловский район будет представлять энергометаллургический химический комбинат на базе соединения черной и цветной металлургии с химической промышленностью как самого Халилово, так и Актюбинского фосфатного района; затем идет Карагандинский комбинат; комбинат Магнитная — Комарово — Зигазино — Бакал на базе производства качественного металла и черной металлургии, ферросплавов и химической промышленности; комбинаты севера Урала — на основе химии, лесохимии и черной металлургии; целый ряд единичных комбинатов внутри Урала по линии машиностроения, химии и черной металлургии, наконец отдельные комбинаты, более специальные внутри Кузбасса и в районе Новосибирска.

Развитие Урало-Кузн. комбината имеет свои целевые установки. На ближайшие два-три года здесь будет в основном угольно-металлургическая база. В последнее время, некоторые товарищи пытаются обезличить Урало-Кузн. комбинат, предлагая все отрасли промышленности и сельское хозяйство, находящееся на территории УКК, включить в состав Урало-Кузн. комбината уже на данном этапе. Такая установка является явно ошибочной, ибо самое существенное, самое главное звено, за которое надо ухватиться в ближайшие годы — создание угольно-металлургической базы: «Главная проблема — форсированное развитие черной металлургии. Имейте в виду, что мы достигли довоенной нормы производства чугуна и перевыполняем ее только в текущем 1929/30 г. Это большая угроза для всего нашего народного хозяйства... Эту задачу мы должны выполнить во что бы то ни стало,

⁴ «5-летний план», т. II, ч. 1, с. 100.

⁵ Там же.

⁶ «За индустриализацию» от 3 июня 1930

если мы хотим по-настоящему развернуть дело индустриализации нашей страны» (С т а л и н, Политотчет ЦК XVI съезду).

Уголь, металл и химическая промышленность — вот то тройное единство, которое создает специфическое индустриальное лицо Урало-Кузн. комбината, причем это тройное единство создается на базе электрификации. Как только мы создадим вторую угольно-металлургическую базу, то в дальнейшем своем развитии комбинат, на основе полного слияния с другими отраслями народного хозяйства этого района и в первую очередь с сельским хозяйством, превратится в мощный комбинат на базе завершенной электрификации, где будут уже скомбинированы все отрасли экономики района.

В своем развитии Урало-Кузнецкий комбинат будет связан единой энергетической сетью, причем все электрические станции включаются в общую сеть энергетики, кроме того весь комбинат будет органически связан мощным электрифицированным транспортом как на главной магистрали, так и внутри Урала и Кузбасса (а внутри районов будут созданы газовые магистрали). Тогда вековая противоположность между городом и деревней будет на основе Урало-Кузн. комбината уничтожена, и все отрасли социалистической экономики на основе кооперирования сольются в один общий экономический поток и таким образом будут разрешены основные проблемы комбинирования всех отраслей народного хозяйства.

Но Урало-Кузнецкий комбинат разрешает не только экономическую проблему комбинирования, он одновременно разрешает проблему национальную. Впервые в отсталых национальных образованиях, как в Башкирии, в Казакстане и в др. районах, мы строим современные индустриальные гиганты и этим приобщаем трудящихся отсталых наций к самой передовой технике и культуре.

Урало-Кузнецкий комбинат будет представлять не замкнутую экономическую единицу, а будет находиться в тесной органической связи со всей экономикой СССР, причем этот комбинат произведет глубокие структурные изменения во всем народном хозяйстве Союза. Вот почему перспективное планирование Урало-Кузн. комбината тесно увязывается с вопросом перспективного планирования всего народного хозяйства СССР. Особенно велика роль Урало-Кузн. камоината — в деле снабжения страны качественным черным металлом (комбинат будет основной базой по снабжению Союза качественным металлом). Уже в 1931 г. предполагается долю производства качественного металла в СССР довести почти до 50—60%. Доля выплавки чугуна с 23% в 1931 г. поднимается почти до 50% — в 1936 г., когда огромные массы черного металла пойдут на запад, в Поволжье, Сев. край, Центр.-пром. область. В связи с тем, что 87% всех запасов каменных углей сосредоточено на востоке и в частности в Урало-Кузн. комбинате, то Кузбасс станет наряду с Донбассом основной угольной базой Союза с большим вывозом химических и технологических углей за Урал. Но особенно большое и решающее значение будет иметь УКК по линии снабжения всей электро-технической промышленности цветными металлами (медь, цинк, свинец, никель). Уже в 1931 г. Урало-Кузн. комбинат произведет больше половины всего союзного производства меди. Намечается большое производство легких металлов на базе дешевой электрической энергии. Будет создана мощная магниевая промышленность, базирующаяся на корнелитах соликамских залежей, и алюминиевое производство, на бокситах алапаевских и сибирских. В 1932 году мы приступаем к постройке двух мощных заводов по магнию и алюминию.

Исключительную роль будет играть комбинат в снабжении страны азотно-туковыми удобрениями. Химические и азотные удобрения пойдут по Турксибу в Южный Казакстан и на хлопковые поля Средней Азии. Для связи этих районов, для вывоза из Урала железа и проч. промышленных продуктов предполагается соединить железной дорогой металлурго-химический комбинат Халилово с Средней Азией, с Кунград — Чарджуй.

В области машиностроения предполагается создать уже в ближайшие годы в Урало-Кузн. комбинате тяжелое и среднее машиностроение для обслуживания угольной, металлургической и химической промышленности. Наряду с этим будет создана мощная электротехническая промышленность. Все машиностроение будет создано на базе специализации и кооперирования внутри комбината. Необходимо уже сейчас определить место Урало-Кузн. комбината в общем машиностроении Союза. В частности необходимо машиностроение наиболее тонкое, и точное, машиностроение группы «Б», сосредоточить в других районах Союза, а в Урало-Кузн. комбинате создать в основном тяжелое и среднее машиностроение, с электро-технической промышленностью (в частности турбостроения, электровозостроения).

В данный момент без широкого развертывания тяжелого машиностроения внутри комбината невозможно создать угольно-металлургическую базу. Развитие добычи угля упирается в отсутствие врубовых машин, а самое главное, горнопроходческого оборудования, развитие черной металлургии упирается в отсутствие своего производства блюмингов, прокатных и доменных агрегатов, развитие химии — в отсутствие химаппаратуры. Необходимо уже с 1931 г. начать широкое строительство заводов тяжелого машиностроения, без этого мы не сможем создать в кратчайший срок вторую металлургическую базу.

Самым узким местом сейчас становится машиностроение. Консервативные вредители всячески тормозили создание собственного тяжелого машиностроения на Урале, и теперь мы особенно начинаем чувствовать плоды вредительских изысканий. Необходимо в ближайшее же время преодолеть это узкое место. Капитальные вложения по машиностроению на 1931 г. должны быть усилены, чтобы 1-я серия заводов могла быть в основном закончена к 1932 г.

Громадное социалистическое строительство в сельском хозяйстве и промышленности требует огромного количества автотранспорта. Мощной топливной базой для автотранспорта являются сапропелитовые угли Кузбасса с содержанием до 25% жидкого горючего. Уже с 1932 г. предполагается начать промышленное производство жидкого топлива в Кузбассе, с использованием сапропелитовых углей. Вот почему в перспективное планирование комбината включена постройка автогиганта. Для автостроения в Урал-Кузн. комбинате будет иметься полное наличие качественного металла, цветных металлов, производство каучука в Казакстане. Местом постройки автогиганта явится один из пунктов южного Урала.

Создание Урало-Кузн. комбината пред'являет огромные требования к научно-исследовательским организациям и в первую очередь к Комакадемии. Комакадемия должна будет в ближайшее время приступить к руководству научно-исследовательской работой по Урало-Кузн. комбинату. Сейчас в десятках объединений, отраслевых научно-исследовательских институтах работа идет вслепую, грубо-эмпирически, без определенных методологических установок. Нужно чтобы в ближайшее время Комакадемия дала методологию генерального плана,

методологию размещения промышленности, комбинирования, новой организации труда, энергетическую концепцию, методологию технической реконструкции.

Вот какие огромные задачи стоят перед Комакадемией. При общей дружной работе, при максимальном напряжении сил, Комакадемия безусловно выполнит ту огромную задачу, которую пред'явила ей страна строящегося социализма. Порукой тому является то внимание, которое сосредоточила Комакадемия на проблеме Урало-Кузнецкого комбината. Необходимо уже в ближайшие дни под руководством Комакадемии выработать единый научно-исследовательский план работы всех организаций, разрабатывающих проблему Урало-Кузнецкого комбината.

Ю. ЛАРИН

ОПОРТУНИЗМ В ПЛАНИРОВАНИИ¹

Тема «Оппортунизм в планировании» чрезвычайно обширна, поэтому прежде всего нужно условиться о границах, в которых о ней будет идти речь. Во-первых, я не буду говорить о вредительстве в планировании, потому что вредительство и оппортунизм совершенно различные понятия. Вредительство есть сознательное причинение вреда делу рабочего класса, а оппортунизм является выражением давления чуждых классов на определенных работников, но не с намеренным причинением вреда пролетарскому государству со стороны этих работников. Само собой разумеется, что нечуткое отношение к вредительству, которое несомненно имело место в наших планирующих органах, конечно отражалось и в плановых проектировках, которые существовали. Само собой разумеется, что это нечуткое отношение к вредительству свидетельствует о том, что те работники, которые его проявили, очевидно имели круг взглядов, круг настроений, которые притупляют чуткость, т. е. объективно были носителями оппортунистических тенденций.

Второе, о чем я не буду говорить, — это о планах прошлых лет, о планировке, относящейся к тем годам, которые уже прошли. Тут тоже чрезвычайно легко было бы стяжать критические лавры, показав, что прежние планы слишком часто составлялись с недоучетом возможностей, с неверием в наши силы или с недостаточным их знанием, критика видевших эти недочеты оставлялась планирующими органами без внимания. Потом уже на ходу приходилось перестраиваться и перевыполнять планы с частичной потерей времени, с ущербом для подготовки, при увеличенных трудностях.

Речь будет идти о планах на будущее, о длительных наметках на ряд лет. Наметка на более длительный период позволяет гораздо легче выяснить оппортунистические тенденции если они в той или иной планировке заложены и значение, какое эти тенденции имеют для интересов обороны, ибо здесь мы имеем накопление результатов оппортунистических ошибок. Поэтому буду говорить о так называемом генеральном плане, особенно о ближайших годах, о которых легче судить — о второй пятилетке генерального плана.

Первая наметка генерального плана была разработана в Госплане и поставлена им на общественное обсуждение уже более двух лет назад. Об этом первом опубликованном варианте не буду подробно говорить, потому что он в настоящее время уже оставлен. Это тот первый вариант наметки генерального плана, который был разработан в особой комиссии Госплана под руководством заместителя председателя Госплана проф. Осадчего. Он был затем неоднократно предметом докладов, популяризации и т. д. и в частности опубликован в «Правде» в ряде статей проф. Осадчего.

Этот первый вариант был подвергнут мною критике в июле

¹ Из доклада в Военной секции Комакадемин.

1929 г. в «Правде», причем было указано три основных его недостатка. Прежде всего, — что этот план не является планом строительства социализма, а только переносит в будущее ту общественную структуру, которая у нас сложилась к настоящему времени, т. е. структуру переходного времени, только в увеличенном масштабе. Достаточно указать, что этот вариант проектировал к конечному сроку действия плана рост индивидуальных крестьянских хозяйств, примерно, до 40 миллионов дворов, сохранение частной торговли и т. п.

Второй недостаток в этом первом опубликованном варианте наметки генерального плана — неправильное представление о темпах, а именно, здесь выдвигалась — затухающая кривая роста промышленной продукции, т. е. предположение, что с каждым годом относительный рост продукции будет все уменьшаться. Третий недостаток — этот план недостаточно считался с интересами обороны, отрывал развитие хозяйства от перспектив международного положения и в силу такого подхода ставил в ущерб тяжелую индустрию, особенно производство металла, давал ему явно недостаточный разгон, а зато предоставлял непропорциональный перевес развитию легких отраслей промышленности. Тогда эта критика вызвала довольно раздраженные ответы со стороны работников Госплана. Но теперь этот вопрос можно считать сданным в архив, потому что сам руководитель составления этого варианта, проф. Осадчий, оказался вредителем, арестован и признал, что при составлении этого плана имелись в виду определенные вредительские намерения.

Но теперь мы имеем уже новый вариант наметки генерального плана, опубликованный в 1930 г., в брошюре, изданной к XVI партс'езду. Этот второй опубликованный вариант наметки генерального плана предварительно обсуждался в 1930 г. на Всесоюзном с'езде плановых работников, в Президиуме Госплана СССР, в Институте экономических исследований Госплана СССР и т. д. Второй вариант, изложенный в статье т. Ковалевского, снабжен двумя отзывами — т. Кржижановского и т. Квиринга. Один отзыв, т. Кржижановского заключается в том, что этот план пожалуй, нельзя будет выполнить, так как там принят слишком быстрый рост². Другой отзыв, т. Квиринга, об этом же варианте говорит о том, что в общем эта наметка «может ориентировать нас примерно в масштабе и структуре производства и строительства» (с. 55 брошюры).

Вот этот новый опубликованный вариант, который таким образом оценен наиболее ответственными руководителями Госплана в течение долгого времени, — он и должен лежать в основе нашего рассмотрения.

Я считаю, что в основном и этот второй вариант отличается двумя крупнейшими недостатками, имеющими ближайшее отношение к интересам обороны: во-первых — преуменьшением возможностей развития, преуменьшением темпов, которые могут быть достигнуты; во-вторых — неправильным распределением наших средств между тяжелой индустрией и другими отраслями хозяйства, которое ведет к значительному ущербу для интересов обороны. Поэтому новый второй вариант является оппортунистическим. Из трех основных недостатков

² «Проблемы построения генерального плана», 1930, изд. Планхозгиза с. 24 — 25.

первого варианта, вредительского (проф. Осадчего), он свободен от одного — именно, второй вариант желает строить социализм. Только он не отдает себе отчета, что для этого надо избавиться и от двух других недостатков. Поэтому он плохо строит социализм, как и подобает оппортунистической наметке.

Что надо вообще для составления перспективного плана, строящегося на несколько лет вперед, на более длительный промежуток? Разумеется раньше всего надо знать чего хочешь. Это у авторов второго варианта было — они хотели строить социализм (в отличие от первого составленного в Госплане варианта). Затем надо иметь пять основных элементов: 1) план использования, организации, распределения человеческого труда, который имеется в распоряжении СССР; 2) план использования орудий, машин, того оборудования, которое в распоряжении людей имеется; 3) план использования тех добавочных возможностей, тех преимуществ, которые даются режимом пролетарской диктатуры сравнительно с режимом буржуазным, потому что при тех же самых человеческих силах, при том же самом оборудовании, строй нашего хозяйства открывает целый ряд дополнительных возможностей; 4) план перестройки и обогащения техники, подведения материальной базы под то изменение общественной структуры, к какому мы стремимся; 5) правильное, т. е. твердое и трезвое установление темпов развития на основе всех этих данных, причем перед глазами должно быть не безвоздушное пространство, где можно строить что угодно, а положение нашей страны как вооруженного лагеря пролетариата на пути к его мировой победе, т. е. проще говоря, специальный учет потребностей обороны, специальная мысль о том, что задача обороны стоит перед нами всегда и при определенных условиях станет крайне остро.

По итогу планировки темпов можно судить о правильности учета первых четырех моментов, по развитию тяжелой индустрии можно судить о правильности внешнеполитической ориентировки наметки (да и не о ней одной понятно). Возьмем первый вопрос — о темпах. Второй вариант госплановской наметки устанавливает «затухающую кривую роста коэффициента воспроизводства» (с. 73 брошюры) и вместе с тем «значительное снижение коэффициента напряженности производственного накопления» (с. 70 брошюры). Это точные формулировки самого варианта, самих его авторов. Что означает «затухающая кривая роста коэффициента воспроизводства?» В переводе на простой язык это означает, что второй вариант госплановской наметки исходит из предположения, что в дальнейшем мы будем иметь все более замедляющийся прирост продукции каждого года по отношению к тем фондам, какие в стране к началу года имеются (с. 62 брошюры). Иначе сказать, в этой замысловатой ученой форме оппортунистический второй вариант воскрешает ту откровенную затухающую кривую роста продукции, которая была существенным признаком первого варианта.

«Снижение коэффициента напряженности производственного накопления» в переводе на простой язык означает, что в каждом следующем году будет делаться все меньше та доля продукции, какую мы будем вкладывать в расширение производства, иначе сказать — размах расширения производства в СССР будет суживаться, а не расширяться. Такие неприятные перспективы обещает нам и второй вариант госплановской наметки в самый период построения социализма. Не убыстрение, а замедление темпа строительства социализма — вот вывод

из трудов наших госплановцев, уже освобожденных от чуждых вредителей, но еще оставшихся при собственных оппортунистических недооценках наших возможностей.

В цифрах это выражается так, что коэффициент напряженности производственного накопления в 1931 году по этой госплановской наметке составляет около 46%, к 1939/40 году он постепенно снижается, уже до 33%, а затем и до 31%. Таким образом предполагается, что ежегодно прирост продукции по отношению к намеченным фондам будет уменьшаться, да еще, что из этого прироста все меньшая доля будет итти на расширение производства. Приятная перспектива на вторую пятилетку, нечего сказать! Каждому понятно, что это есть не что иное, как новое издание той самой затухающей кривой роста продукции, за которую вполне правильно громили всевозможные пятилетки, в составлении которых участвовали вредители.

Напомню, что тогдашние члены Комакадемии Громан и, если не ошибаюсь, Базаров были исключены из нее, с мотивировкой, что они являются соавторами учения о затухающей кривой роста развертывания нашего хозяйства. Хотя их за это исключили, а потом арестовали, и в своих показаниях Громан признал такую планировку вредительством, но и после этого в новом, втором варианте госплановской наметки, опубликованном к партийному съезду в специальной брошюре с теми рекомендациями, которые я приводил, — налицо оказываются затухающая кривая роста воспроизводства и значительное снижение коэффициента напряженности производственного накопления. Всякий подумает, что вероятно должны быть очень серьезные и непреодолимые мотивы для того, чтобы уже лишенные вредителей госплановцы все же проповедывали такую наметку. Неужто предстоящие ближайшие годы действительно так неблагоприятны для нас? С особым вниманием я выбрал все мотивы в пользу сохранения затухающей кривой роста, которые в этой брошюре приводятся в обоснование такой проектировки — и скажу прямо: трудно подыскать пример, когда бы с таким легковесным багажом делали такие тяжелые выводы.

Здесь указаны два основания: во-первых, если в первую пятилетку мы имели увеличение количества человеко-часов труда в течение года, благодаря введению непрерывки, благодаря начавшемуся введению многосменности, то нужно ожидать, — так говорят нам, — уменьшения количества массы человеческого труда во вторую пятилетку в СССР, и особенно в третью (с. 72 и 73 брошюры). И второе основание — слишком велика масса оборудования, масса фондов, уже вложенных и которые еще будут вложены в наше народное хозяйство. Между тем коэффициент воспроизводства, — говорят нам, — «может расти лишь в том случае, если еще быстрее, чем растет материальная вооруженность труда, растет его производительность, умноженная на количество человеко-часов труда» (с. 72 брошюры).

Надо сказать, что второй мотив представляет собой не что иное как повторение в иной форме первого мотива, сводится к нему же (к количеству труда), — ибо производительность явно увеличивается от улучшения оборудования. Второй мотив ничего не прибавляет к первому, кроме случая, если заподозрить авторов в попытке создания для промышленности своего рода «закона убывающего плодородия оборудования» в роде печальной памяти «закона убывающего плодородия почвы» буржуазных экономистов.

Значит, если бы было доказано первое положение, которое выставляют авторы, а именно, что в СССР будет уменьшаться масса труда (или что производительность его будет отставать от роста оборудования), тогда тем самым — и только тогда — было бы доказано и ожидание авторов второго варианта госплановской наметки замедления темпов воспроизводства и расширения производства. Если бы, наоборот, оказалось, что доводы в пользу первого пункта, в пользу уменьшения массы труда в СССР неосновательны, то тем самым падает вся госплановская наметка предстоящих темпов, исчезает в таком обоснование ожидания их затухания, снижения. Какие же доводы выставляются этим новым вариантом госплановцев (подарочек партс'езду!) для доказательства, что масса труда у нас будет уменьшаться. Этих доводов всего пять. Они поразительны.

Первый — уже во второй пятилетке будет осуществлено «существенное сокращение продолжительности рабочего дня» (с. 72). Действительно, вполне можно ожидать введения 6-часового рабочего дня во второй пятилетке — такова тенденция нашего развития, таково предубеждение партийной программы. А это, — говорят нам, — даст уменьшение суммы часов труда, которые население вкладывает сейчас в производство. Вот первый довод.

Второй довод — неизбежно произойдет увеличение продолжительности ежегодного отпуска для всех рабочих (с. 72). Это также даст уменьшение суммы труда в течение года.

Третий — неизбежно предоставление более продолжительного времени молодежи для обучения (с. 73). Молодежь будет получать у нас более основательную подготовку, несомненно станет на очередь самое широкое прохождение ее после школы второй ступени через техникумы и вузы — отсюда новое уменьшение суммы труда. Хотя «мы уже сейчас держим курс на связь обучения с производством, но все же мы будем иметь в этом ученическом возрасте полурабочего, а не полного рабочего» (с. 73).

Четвертый довод — должно произойти снижение предельного возраста, до которого труд обязателен (с. 73). У нас сейчас считается, что женщина должна трудиться до 55 лет, а мужчина до 60. Авторы госплановской гипотезы считают, что с увеличением богатства государства, люди в более раннем возрасте должны переходить к безделью, что также должно дать уменьшение годовой массы труда в стране, и это будет якобы сказываться уже во второй пятилетке.

Пятый довод — предстоит введение всеобщего обучения (с. 73), а это ведет к сокращению человеко-часов труда детей и подростков школьного возраста. Действительно, во-первых, рабочие и затем крестьянские подростки начнут посещать школу второй ступени, чего раньше в такой мере не было. Во-вторых, проведение всеобщего обязательного обучения в деревне устранил детский труд из сельского хозяйства, в некоторых отраслях которого он имеет еще значение.

Вот те пять доводов, в силу которых во втором варианте госплановской гипотезы за вторую и третью пятилетку запроектирован затухающий рост коэффициента воспроизводства. Эти доводы надо признать совершенно неосновательными.

Первое — сокращение продолжительности рабочего дня. У нас средняя продолжительность рабочего дня уже в 1928/29 г. составляла только 7 час. 22 мин. («Статистический справочник» НКТруда к XVI с'езду ВКП(б), с 76), потому что уже тогда часть рабочих имела рабочий день короче восьми часов — подземные, занятые во вредных

производствах, ночные, подростки. Даже с учетом сверхурочных работ все же получается приведенная величина. Сокращение этой длительности до 6 часов означало бы уменьшение примерно на 18%. Если каждый рабочий в среднем уменьшит длительность своего дневного труда на 18%, то значит ли это, что общая годовая масса труда, прилагаемого в стране за год, в производственных целях, к оборудованию, к машине тоже уменьшится на 18%? Никоем образом. Если бы запасы человеческого труда были у нас ограничены уже тем количеством работников, которые уже заняты в производстве, то это было бы верно. Но известно, что значительная часть работоспособного населения как в городе, так и в деревне, не занята производственным трудом. Это — домашние хозяйки, миллионы жен рабочих и служащих в городе и крестьянки в той части их работы, которая направлена не на доение коров и т. п. производственные цели, а на домашнее хозяйство.

Домашние хозяйки и т. п. по подсчетам самого Госплана представляют собой резерв, равный 28% всей массы труда всего работоспособного населения (с. 68 рассматриваемой брошюры). Возможно, что этот подсчет несколько преуменьшен. Но допустим, что неиспользованный резерв составляет только 28%, как считают госплановцы. Чтобы покрыть те 18%, на которые будет уменьшена длительность рабочего дня и следовательно уменьшится масса человеческого труда, прилагаемого в производстве, для этого надо из тех 28%, которые не работают, а занимаются домашним хозяйством, втянуть в производство 18%, т. е. примерно две трети. Это значит, что в предстоящий период генерального плана, т. е. за конец первой пятилетки и за вторую и третью пятилетку надо хотя бы для двух третей работников организовать такое коллективное обслуживание быта, чтобы женщины «домашние хозяйки» могли быть втянуты в производство, в работу, в службу.

Ориентироваться на то, что за такой срок эта задача не будет выполнена, и уменьшение массы труда от сокращения рабочего дня останется непокрытым, — значит давать явно оппортунистическую установку. Эта задача несомненно будет разрешена на деле гораздо раньше, чем через 12 лет. Ведь не то, что через 12 лет, а уже сейчас существует известная директива о том, что в ближайшее время 50% всех рабочих крупных промышленных центров должно перейти на общественное питание. Если до конца первой пятилетки переводится 50% на общественное питание, то трудно думать, чтобы в остальные две пятилетки не были переведены остальные 50%. Кроме того сокращение рабочего дня несомненно подымет успешность труда, так что замечать придется не 18%, а самое большее 15% — вероятно много меньше. Можно поэтому считать, что первый довод, который этой заметкой указан в пользу затухающего роста коэффициента воспроизводства, совершенно несостоятелен. Больше того, 13% всей возможной массы труда еще останется в резерве, если за период генерального плана мы уничтожим в СССР унижительное понятие «домашней хозяйки». А к этому дело идет и дальше пойдет все быстрее.

Второй довод — увеличение продолжительности отпуска. У нас действительно отпуск составляет сейчас, как правило, только 2 недели, а в партийной программе указано, что с улучшением положения в стране отпуск должен будет составлять месяц, т. е. придется накинуть еще 2 недели. Увеличение отпуска на две недели означает выпадение 4% массы труда (две недели по отношению к году составляет 4%). Так как в СССР после покрытия сокращения рабочего дня до

6 часов, т. е. после увеличения числа производственных работников в связи с сокращением на полтора часа средней продолжительности рабочего дня в городе и деревне, остается еще даже запас в 13% неиспользованных производственных трудовых возможностей в виде рабочей силы домашних хозяек, то этого резерва больше чем хватит на практике 4% массы труда, выпадающих вследствие удлинения отпусков.

Третий довод — введение более продолжительного времени для обучения молодежи, необходимость широкого развития технических знаний. Но это никоим образом не означает необходимости уменьшения массы производственного труда. Грубо оппортунистическая установка — не видеть больше света в окошке, как буржуазная система ученья с отрывом производства или только с периодической «производственной практикой», на ряд лет действительно превращающей человека из рабочего в полурбочего. Ведь все больше растет количество тех заводов, которые одновременно являются техническими школами как низшими, так средними и высшими.

Нужна особая слепота для непонимания того, что именно это соединение науки с производством на самом предприятии есть тот путь, по которому мы неизбежно пойдем. Нельзя только повторять буржуазные зады, т. е. для поднятия техники, для обучения технике строить специальные средние и высшие учебные заведения, обособленные от производства, держать там на стипендии людей, которые в производстве не участвуют (кроме «практики»). Идя этим путем, нельзя теперь создать поголовное обучение рабочих инженерным знаниям, поголовное обучение земледельцев агрономическим знаниям. Ведь надо обучать не десятки тысяч, как обучала буржуазия, не сотни тысяч, как начинаем обучать мы теперь (у нас уже больше 200 тыс. студентов), нам надо обучать миллионы, без постройки для них специальных общежитий, без содержания неработающих миллионов трудоспособных людей на стипендиях. А для этого единственное средство — разорвать со старой буржуазной традицией. Вместо того, чтобы наукой занимались оторвано от предприятия, не работая, вместо этого надо работая, учиться, надо науку перенести на предприятия, все эти предприятия превратить в средние и высшие технические учебные заведения.

Иначе говоря, с ростом наших возможностей, — а ко второй пятилетке эта возможность несомненно создастся, — мы подходим к выполнению того пункта партийной программы, которая говорит, что со временем уровень производительности труда позволит нам ввести 6-часовой рабочий день, — и сами авторы госплановской наметки оговаривают, что во второй пятилетке произойдет дальнейшее сокращение рабочего дня. Партийная программа указывает, что когда мы сможем достигнуть 6-часового рабочего дня, тогда общим правилом надо сделать, чтобы рабочий на предприятии после физической работы ежедневно несколько часов посвящал своему техническому образованию. Тогда, при коротком рабочем дне, это будет совершенно по-сильно для рабочего, соответствующий опыт уже имеется.

Следовательно, обучение молодежи техническим знаниям будет происходить без всякого ущерба для производства, без всякого уменьшения массы производимой продукции, без уменьшения массы труда в производстве, потому что люди будут учиться в ту часть дня, когда они не заняты производственной работой. Если человек 6 часов будет физически работать на производстве и потом два или три часа учить-

ся теории, то в течение нескольких лет из него получится сначала техник, а потом инженер. Притом инженер, прошедший и богатую производственную практику как рабочий на своем предприятии, и теоретическую учебу, по количеству часов не уступающую тому объему теоретической учебы, какую мы даем в наших техникумах и вузах взятых вместе. Следовательно довод относительно технического ученья молодежи, относительно людей, находящихся в возрасте, примерно от 17 до 23 лет, которые составляют значительную часть наших рабочих, — также должен быть признан совершенно несостоятельным.

Четвертый довод — снижение предельного возраста обязательного труда, стремление к тому, чтобы мужчины работали не до 60 лет; а лишь до 55 или до 50, чтобы женщины работали не до 55 лет, а лишь до 50 или до 45. Установка, которая есть в разбираемой госплановской наметке 1930 г., что надо идти к понижению возраста, до которого люди трудятся, — эта установка совершенно оппортунистическая. Надо стремиться не к понижению возраста, до которого трудятся, а к повышению здоровья людей, к тому, чтобы они могли трудиться дольше. Мне случилось недавно читать в воспоминаниях известного американского миллиардера Карнеджи такую фразу: «Мне пошел 51 год и я решил — молодость кончилась, надо жениться». Американский миллиардер Карнеджи считает, что молодость кончена, когда пошел 51 год и наступила пора жениться, а до того он был слишком незрелым молодым человеком. А у нас в Госплане, перспективный социалистический план предполагает превратить к 50 годам людей в стариков и старух.

Оппортунизм заключается здесь в непонимании того, как действует длительный период пролетарской диктатуры на физическое состояние трудящихся, неверное, недооценка работы советского строя в этом направлении. За последние годы был произведен ряд обследований санитарного состояния десятков тысяч советских рабочих, в частности московских. До войны производились два раза такие обследования тоже в Москве, в Московском районе: в 80-х годах проф. Янжулом и сравнительно незадолго до войны. Эти обследования тоже охватили несколько десятков тысяч людей на тех же предприятиях, так что мы имеем очень показательные условия для сравнения. Оказывается, советский строй несмотря на то, что первые три года были годами очень плохих материальных условий, — все-таки к настоящему времени, на тех же самых предприятиях, для людей того же возраста, дал расширение грудной клетки, увеличение веса тела, увеличение объема вдоха и выдоха, увеличение силы, уменьшение заболеваемости, уменьшение смертности, удлинение жизни уже примерно на 10 лет в среднем³.

Население делается более работоспособным физически, в силу этого менее подверженным болезням, более долговечным. Линия развития несомненно идет не в сторону понижения работоспособного возраста, а к тому, что теперешний предел можно будет сохранить с гораздо большим эффектом о затрат труда, чем до сих пор, а вероятно постепенно и удлинить. Установка госплановской наметки на всемерное сокращение производительного периода в жизни человека — наследие буржуазного строя, когда труд для трудящегося был проклятием, подневольной работой на эксплуататора. Новая произ-

³ Подробности об этих обследованиях и цифры приведены в брошюре Е. Дарина и Ю. Ларина. «Вопросы рабочей жизни». М., 1928., Гиз, с. 59 — 64, а о смертности в «Известиях» от 7 ноября 1930.

водственная психология пролетариата периода его господства ставит вопрос не об увеличении периода пассивного безделья, а о таком росте здоровья, который дал бы возможность увеличить для человека радостные годы творческого труда.

Пятый довод — о всеобщем обучении, ведущем к исчезновению детского труда. Труд детей ниже 14—15 лет сколько-нибудь заметное значение имел в СССР в последние годы только в сельском хозяйстве. В промышленности применение его сейчас совершенно ничтожно. В колхозах повышение производительности труда, которое дает сложение традиционных крестьянских средств производства и обогащение колхозов новой техникой, уже ставит вопрос о полном устранении детского труда, иначе будут работать дети и нечего будет делать многим взрослым. В колхозах произойдет не только устранение детского труда, без чего, кстати сказать, невозможно было бы проведение в деревне всеобщего обучения, но и сокращение продолжительности рабочего дня крестьянина сравнительно с тем, каким он был раньше. Рост производительности труда, который дают в колхозах более полное использование старого инвентаря и новая техника, позволяет в полной мере осуществить все это без ущерба для массы продукции с одновременным решительным ее увеличением.

Ведь деревенская производительность труда была в СССР так низка, что даже самые элементарные меры достаточны для громадного выигрыша. На Кубани в Ейском округе организован поливной огород в колхозе размером более 1 000 га, и благодаря применению к его орошению электричества достигнуто повышение производительности труда в сто раз («Известия» от 8 октября 1930 г.).

Вот эти пять пунктов, которые я здесь разобрал, это и есть все обоснование необходимости принятия затухающей кривой роста коэффициента воспроизводства в СССР в предстоящий период генерального плана. Другого обоснования у госплановцев нет. Они руководятся такими представлениями о массе труда в СССР, логическим выводом из которых должно быть, что для развития нашего хозяйства было бы выгоднее, если бы не вводить всеобщего обучения и держать подростков в темноте, было бы выгоднее не сокращать рабочий день, а удлинять, было бы выгоднее отпуска ограничить одной неделей и т. д. и т. п. Наши авторы вероятно сами не заметили такого логического вывода из их построений, хотя формально он явился бы совершенно последовательным. Из механического подсчета количества человеко-часов, когда не принимают во внимание социальной обстановки, вносимых ею новых методов и органического преодоления ею кажущихся результатов механического подсчета, — ничего другого и не могло получиться. Здесь в этой планировке строительства социализма — своеобразный возврат к примитивной психологии даже не Генри Форда, а капиталиста периода первоначального накопления. Тот рассуждал «по-простецки»: для увеличения «коэффициента воспроизводства» (словечка этого он не знал, понятно) рабочий должен работать подольше — этак часиков по четырнадцати, подросткам бегать в школу не за чем — пусть работают, отпуска — баловство, от них только вред производству и т. д.

Второй вариант госплановской наметки (1930 г.) отразил в себе, во всех этих рассуждениях о снижении массы труда, буржуазный подход периода хищнического капитализма, только сделал другие выводы: в пользу интересов рабочего решил пожертвовать интересами

производства, понимая их по-купецки — ученье и сокращение рабочего дня, якобы, тормозят темпы социалистического строительства и т. п.

Госплановцы, намечая факторы роста использования оборудования, роста массы труда, даже при этом проявили ту «умеренность и аккуратность», которая является родной сестрой оппортунистической половинчатости. Например они вполне правильно исходят из того, что мы введем многосменность. Коэффициент этой многосменности, т. е. число смен в сутки при 7-часовом рабочем дне, как они сами указывают, должен был бы составлять 3,4, чтобы машины работали 24 часа в день (с. 71 брошюры). Но они принимают в своем варианте поднятие коэффициента многосменности только до 2,5, т. е. предполагают, что за весь период генерального плана к 1943 г. мы сможем в среднем довести наши машины до работы только 17½ часов в сутки вместо 24 часов.

Совершенно несомненно, что мы многосменность осуществим гораздо раньше окончания периода генерального плана и притом в гораздо большей степени. Достаточно указать, что если в 1929 г. коэффициент сменности в наших предприятиях составлял лишь 1,4, то на 1931 г. коэффициент сменности установлен в 1,8, т. е. за два года произошел скачок более чем на четверть в увеличении числа смен. Увеличение количества смен, заставляя оборудование работать больше, заменяет постройку новых фабрик, а при постройке новых фабрик дает гораздо больше продукции. Потому необходимо дойти в доведении коэффициента многосменности до максимума, до 24 часов в сутки, а не до 17½ часов. При введении 6-часового рабочего дня во вторую пятилетку, легко и необходимо будет осуществить четыре смены по 6 часов и дать, таким образом, значительное увеличение количества того времени, какое наши машины работают. Возможные запасы труда в СССР вполне это позволяют (оставшийся резерв от использования домашних хозяек, освобождающиеся силы от поднятия производительности труда в колхозах и от роста производительности труда на предприятиях вследствие улучшения оборудования, организации и условий жизни).

Итак благодаря оппортунистическому подходу к определению массы труда в нашей стране, сделан вывод о неизбежности падения коэффициента роста воспроизводства и потому взяты темпы более низкие, чем они возможны. А из этого неизбежно вытекает недопланирование того, что на деле можно было бы сделать, недопланирование некоторых важных отраслей промышленности, — та же ошибка, какая была в несколько меньшем масштабе в первой пятилетке.

Первую пятилетку с'езд советов СССР и XVI партийная конференция одобрила в мае 1929 г., и очень скоро оказалось возможным перейти к выполнению ее в четыре года. Что это означает? Это означает, что она была Госпланом неправильно спланирована, что в ней был недоучет наших возможностей, что Госплан этим недоучетом ввел в заблуждение общественное мнение и утверждавшие пятилетку органы. Напомню, как на XVI партийной конференции, в мае 1929 г., я например доказывал, что пятилетка Госплана включает в себе явные следы минималистской установки, что она несомненно будет превышена, значительно превышена и т. п. Известно, что она начала фактически пересматриваться немедленно же после с'езда. Все время опубликовывались дополнительные постановления ЦК, повышавшие ее в целом ряде отраслей, пока мы не пришли к убеждению, что наметка была вообще дана неправильно, что план можно выпол-

нить не в пять, а в четыре года, а по некоторым отраслям еще быстрее и со значительно повышенными заданиями (металл и другие).

После этого урока, столь свежего, госплановцы к лету 1930 г. спять выступают с проектировкой пониженных темпов, на этот раз уже в наметке генерального плана, обнимающей и всю вторую пятилетку и т. д. При этом выступают как мы видели без всяких оснований кроме оппортунистической слепоты в вопросах массы труда и т. п. (если считать это основанием). Но сверх проектировки замедления темпа общего роста воспроизводства, новый разработанный в Госплане вариант, изложенный в брошюре тт. Кржижановского, Квинринга и Ковалевского, проектирует еще такое распределение затрат между затратами на тяжелую индустрию, на средства производства, на металл, на оборудование и между затратами на рост производства предметов личного потребления, которое приносит определенный ущерб тяжелой индустрии по сравнению с тем, что возможно и что нужно и дает такой размах легкой индустрии, который далеко превосходит все то, что в настоящее время только ожидает рабочее население.

Сначала проектируют без основания уменьшение роста продукции по отношению к наличным фондам. А потом еще из этой продукции (замедляющейся в приросте по отношению к фондам) проектируют систематическое ежегодное уменьшение той части, которая идет на расширение производства средств производства. В этом сущность того постепенного уменьшения «коэффициента напряжения производственного накопления», которое проповедует новый разработанный в Госплане вариант, столь торжественно подносимый всей партийной и рабочей общественности. Выше уже приводилось, что от 46% в 1931 г. этот процент по госплановской наметке падает к 1939/40 г. до 33, а затем еще ниже. В годы империалистической войны в САСШ этот коэффициент составлял в среднем 36% (с. 70 брошюры). Почему же у нас даже на период непосредственного строительства социализма товарищи из Госплана проектируют постепенное понижение даже ниже этой нормы. Здесь причина в определенной установке на распределение дополнительных вложений между расширением личного потребления промышленных изделий и сельскохозяйственных продуктов и между расширением производства средств производства. Можно больше вкладывать в расширение личного потребления, тогда меньше останется на тяжелую индустрию, и можно делать наоборот.

В настоящее время, по данным этой же самой госплановской наметки (нарочно беру цифры из госплановской брошюры во избежание спора из-за цифр), в Соединенных штатах, т. е. в той стране, с которой мы сравниваем себя, когда ставим задачу догнать и перегнать капиталистические страны, — в САСШ из всей валовой продукции всей промышленности около 54% приходится на тяжелую индустрию (с. 76 брошюры), на ту индустрию, которая у нас объединяется обычно под названием группы «А». В СССР из валовой продукции всей промышленности на тяжелую индустрию приходится 33%, а если взять только одну цензовую промышленность, планируемую ВСНХ, то 48% (с. 75 брошюры). Сравнить нужно конечно не только цензовую промышленность, а всю промышленность, ибо для САСШ тоже берется вся промышленность, а не одна цензовая. Получаем такое исходное положение: у САСШ 54% всей валовой продукции приходится на тяжелую индустрию, у нас — 33%. Чтобы догнать и перегнать по мощи нашего оборудования и по обороноспособности, мы должны стремиться прежде всего изменить это соотношение в нашу пользу.

Что же дает нам новая, вторая наметка, опубликованная госплановцами в 1930 году? В цензовой промышленности по этой наметке на группу «А» (тяжелая индустрия, производство средств производства) к концу второй пятилетки будет приходиться 64%, а к концу третьей пятилетки — 72%. Очень значительный рост на первый взгляд. Но ведь речь идет только о цензовой промышленности. Нецензовая промышленность в 1930 г. обнимала в СССР около трети валовой продукции всей промышленности (потому и выходило, что тяжелая индустрия в цензовой промышленности составляет 48,5%, а во всей промышленности только 33%). Можно думать, что доля цензовой промышленности будет обнимать к концу второй пятилетки только одну шестую валовой продукции всей промышленности. Тогда 63%, приходящиеся по госплановской наметке на тяжелую индустрию в цензовой промышленности к концу второй пятилетки, будут равняться только 54% от валовой продукции всей промышленности. Для тяжелой индустрии к 1938 году, т. е. к концу второй пятилетки, мы по этой наметке дойдем до той доли тяжелой индустрии в валовой продукции промышленности, которая в САСШ существовала уже в 1928/29 году, за 10 лет перед этим. Отставание на 10 лет. Конечно можно сказать, — ведь не от нашей воли зависит догонять больше или меньше, это определяется наличием возможностей. Что же поделать, если мы больше догнать не можем, если даже к концу второй пятилетки принуждены на 10 лет отставать от САСШ, от соотношения ее тяжелой индустрии к валовой продукции всей индустрии.

Но в том-то и дело, что здесь решающее значение имеют не независимые от нас объективные факторы, а та доля, которую план при распределении всех средств между производством средств потребления и производством средств производства сознательно назначает для последнего. Потому и оказывается низким у нас по этой наметке коэффициент производственного накопления, потому имеет место значительное снижение его во второй пятилетке (а также в третьей), — что здесь принят чрезвычайно высокий коэффициент прироста личного потребления как промышленных, так и сельскохозяйственных изделий.

Новым вариантом наметки перспективного плана, опубликованным в брошюре трех товарищей из Госплана, дается такая наметка, что если принять за единицу личное потребление, как оно у нас было к началу первой пятилетки, то будет «рост потребления в среднем на человека к концу второго пятилетия примерно в восемь раз по сравнению с отправным годом генплана (и к концу третьего пятилетия еще втрое» (с. 79), следовательно примерно в 24 раза. Не будем заходить так далеко, до конца третьей пятилетки, а возьмем только конец второй пятилетки, т. е. 1937/1938 г. Осталось 2 года первой пятилетки и 5 лет второй. Через 7 лет личное потребление по этой наметке будет увеличено в 8 раз. Для того, чтобы можно было это осуществить, необходимо, говорит новая госплановская гипотеза генерального плана, так распределить вложение средств в легкую и тяжелую индустрию, чтобы в группе «Б», т. е. в легкой индустрии (производство средств потребления), валовая продукция к концу второй пятилетки составляла 37% (а во всей индустрии вместе с нецензовой 46%) и чтобы валовая продукция тяжелой индустрии в цензовой промышленности составляла 60%, а во всей индустрии 54%.

При таком распределении будет за 7 лет в 8 раз увеличено личное потребление продуктов промышленности, потребление одежды, обуви, сахара, продовольственных продуктов сельского хозяйства и т. п. Чтобы достичь этого роста в 8 раз — для этого и задерживается доведение тяжелой индустрии к концу второй пятилетки только до такой нормы, какая была в САСШ уже за 10 лет перед тем. Не лучше ли увеличить личное потребление нашего населения промышленными изделиями и продовольствием не в 8 раз за 7 лет, а только раза в 4 на душу за это время? Это было бы уже не так скромно. Думаю, что все наши рабочие, все трудящиеся, если им сказать: ребята, через 7 лет вы получите одежды, обуви, сахара, пищи и прочих вещей в 4 раза на душу больше, чем сейчас, — были бы вполне удовлетворены. И вовсе не нужно, чтобы советская власть увеличила личное потребление в такой короткий срок в восемь раз на душу против нынешнего — ценой значительного относительного замедления технического переоборудования нашей страны, сужения дальнейшего хозяйственного развития и понижения обороноспособности.

Сама новая наметка, сам этот второй вариант гипотезы перспективного плана дает цифры, которые позволяют сделать разительное сопоставление. Возьмем несколько основных вещей, как например, металл, уголь и нефть. По госплановской гипотезе предметы личного потребления через 7 лет увеличиваются в 8 раз на душу. А что будет с тяжелой индустрией в СССР? По этой же гипотезе будет производиться стали в последний год третьей пятилетки в 1942/43 году, 0,43 тонны на душу, а в Соединенных штатах уже в 1928/29 году производилось стали 0,47 тонны на душу. Значит даже через 15 лет от 1928 года мы не нагоним еще того душевого количества стали, которое было в Соединенных штатах в 1928 году (с. 82 брошюры). По стали — отставание.

Возьмем уголь. В СССР в 1942/43 году будет произведено по второму варианту, опубликованному в указанной брошюре товарищей из Госплана, всего 540 мил. тонн угля, а в Соединенных штатах уже в 1928/29 году произведено было 536 млн. тонн (с. 82 брошюры). Опять — отставание на 15 лет даже по абсолютному количеству. А ведь у нас населения больше, чем в Соединенных штатах. Значит на душу еще большее отставание.

Берем нефть. В СССР в 1942/43 году будет добыто 127 млн. тонн (по госплановской наметке), а в Соединенных штатах уже в 1928/29 году — 131 млн. тонн (с. 82 брошюры). Значит и по нефти не догоним и за 15 лет. Следовательно по решающим отраслям тяжелой индустрии установка этого замечательного нового варианта генерального плана не на то, чтобы «догнать и перегнать», а установка на то, чтобы отстать на 15 лет от САСШ.

Возьмем такие важнейшие отрасли как например всеобщее машиностроение и вся электротехническая промышленность вместе. В 1942/43 году, по этому новому госплановскому варианту, вся валовая сумма продукции общего машиностроения и электротехнической промышленности, вместе, составит в СССР 44 млрд. руб. (с. 82 брошюры). А за несколько лет перед тем, к концу второй пятилетки, т. е. на 5 лет раньше, по той же наметке сумма производства текстильной, швейной промышленности только этих двух отраслей, согласно той же наметке составит 41 млрд. руб. (с. 83 брошюры). Вложения наших средств производства в расширение предприятий рассчитано по госплановской наметке таким образом,

чтобы текстильную и швейную промышленность догнать до 41 млн. руб. уже через 7 лет, а машиностроение и электротехническую промышленность вместе взятые догнать до 44 млрд. только через 12 лет. Не лучше ли нам увеличить потребление текстиля и швейных изделий за 7 лет не в 8 раз, а только в 4 раза, а зато электричество и машиностроение довести до 44 млрд. не через 12 лет, а вдвое быстрее, через 6 лет? Ясно, что это гораздо лучше. Мы имеем об'ективную возможность к концу второй пятилетки по меньшей мере удвоить и машиностроение и электротехническую промышленность по сравнению с новым вторым вариантом Госплана, если мы исправим ту оппортунистическую узко потребительскую установку в распределении новых вложений, которая дана в этом втором варианте.

Особенно поражает недооценка необходимости развития электропромышленности, значение которой столько раз подчеркивалось и Лениным и партийными и советскими съездами. В опубликованной брошюре трех товарищей, в статье т. Ковалевского мы имеем чрезвычайно глубокие книксены, самое благовоспитанное расшаркивание перед пользой электричества, — при одновременном самом значительном недоучете и недооценке его роли при практической наметке развития. Приведу один пример. Проектируется гипотеза генерального плана строительства социализма на промежуток времени до 1943 года. На какую технику оборудования сельского хозяйства делается ставка к концу этого периода, через 12—13 лет? Проект исходит из того, что к концу второй пятилетки значит через 7 лет у нас будет занято в сельском хозяйстве 2½ млн. тракторов, а через 12 лет будет занято в сельском хозяйстве 3½ млн. тракторов. Проще говоря, почти вся площадь пашни за небольшими исключениями по проекту должна и через 12 лет обслуживаться тракторами.

Трактор в настоящее время представляет собой громадный прогресс, дает чрезвычайное повышение производительности труда по сравнению с тем, что было до него в сельском хозяйстве. Но когда строится перспективный план, охватывающий промежуток времени в три пятилетия, на 12—13 лет вперед, до 1943 года, тогда нельзя не учесть неизбежность нарастания роли электричества в сельском хозяйстве. Сама эта наметка дает расчет, что электрическая пахота равна себестоимости тракторной пахоты уже тогда, когда электрическая энергия обходится в 5 коп. за киловатт-час (с. 78 брошюры). Сейчас в СССР электрическая энергия дороже, в целом ряде случаев. Сейчас для нас применение электрического плуга в земледелии большей частью было бы невыгодно, а кроме того невозможно, потому, что недостаточна для этого сеть крупных районных электростанций. Но ведь Днепрострой будет давать электрическую энергию уже лишь по 1 коп. за киловатт-час. Не то, что по 5 коп., при которых электрический плуг равен трактору, а по одной копейке, при которой электрический плуг во много раз выгоднее трактора. Целый ряд крупных тепловых электростанций будет давать электрическую энергию по цене от 1 до 3 коп. за киловатт-час (с. 78 брошюры). Причем нужно иметь в виду, что при электрической пахоте производительность труда повышается «в два-три раза по сравнению с трактором» (с. 79 брошюры), как признает это сама наметка.

Если электрическая пахота выгоднее тракторной пахоты при стоимости электрической энергии ниже 5 коп., если стоимость электрической энергии ниже 5 коп. обеспечена на крупных районных электростанциях, которые мы строим и будем строить, если электрическая пахота дает большую экономию в рабочих руках, большой рост производительности труда сравнительно с тракторной, — тогда неоппортунистический подход к генеральному плану должен быть совсем другим. Он должен заключаться в таком развитии электротехнической промышленности, в таком строительстве новых районных электростанций с производством дешевой энергии и электропередач, чтобы можно было к концу генерального плана обеспечить в земледелии и животноводстве полностью ту электрическую технику, решающую необходимость которой в них подчеркивал еще Ленин. Для этого госплановцам в развитии разных отраслей индустрии надо было бы поумерить свой восьмикратный размах (за 7 лет) по части текстиля, одежды и т. п. и дать за то значительно большее развитие электротехнике, машиностроению, металлу и т. д. Не подготавливать должным развитием электротехники возможность электрифицировать сельскохозяйственное производство в рамках осуществления генерального плана строительства социализма значило бы закрыть глаза на наши насущнейшие интересы. Пример с электричеством не единственный. Вообще нельзя в проектировке техники исходить из простой фотографии теперешнего момента. Перспективный план строительства, это не простое продолжение существующего. Нужно учитывать развитие техники в СССР в тех проявлениях, возможность которых вообще доказана, но которые в настоящее время у нас в стране не осуществлены в силу отсутствия различных условий — и создавать эти условия. Иначе перспективная планировка будет играть в этом отношении не прогрессивную, ведущую вперед, а реакционную задерживающую роль.

«КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И ЕЕ НОВЕЙШИЕ СДВИГИ»

I

Законы капиталистической экономики суть стихийные законы. Они не представляют собою планомерно, сознательно и точно проводимых норм, а наоборот являются лишь некоторой общей тенденцией движения запутанного и противоречивого клубка отдельных актов и процессов. В законах капитализма имманентно заложена необходимость как их реализации, так и их нарушений; такие нарушения, отклонения, срывы вытекают в значительной мере из природы самих законов. Закон стоимости например одинаково предполагает тяготение цен к стоимости и вместе с тем их несовпадение с нею. Закон средней нормы прибыли означает тенденцию прибылей отдельных капиталистов к средней и в то же время необходимо связан с ценовой борьбой капиталистов за максимальной прибылью. Перекрещивание и борьба этих индивидуальных стремлений капиталистов имеет своим общим результатом выравнивание продажных цен по ценам производства, но одновременно предполагает противоположное: захват одними отраслями на тот или иной срок большей прибыли, другими — меньшей.

Таким образом, законы капитализма играют двойственную роль. Они, с одной стороны, как бы упорядочивают, организуют пестрый хаос капиталистической действительности. С другой стороны, неизбежно порождая нарушения, отклонения, конфликты, они с внутренней необходимостью ведут к дезорганизации, разладу, и борьбе противоречий.

Указанная двойственность законов капитализма придает столь же двойственный характер конкуренции. Это совершенно естественно, так как конкуренция представляет собою в сущности не что иное, как механизм действия законов капитализма на поверхности явлений, представляет собою сами эти законы, довоенные до рыночной оболочки капиталистического производства и принявшие поэтому извращенную и плоскую форму. Если мы хотим разобраться в конструкции, нам надо понять прежде всего ее специфический двойственный характер, ибо он образует самую ее сущность.

Конкуренция — «соревнование ради прибыли» по удивительно лаконическому и меткому определению Маркса¹, выступает с одной стороны как механизм, посредством которого стихийно организуется воспроизводство и развитие капитализма, осуществляютс имманентные зако-

¹ Маркс, Ницета философии, изд. 1919, с. 116.

ны этой формации. Только через давление конкуренции реализуется основной закон товарного производства — закон стоимости. Выравнивание рыночных цен по стоимости товаров происходит через постоянную конкуренцию товаропроизводителей: именно конкуренция направляет потоки труда, переливание которых реализует закон стоимости: именно она доводит до каждого производителя вне его воли и сознания существующий закон, согласно которому на производство каждого товара должно быть затрачено лишь общественно-необходимое рабочее время.

Поскольку далее конкуренция переключает закон общественно-необходимого рабочего времени на индивидуальные действия товаропроизводителя, она тем самым стимулирует и подстегивает техническое развитие, побуждает капиталиста повышать производительную силу труда занятых у него рабочих. Это так, ибо отставание предприятия нашего капиталиста от среднего уровня общественно-нормальных условий производства отклонит индивидуальную стоимость вырабатываемых в нем товаров вверх от общественной стоимости и очень неприятно отразится на прибылях. «Тот же самый закон определения стоимости рабочим временем, который дает себя почувствовать введшему новый способ производства капиталисту, как необходимость продавать товар ниже его общественной стоимости, — этот самый закон в форме принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый способ производства»².

Именно через конкурентный механизм осуществляется закон движения капитализма, его движущая цель — производство прибавочной стоимости — и используется как необходимый метод достижения этой цели развитие производительных сил. Конкуренция доводит закон движения буржуазной экономики до сознания индивидуального капиталиста, преломляет его (закон) в сознании капиталиста как принудительную и непреложную силу, превращает его в движущий мотив всей хозяйственной (и не только хозяйственной) деятельности каждого отдельного буржуа.

Конкуренция ставит каждого отдельного капиталиста перед необходимостью накапливать, увеличивать свой капитал. Тот, кто не капитализирует прибавочной стоимости и не концентрирует таким образом производства, вытесняется конкурентной борьбой из капиталистических рядов, поглощается теми, кто действует «созвучнее» имманентным законам капитализма. Тот, кто хочет удержаться и победить в конкурентной схватке, должен максимально накапливать. Конкуренция поддерживает тем самым постоянное движение буржуазного производства. «Развитие капиталистического производства создает необходимость постоянного возрастания капитала, вложенного в данное промышленное предприятие, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического производства как внешние принудительные законы»³.

Наконец конкуренция реализует закон средней нормы прибыли, осуществляя распределение совокупной прибавочной стоимости между отдельными капиталистами и группами капиталистов.

² «Капитал», т. I, изд. 1920, с. 306 — 307.

См. также с. 335 и «Нищета философии», с. 62.

³ «Капитал», т. I, с. 602.

Таким образом конкуренция является тем единственным механизмом, через который в условиях анархии производства и непримиримых антагонизмов регулируется движение капитализма и поддерживается «равновесие» всей системы. Все основные законы капитализма — закон стоимости, прибавочной стоимости, накопления, средней нормы прибыли — имеют конкуренцию в качестве универсального механизма своей реализации и проявления. Все эти законы выступают на поверхности явлений и открываются взору буржуа и его ученых экономистов в виде некоего всеобщего «закона конкуренции» или, что близко к тому же, «закона спроса и предложения».

Отсюда-то между прочим и вытекают наивные (а иногда нарочито псевдонаивные) представления вульгарных экономистов, которые не усматривают под поверхностной оболочкой конкуренции никаких внутренних законов, сводя последние тем самым к их фетишизированному проявлению на поверхности рынка, и изображают конкуренцию не как механизм, проявляющий и внутренний закон движения капитализма, а как самый этот закон движения. Новейшие рассуждения Ф. Штернберга, решительно заявляющего, что конкуренция «есть не больше, не меньше, как закон движения капитализма»⁴, интересны лишь тем, что показывают живучесть этой плоской догмы и попутно обнаруживают истинную цену штернберговского «марксизма».

Итак капиталистическая конкуренция, рассмотренная со стороны одного из своих моментов, представляет собою механизм, через который регулируется и обеспечивается дальнейшее движение капитализма. Она выступает как внешний регулятор буржуазной экономики. Но это только одна сторона, точнее только один момент.

Поскольку сами законы капитализма содержат в себе необходимость своего нарушения, искажения, содержат необходимость антагонизмов и конфликтов, постольку конкуренция неизбежно является процессом постоянной конкуренции и болезненной борьбы капиталистов, всегда связанным с громадной растратой сил, средств, исключающим возможность плавного течения хозяйственной жизни, накапливающим отклонения, нарушения и диспропорции. Поэтому конкуренция неизбежно колеблет то самое «равновесие», которое она же пытается установить. Поэтому конкуренция необходимо приводит к нарушению законов стоимости, прибавочной стоимости накопления, средней нормы прибыли, которые она же реализует. Взятая с этой своей стороны конкуренция порождает острейшую борьбу, связанную с победой одних и гибелью других. «Конкуренция есть наиболее полное выражение существующей в современном буржуазном обществе войны всех против всех»⁵.

Конкурентная борьба ведет не только к осуществлению закона стоимости (в его капиталистически превращенной форме закона цен производства), но и к нарушениям его. Каждый отдельный участник конкурентной борьбы стремится вовсе не к тому, чтобы продать свой товар по цене производства, а к тому, чтобы по возможности продать его выше. Капиталист ведет конкурентную борьбу не ради сред-

⁴ Sternberg, Eine Umwälzung der Wissenschaft Berlin, 1930. S. 13. То же на с. 35—36.

⁵ Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. III, Госиздат, 1929, с. 369.

ней прибыли, а ради сверхприбыли, с одной стороны, и наибольшей массы прибыли, с другой. Это, во-первых, порождает постоянные конфликты между капиталистами, которые обегоривают друг друга, захватывают сверхприбыль один за счет другого и в процессе рыночного соперничества повседневно продают товары по ценам, отклоняющимся от цен производства. Это, во-вторых, неизбежно выводит общие размеры производства за рамки возможностей реализации, приводит к кризисам, нарушает ход воспроизводства.

Конкуренция не только является способом установления равномерности развития, но и фактором обострения неравномерности. Конкурентная борьба совсем не похожа на любовный дележ совокупной прибавочной стоимости. Правило конкуренции, состоящее в том, что одинаковые товары, в каких бы конкретных технических условиях они ни были произведены, имеют в каждый данный момент одну цену, отражающую их общественную стоимость (или среднюю цену производства), а не несколько цен, соответствующих различным индивидуальным стоимостям (или индивидуальным ценам производства) — это правило, при дифференциации условий производства внутри каждой отрасли приводит к крупнейшим неравномерностям в присвоении прибыли.

Далее конкуренция не только стимулирует развитие производительных сил, но и тормозит его. Условия конкурентной борьбы, которые побуждают остальные предприятия перенимать технику передовых, в то же время заставляют последние принимать всяческие меры к сохранению своей «исключительности». Кроме того неравномерность технического развития в обстановке конкуренции оказывается фактором, обостряющим диспропорции, накапливающим условия для кризисов, а следовательно и свойственного им разрушения производительных сил. Наконец конкурентная борьба не может не отвлекать громадные средства от производительного применения.

Вообще говоря, нельзя ни в коем случае забывать того, что участвующие в конкурентной борьбе капиталисты стремятся не к развитию производительных сил как самоцели, а к извлечению прибыли, для которых технический прогресс есть лишь более или менее необходимое средство. Конкуренция поэтому избирает для себя не только такие методы, которые способствуют развитию общественного процесса труда, но и такие, которые или не затрагивают его или даже задерживают. Патентные ограничения, захват особо выгодных естественных или других условий, хищническое использование природных ресурсов для скорейшей реализации прибыли, отвращение крупных средств на рекламу и т. д. и т. п. — все это принадлежит к числу методов конкурентной борьбы. «Конкуренция есть торговое, а не промышленное соревнование. В наше время промышленное соревнование существует лишь в виду торговых целей. Бывают даже такие фазы в экономической жизни современных народов, когда всех охватывает особого рода горячка погони за прибылью без производства. Эта периодически возвращающаяся горячка спекуляции обнаруживает истинный характер конкуренции, которая старается избежать необходимости промышленного соревнования»⁶. Тому, кто склонен сводить сложную и противоречивую связь между конкуренцией и техническим развитием к прямому и безоговорочному стимулированию, сле-

⁶ Маркс, Ницета философии, с. 117.

довало бы хорошенько призадуматься над этой замечательной характеристикой Маркса. Современный капитализм в частности дает очень много самых ярких подтверждений марксовой мысли.

Подведем итог. Мы показали противоположные стороны капиталистической конкуренции. Для того, чтобы понять сущность конкуренции, ее роль и место в системе капитализма, необходимо взять обе эти стороны, оба эти момента в их реальном противоречивом единстве. Немногое поймет тот, кто забудет, что конкуренция является механизмом, через который регулируется и обеспечивается дальнейшее, движение капитализма, кто не выяснит таким образом ее необходимости для существования капитализма и увидит в ней лишь излишние, ненужные растраты сил и отвлечение средств. Вряд ли лучше разберется в вопросе и тот, кто изобразит конкуренцию как благодетельную силу, движущую технический прогресс и способствующую здоровому капиталистическому развитию.

Между тем всей буржуазной экономии, даже в том лучшем случае, когда она не ограничивается чисто внешними определениями конкуренции, не схватывающими ни одного из ее внутренних моментов, свойственно абсолютизировать тот или иной из этих моментов, отбрасывая другой как несущественный. Были правда отдельные попытки синтетической характеристики конкуренции, но они представляли собою не диалектическое рассмотрение единства противоположностей, а стремление «согласовать» и «примирить» противоречивые моменты.

Рассмотрим наиболее характерные из высказываний буржуазной и мелкобуржуазной литературы.

II

Классическими примерами плоской игры в дефиниции могут служить определения конкуренции Лексисом и Визе. Согласно первому «конкуренцией называется взаимное отношение представителей спроса и предложения при индивидуалистическом преследовании своих интересов в свободных сношениях». Еще более бессодержательна, если это только возможно, формулировка Л. Визе. Этот автор начинает с того, что уже борьба животных за существование заключала в себе элемент конкуренции. Далее, после экскурса в область дарвинизма и общей социологии, он приходит к тому, что «конкуренция может быть определена как социальное отношение между преследующими одинаковые цели личностями, группами или абстрактными коллективами, в котором связываются антагонистические (gegnerischen) влияния, вытекающие из одинаковости стремлений»⁷. Каковы эти стремления, в чем заключается отношение конкуренции, каким социально-экономическим условиям оно присуще — на все эти вопросы тщетно ждать ответа от Лексиса и Визе.

Их, и им подобные, определения не намечают ни исторических рамок конкуренции, ни ее содержания, ее специфической общественной роли, ни стимулов, которыми она направляется; в них нет ничего того, что сразу показано в коротенькой характеристике Маркса: «конкуренция есть соревнование ради прибыли». Совершенно ясно, что нас интересует не бесплодная операция механистического све-

⁷ L. v. Wiese, Konkurrenz. Статья в „Handwörterbuch für Staatswissenschaften“, 4. Aufl., B. V, S. 826 (подчеркнуто Л. фон Визе).

дения самых различных конкретных явлений к весьма тощему общему содержанию, роде например «соревнование» вообще (à la Spencer как сказал бы Ленин). Нас не может удовлетворить также простое подведение под одну дефиницию формально похожих черт разнокачественных процессов. Мы ставим перед собою задачу познания определенного исторического феномена и поэтому понимаем под капиталистической конкуренцией именно борьбу отдельных капиталистов и групп капиталистов вокруг производства и распределения совокупной прибавочной стоимости, под товарной конкуренцией вообще — борьбу товаровладельцев из-за условий производства и реализации товаров.

Оставим однако Лексиса и Визе с их жалкой «игрой в понятия». Посмотрим, как разрешала проблему конкуренции буржуазная экономическая мысль, уже очень давно всерьез поставившая перед собою вопрос о том, что же такое конкуренция и какова ее роль в общей системе капитализма.

С самого начала, сообразно двум сторонам конкуренции, наметились два направления. Одно из них отразил Смит, который выступил с решительной защитой свободной конкуренции. По его мнению, конкуренция устанавливает и поддерживает естественный порядок вещей, сглаживает экономическое неравенство, обеспечивает справедливую цену⁸. Такую же позицию занимал Рикардо. Эпигон классической школы Д. С. Милль особенно ярко выразил эту точку зрения. «Конкуренция в промышленном мире, — писал он, — то же, что солнце в мире физическом; все, что ограничивает ее — зло, все, что ее расширяет, в конечном счете — благо»⁹.

Вульгарные экономисты продолжают трактовку проблемы в этом же направлении. Виднейший их представитель Ф. Бастиа, совершенно захлебывается от восторга при описании благодетельной роли конкуренции. Вся X глава его основной работы «*Harmonies économiques*» заполнена декламацией по этому поводу. «Конкуренция, — восклицает он, — которую мы могли бы вполне назвать свободной есть наиболее прогрессивная, наиболее эгалитарная, наиболее коммунистическая (*communautaire*) из всех тех, кому провидение доверило прогресс человеческих обществ». И уж конечно она не только хороша, но абсолютно необходима и потому вечна. «Если мне оставят мою свободу, — заявляет красноречивый Бастиа, — то сохранится и конкуренция»¹⁰.

Вместе с классиками и вульгарными экономистами разделяет такое понимание конкуренции основоположник австрийской школы К. Менгер. Он отмечает преимущества конкуренции над монополией и считает, что конкуренция создает возможность использования всех, даже самых незначительных экономических выгод, расширяет производство, устанавливает «действительные», «экономические» цены и т. д.¹¹.

⁸ A. Smith, A. Z. Inquiry into the nature and Causes of the Wealth of Nation, Edinburgh, MDCCCXLV., B. I, ch. X, p. II.

⁹ Цит. по С. Загорскому, Синдикаты и тресты. СПб, 1914 с. 4. (пр. 3, 4, и 5 на сл. с.).

¹⁰ Fr. Bastiat. — Oeuvres complètes, T. VI, Paris 1860, p. 314—316.

¹¹ Менгер. Основания политической экономии, перевод под ред. Орженцкого, гл. V. § 3. Заметим мимоходом, что взгляды Менгера на конкуренцию и монополию очень мало вяжутся с установкой Блюмина и Атласа, согласно которым «австрийцы» оказываются теоретиками монополистического капитализма.

Таким образом все это направление, наиболее популярное в буржуазной экономии, рассматривает конкуренцию как естественный и совершенный механизм осуществления законов общества и природы, как наилучший регулятор экономического равенства и гармонии интересов.

В противоположность этому представлению, принявшему у вульгарных экономистов грубо апологетический вид, мелкобуржуазные критики капитализма и утопические социалисты обращают особое внимание на оборотную сторону конкуренции. Не даром Бастиа, начиная свою оду в честь конкуренции, должен был отметить, что «политическая экономия не имеет в своем словаре другого слова, которое вызвало бы такой гнев современных реформаторов, как слово конкуренция». Английские и французские социалисты-утописты со всей страстностью обрушиваются на конкурентный порядок. Они не жалеют красок для того, чтобы показать конфликты, нарушения, социальные бедствия, к которым приводит капиталистическая конкурентная борьба. Об этом пишет Брэй. На это же обстоятельство указывает и Фурье. «Совершенно не правильна, — заявляет он, — система конкуренции, ведущая к понижению заработной платы и к параллельному с развитием индустрии обеднению народа». Он выдвигает поэтому задачу отыскания «способа обмена менее порочного, чем существующий, называемый свободной конкуренцией»¹².

Не социалист, мелкобуржуазный романтик Сисмонди занимает ту же позицию. Он подробно доказывает, что конкуренция, принося победу одному, несет другим потери и разорение, что она усиливает неравенство, что, побуждая к чрезмерному расширению производства, она с необходимостью ведет к кризисам¹³. При этом Сисмонди, как и Фурье, отказывается признать вечность и естественность конкурентной борьбы.

Наряду с отмеченными выше крайними точками зрения довольно рано обнаружилась третья, пытавшаяся как-то связать обе стороны капиталистической конкуренции, но совершенно неспособная показать эту связь такой живой и органической, какой она является в самом деле. Замечательным образцом этого является известная теория конкуренции Прудона. Прудон отмечает, прежде всего, вечную необходимость конкуренции, что представляет крупный шаг назад по сравнению с Фурье, Сисмонди и сближает его с вульгарной экономией. «Конкуренция, — пишет Прудон, — это жизненная сила, одушевляющая коллективное бытие. Разрушить ее, если бы это было возможно, — значило бы убить общество». Прорекламировав вполне в стиле Бастиа, что «конкуренция необходима для конституирования стоимости, т. е. для самого принципа распределения и следовательно для пришествия равенства», прибавив к этому, что конкуренция есть «принцип социальной экономии, декрет судьбы, необходимость человеческой души», «инспирация справедливости», «выражение коллективной активности», Прудон переходит далее к выяснению «несправедливости» результатов конкуренции. Здесь, заим-

¹² Sh. Fourier, Theorie des quatre mouvements ou les destinées générales. Цитаты приводятся по изданию «Экономическая система социализма в ее развитии», вып. 3—4, Госиздат 1926, с. 252 и 261. Подчеркнуто Фурье.

¹³ См. Ж. Симонд-де-Сисмонди, Новые начала политической экономии, М. 1897, особенно кн. IV, гл. IV и кн. VII, гл. V, а также «Экономическая система социализма», вып. V, с. 63, 107, 108, 132, 144, 145 и др.

ствуя пыл у Сисмонди, наш автор начинает возмущаться. «Конкуренция со своим смертоносным инстинктом, — пишет он, — похищает хлеб у всего класса трудящихся и не видит в этом ничего кроме улучшения экономики... Конкуренция переворачивает все понятия справедливости» («de l'équité et de la justice»).

Коснувшись весьма бегло «зол» конкуренции, Прудон в конце концов приходит к выводу о том, что она нуждается в руководстве: «высшего и действительного принципа», который сохранит хорошие черты конкуренции и устранил дурные¹⁴.

Подробно разбирает вопрос о двух сторонах конкуренции гейдельбергский профессор Генрих Маурус в малоизвестной, хотя и не лишенной интереса работе «О свободе в политической экономике». Подчеркивая историческую связанность конкуренции с капиталистическим производством, Маурус указывает на противоположности отношения к конкуренции в экономической литературе и с самого начала заявляет: «Наша задача также и здесь должна заключаться в исследовании того, нельзя ли наполнить пропасть, разделяющую эти две противоположности, чтобы таким образом соединить их» (с. 264).

Утверждая, что «конкуренция в современном обществе очень вредно отзывается и на труде и на капитале», Маурус показывает, что «свободная конкуренция при существующих условиях обуславливает не увеличение благосостояния всех и каждого в обществе, а лишь накопление больших богатств в руках меньшинства путем организации и увеличения нищеты огромного большинства членов общества и таким образом ведет общество к гибели» (с. 269). Он выясняет, что конкуренция отрицательно отражается и на интересах капиталистов, что она вызывает чрезмерное увеличение производства и порождает кризисы.

Дальше начинается демонстрация другой стороны. «Конкуренция обуславливает прогресс экономической свободы людей, вызывая увеличение и улучшение производства» (с. 275). «Удешевление и улучшение качества произведений составляют необходимые следствия конкуренции...» Далее «конкуренция заставляет человека напрягать свои изобретательные силы... Кроме того конкуренция необходима для установления меновой стоимости благ в торговле» (с. 275) и т. д. и т. п. В итоге Маурус приходит к тому жалкому эклектическому решению, что конкуренцию надо навсегда сохранить, но теперешнюю свободу капиталистов ограничить.

Таковы основные точки зрения буржуазной экономической литературы домонополистической эпохи. Все эти споры возгорелись с новой силой тогда, когда развитие капиталистической конкуренции, точнее отражаемое им развитие имманентных законов буржуазного производства, привело к образованию монополистических объединений, которые придали новый облик всей экономической структуре, а в литературе породили проблему «конкуренция и монополия».

III

Капиталистическая конкуренция в о з н и к л а из монополии, явившись на смену феодальной монополии. Она п о к о и т с я на базе монополии класса капиталистов, владеющих всеми средствами производства. Наконец конкуренция п о р о ж д а е т монополию. В процессе своего развития она естественно приводит к выделению монопо-

¹⁴ C. J. Proudhon, *Système des contradictions économiques ou philosophie de la mi ère*, 3-méd., t. I. Paris 1867, ch. V et VI.

листических объединений как специфической формы организации конкурентной борьбы, борьбы производства и вокруг распределения прибавочной стоимости.

В процессе капиталистического соперничества происходит концентрация капитала на одном полюсе, отставание, упадок и захирение—на другом. Концентрация капитала, с одной стороны, тождественна с накоплением, сводится к укрупнению производства посредством постоянной капитализации прибавочной стоимости и потому связана с взаимным отталкиванием капиталов (ибо чем предприятие концентрированнее, тем способнее оно к отпору конкурентам, тем сильнее и резче его нажим). Но, с другой стороны, концентрация, происходящая на фоне неравномерного капиталистического развития, означает вытеснение и захват концентрированными предприятиями мелких, отставших. «Это уже не простая, тождественная с накоплением, концентрация средств производства и господства над трудом. Это концентрация уже сложившихся капиталов, уничтожение их индивидуальной самостоятельности, экспроприация капиталиста капиталистом, превращение многих мелких в небольшое количество крупных капиталов»¹⁵. Концентрация, таким образом, создает притяжение капиталов, централизацию их, образуя основу для монополистических объединений.

Очень важным стимулом консолидации капиталистов в монополистические группы оказываются нарастающие затруднения реализации. Громадное расширение потенций производства, достигаемое в условиях развитого промышленного капитализма, приводит ко все более обнаруживающимся трудностям, а порою и невозможности сбыта всей совокупности продукции, побуждает к поискам исключительных, привилегированных положений, которые бы гарантировали, что излишними и непроданными окажутся не товары данных капиталистов, а чужие товары. Обострение проблемы рынка является вместе с развитием тенденции нормы прибыли к понижению, фактором, заставляющим капиталиста все в большей мере держать курс на сверхприбыль. А это возможно лишь при захвате особого преимущественного положения.

Конкурентная борьба под влиянием всех этих моментов—концентрации производства, развивающейся неравномерности развития, обострения проблемы рынка, падения нормы прибыли—приобретает большой размах и интенсивность. Вместе с тем единичный буржуа оказывается мелкой щепкой в бушующем рыночном море. Попытки самостоятельно противостоять стихии конкурентной борьбы становятся все более безнадежными. Это толкает отдельных капиталистов к организованной совместной защите своих или захвату чужих позиций. Неравномерность же развития устанавливает общие контуры расстановки таких групп.

Овладение теми или иными позиционными преимуществами в рыночной борьбе посредством образования монополистических союзов капиталистов (мы не говорим здесь о полной монополии—явлении совершенно не реальном) становится важнейшим методом конкуренции.

А. Смит уже на основе опыта мануфактурного периода капитализма вывел то любопытное заключение, что «люди одного и того же промысла (trade) редко собираются вместе даже для веселья и раз-

¹⁵ «Капитал», т. I, с. 642.

влечения, но беседа их кончается заговором против публики или какими-либо замыслами с целью повышения цен»¹⁶.

Однако лишь в новейшую эпоху этот метод приобрел такое выдающееся значение, что капитализм свободной конкуренции и превратился в монополистический капитализм.

Что же случилось с конкуренцией в условиях современного монополистического капитализма? Она во всяком случае не исчезла — это вынуждены признать даже наиболее ревностные апологеты монополии, даже наиболее восторженные певцы «организованного капитализма». Ретивейшим из них является повидимому Карл Мус, автор известного «Анти-Маркса». «Натура нынешнего капиталиста, — утверждает Мус, — не боевая, а ко м п р о м и с с н а я. Вместо конкурентной борьбы со стремлением к наибольшему доходу и крупным риском, он ищет соглашения с определенной долей и обеспеченностью, как это видно на примере картелей и мировых конвенций». Он полагает, что «диалектическая (!) тенденция исторического движения состоит в растущем преобразовании индивидуалистического конкурентного капитализма XIX в. в социально-направленный коллективный капитализм». Но даже этот беспардонный апологет констатирует, что «в современном хозяйстве идея связи и плановости завоевала лишь ограниченные частичные области, оставив широкий простор для свободного выражения индивидуальных воли и конкуренции»¹⁷. И если теоретический вождь социал-демократии в официальной речи на партийном съезде заявляет, что «мы находимся ныне в том периоде капитализма, когда в существенных чертах преодолена эра свободной конкуренции, в которой капитализм был подчинен лишь господству слепых законов рынка, и мы идем к капиталистической организации хозяйства, т. е. от хозяйства свободной игры сил к организации хозяйства»¹⁸, то не менее официальное социал-демократическое издание, в числе сотрудников которого значится сам цитированный выше автор, вынуждено с неохотой признать: «Конкурентная борьба от этого совсем не снята, но приняла существенные формы»¹⁹.

Апологетика империализма не пытается даже доказать, что конкуренция устранена вовсе²⁰. Делаются лишь попытки доказать, что конкуренция стала слабее и упорядоченнее. Большинство буржуазных экономистов утверждает, каждый по-своему, что монополистическая организация капитализма ослабила, сузила, частично устранила и упорядочила конкуренцию. Сюда относится Кейнс, согласно которому происходит постепенное вытеснение конкурентной борьбы посредством образования автономных организаций, подчиненных государству и

¹⁶ A. d. Smith. Цит. сч., с. 54.

¹⁷ K. M u h s, Die Chance des Kapitalismus, „Weltw. Archiv“ 31. B., K.

¹⁸ R. Hilferding, Die Aufgaben der Sozialdemokratie in der Republik, S. 3. Это стенограмма речи, произнесенной в мае 1927 г. на Кильском партийном съезде.

¹⁹ „Wirtschaftsdemokratie. Ihr Wesen, Weg und Ziel“. II Aufl. Berlin. 1928. S. 11.

²⁰ Впрочем того, чем ограничиваются попытки буржуазной апологетической литературы, оказывается недостаточно для российского правового оппортуниста, проф. Яроцкого. Последний идет дальше их, дальше т. Бухарина, согласно которому „замирает“ конкуренция на внутреннем рынке, и заявляет прямо: „Конкурентная борьба исчезает с социально-экономического и политического горизонта человечества с окончанием эпохи промышленного капитализма“. (В. Я. Яроцкий Эпоха войн и революций, М. 1929, с. 40).

Повидимому, всякому направлению полагается иметь своих Съев и Мак-Куллохов...

действующих в интересах общего блага²¹. Об ослаблении международной конкуренции толкует Зальц, проповедующий отмирание империализма и гармоническое переплетение интересов; приводимые им самим цифры громадного роста вооружений ничуть не смущают этого откровенного сикофанта²². Светило буржуазной науки Зомбарт обнаруживает развивающееся отмирание рыночной механики. Его оппонент Эккерт сообщает о том, что нынешние капиталисты охотно уклоняются от конкурентной борьбы и уменьшают ее, накладывая на себя «добровольные оковы» монополистических объединений²³. В этом же духе, как мы видели, высказывается Мус. Об упорядочении, урегулировании конкуренции картелями заявляет Ад. Вебер²⁴. Тема о замене конкуренции соглашениями фигурирует в одной из передовиц популярного немецкого журнала «Magazin der Wirtschaft»²⁵. Наконец самыми решительными проповедниками ослабления конкуренции выступают социал-демократы. Упомянем здесь Бинштока, утверждающего, что внутринациональная конкуренция уступает свое место объединению капиталистических сил, а международная конкуренция ограничивается благодаря «международному капиталистическому взаимопониманию (Verschändigung)», распределению сфер сбыта и т. д.²⁶

Ряд других авторов вынужден однако констатировать, что конкуренция в современном капитализме стала резче и разрушительнее. «Всякий, кто пережил эпоху 70-х и 90-х годов,—заявляет Лифман— «должен признать, что сегодня экономическая борьба, несмотря на наличие всяких организаций, отчасти же именно благодаря им, очень сильно обострилась по сравнению с теми временами. Прежде экономическая жизнь несмотря на индивидуалистическую ее ориентацию, носила более патриархальный характер, конкуренция протекала в более мягких формах»²⁷. Такого же мнения держится Кассель. «Конкуренция в настоящее время интернациональнее и вероятно острее, чем когда бы то ни было», утверждает он²⁸.

Этот спор относительно изменения размаха и роли конкуренции в современном капитализме является в сущности частью более общей дискуссии на тему о преимуществах монополии перед конкуренцией. Дискуссия эта тянется уже ряд лет в немецкой, английской и американской литературе. Одни выступают с дифирамбами по поводу высоких качеств монополистической организации, против «разрушительной конкуренции», особенно вредной в условиях повышения доли постоянных издержек. Другие подчеркивают регулирующую роль конкуренции, доказывают ее благотворное влияние на хозяйство в целом и в особенности на технический прогресс; на этом основании они выступают против ограничений «свободы конкуренции» со стороны монополий. Наиболее наивное выражение вторая точка зрения нашла в определении Верховного суда САСШ по делу Northern Securities Company.

²¹ Y. M. Keynes, The End of Laissez-faire, 1926.

²² A. Salz, Die Zukunft des Imperialismus, „Weltw. Archiv“. 31. В. Н. 2 Oktober, 1930.

²³ См. сб. „Буржуазные ученые о закате капитализма“. Гиз, 1929.

²⁴ Ad. Weber, „Ende des Kapitalismus?“ Aufl., München, 1929.

²⁵ См. сб. „Буржуазные ученые и т. д.“.

²⁶ G. Binstock, Einleitung in die Weltwirtschaft. Berlin 1927, Kap. 7.

²⁷ „Буржуазные ученые“, с. 149.

²⁸ G. Kassel, Neuere monopolistische Tendenzen in Industrie und Handel 1927, S. 28.

...«Естественный результат конкуренции, говорится в этом документе, есть увеличение коммерции, а соглашения, прямым результатом которых является предупреждение игры конкуренции, не поощряют, а подавляют промыслы и торговлю»²⁹.

Не будем приводить здесь высказывания отдельных участников дискуссии, число которых очень велико; не меньше, пожалуй, и количество всяких оттенков и отточков в решении проблемы.

Мы видим во всей этой дискуссии, во-первых, довольно неоригинальное отражение тех двух односторонних взглядов на конкуренцию, которые были разобраны выше. Во-вторых, мы обнаруживаем у обеих спорящих сторон подход к конкуренции и монополии как к чуждым и абстрактно противоположным внешним силам, находящимся во взаимной борьбе. Ни понимания двойственной природы конкуренции, ни представления об органическом противоречивом единстве конкуренции и монополии в буржуазной литературе нет. Правда, как водится, в процессе борьбы двух направлений сколотилась промежуточная позиция с тем, чтобы на основе «с одной стороны, надо сознаться, а с другой — нельзя не признаться» решить вопрос «синтетически». Но все эти «примиренческие» попытки сводились лишь к тому, чтобы объявить противоречие между конкуренцией и монополией несуществующим вовсе и доказать, что принцип свободной конкуренции и принцип монополии одинаково справедливы. Таким образом, если две крайних концепции хотят устранить реальное противоречие, сохранив «хорошую» сторону и отбросив «дурную», то третий вариант решения проблемы объявляет это противоречие вовсе не существующим³⁰.

Понятна поэтому крайняя беспомощность всех попыток буржуазной экономики решить проблему конкуренции и монополии. Действительное проникновение в сущность этой проблемы возможно толь-

²⁹ Цит. по работе F. S. Hicks, *Competitive and Monopoly Price*, university of Cincinnati studies, vol. VII, № 2, 1911. Приведенное определение не дает конечно никаких оснований для того вывода, который делается Гиксом. Последний утверждает, что «современная трестовская политика САСШ — это попытка разрушить монополию и сохранить поле для конкурентного хозяйства».

³⁰ Характерно, что современная буржуазная мысль сама начинает чувствовать неудовлетворительность формального противопоставления монополии и конкуренции. Предпринимаются попытки «релятивизировать» эти понятия. Начались такие попытки еще со времен Курно, Вагнера, Визера, продолжены они в наши дни Чиршки, Шпаином, Ад. Вебером, Гальмом, Добретсбергером, Клюгом. Варианты здесь очень различны. Ад. Вебер и его школа (Гальм, Герхард и др.) доказывают, что картели являются высшим достижением конкуренции, устраняющим ее, дурные стороны и развивающим хорошие. Гальм при этом показывает ряд форм, в которых сохраняется конкуренция при развитии монополии (см. G. Halm, *Ueber Konkurrenz, Monopol und Sozialistische Wirtschaft Jahrbücher für Nationalökonomie u Statistik*, Sept. 1930, S. 343—344). Чирски остроумно включает момент «латентной конкуренции» в самое определение картеля. Он же в противовес Гаммесфару, показывает ограниченность возможностей регулирования, которыми обладают монополии. Добретсбергер развивает любопытную теорию о том, что конкуренция выгодна в эпохи под'ема, а монополия — в эпохи депрессии (см. интересную статью I) Dobretsberger „Wandlungen der Monopoltheorie“. *Schmollers Jahrbuch*, 1929, № 5). Наконец Клюг, который, вообще говоря, использует ряд марксистских положений, впрочем без всяких ссылок, заявляет: «из конкуренции возникает в конечном счете монополия — ибо частнохозяйственное стремление к наживе есть прежде всего не что иное как стремление к монополии, — из монополии снова возникает конкуренция. Чем скорее конкуренция и монополия переходят в свою противоположность, тем решительнее, к невыгоде других категорий потребностей, они влияют на ценообразование». (O. Klug, *Kritisches zum Kartellproblem*, Kart.-Rund., 1930, № 9, S. 620).

ко в том случае, если твердо понять, что 1) монополистические объединения необходимо возникают из развития конкурентной борьбы, 2) выступают в качестве специфических средств конкурентной борьбы, 3) тем самым трансформируют ее и 4) ни в какой мере не уничтожают конкуренции, а наоборот, обостряют и неслыханно развивают. Это так, ибо в условиях монополистического капитализма сталкиваются друг с другом не столько отдельные капиталисты, сколько крупные объединения, ибо борьба за сверхприбыль не только крайне обостряет антагонизм между предпринимателями одной отрасли, но и все более непосредственно развивает противоречия между отраслями и между странами; наконец монополии крайне обостряют неравномерность и технического роста и присвоения прибылей, что делает борьбу все более отчаянной и интенсивной.

Монополия и конкуренция переходят одна в другую, в то же время несомненно противоречат друг другу; конкуренция срывает и разрушает монополию, монополия стремится оградить себя от конкуренции. Это не противоречие логических принципов, а глубокое внутреннее противоречие современных капиталистических отношений, неустранимое до тех пор, пока существуют сами эти отношения. «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собою, конкурирующие становятся монополистами... Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь посредством непрерывной борьбы конкуренции»³¹. Вот почему современный капитализм имеет, по выражению Ленина, характер «какой-то смеси свободной конкуренции с монополией»; вот почему «именно это соединение противоречащих друг другу начал—конкуренции и монополии—и существенно для империализма, именно оно и подготавливает крах, т. е. социалистическую революцию»³².

Таким образом современный капитализм, характеризуясь развитием монополий, означает вместе с тем усиление конкуренции. При этом совершенно ясно, что конкуренция не только количественно вырастает, но и качественно изменяется. В ее общем характере и социальной роли происходят важные сдвиги. Рассмотрим наиболее существенные из них.

IV

Первый из крупных сдвигов в характере конкурентной борьбы заключается в том, что «свободная конкуренция» индивидуальных капиталистов уступает свое место конкуренции, скованной монополиями, причудливо переплетающейся с элементами внутренней организации. Борьба разворачивается теперь не на ровном рыночном плацдарме, а на поле, прегражденном барьерами картелей, изгородями трестов, волчьими ямами тайных и явных соглашений. Изменяется размах борьбы — он не может не стать большим, поскольку в битву

³¹ Маркс. Ницета философии, с. 121.

³² Ленин, Собр. соч., т. XIX, с. 101 и т. XX, с. 297. Все ссылки на собр. сочинений Ленина даются по 2-му изданию.

вступают развернутые колонны объединенных капиталистов, поскольку соревнуются между собою левиафаны промышленности. Изменяются основные субъекты конкуренции—это отныне не столько индивидуальные капиталисты, сколько те или иные организованные группы. Изменяются формы конкуренции — появляются такие новые формы как борьба монополистических объединений с «аутсайдермами» (дикими), как внутренняя, скрытая борьба отдельных членов объединений между собою, как борьба монополий одной отрасли друг с другом, как борьба монополий разных отраслей, борьба субститутов и т. д. Изменяются, наконец, и методы конкуренции³³.

На основе монополистической трансформации конкурентной борьбы намечаются дальнейшие сдвиги. Монополистический фон крайне стесняет, застопоривает, искажает регулирующее действие конкуренции. Монопольное положение тех или иных капиталистических групп вносит существеннейшие коррективы в «нормальный» ход конкурентной борьбы, отклоняет действие имманентных законов капитализма. Капиталистические объединения стараются искусственно создать для производимых ими товаров такие условия, чтобы эти товары выступали как редкие блага. Они стремятся к установлению и поддержанию повышенного надценой производства уровня продажных цен. Они не дают цене немедленно и непосредственно реагировать на изменение условий производства, пытаются задержать или даже парализовать совсем то действие закона стоимости, согласно которому по мере развития техники и повышения производительной силы труда цена товаров должна падать. Они всяческими путями пробуют захватить за счет индивидуальных капиталистов и монополистов-конкурентов сверхприбыль, создавая искусственные препятствия для действия закона средней нормы прибыли. Они затрудняют действие закона накопления различными попытками организованного ограничения производства.

Все это стесняет действия конкуренции как механизма реализации имманентных законов капитализма. Ее регулирующее влияние сказывается в гораздо меньшей мере и значительно более неравномерно, судорожно. Несомненно, что в конечном счете конкуренция, через которую действуют непреложные законы капитализма, берет свое. Попытки искусственного повышения цен, стабилизации цен, отрыва их от цен производства наталкиваются на некоторый предел, полагаемый конкурентной борьбой. Монополистическая сверхприбыль тоже в известной мере обкарняется в результате конкуренции «аутсайдеров» и соперничающих объединений. Монополии оказываются неспособными до конца эмансипироваться от влияния внутренних законов капитализма и их конкурентного механизма действия. Но вместе с тем — и не видеть этого невозможно — они крайне затрудняют регулирующую работу конкуренции, ставя ей всяческие барьеры.

Поэтому конкуренция в эпоху монополистического капитализма действует с еще меньшей плавностью, с гораздо большим количеством и глубиной отклонений, с несравненно более крупными потрясениями и конфликтами, чем в условиях классического капитализма. Регулирующий механизм конкуренции продолжает действовать, но действие это оказывается все более судорожным, прерывистым, нечет-

³³, О новых формах конкурентной борьбы см. нашу статью «Конкурентная борьба в современном капитализме» — «Проблемы марксизма», № 3, 1930.

ким, чаще и глубже нарушаемым. Конкуренция гораздо хуже, значительно менее точно выполняет свою роль механизма осуществления законов капитализма. Современный капитализм оказывается поэтому, в целом еще более анархическим, чем капитализм времен Маркса. «Монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом»³⁴.

Таков второй важный сдвиг в характере и роли конкуренции.

Отсюда вытекает и третья характерная черта современной конкурентной борьбы. В эпоху классического капитализма универсальным методом конкуренции было развитие техники и происходящее в результате этого понижение издержек производства и продажных цен. Мы подчеркивали уже выше мысль Маркса о том, что конкуренция — это торговое, а не промышленное соревнование, что, иными словами, развитие техники и понижение цен отнюдь не являются самоцелью. Но в период классического капитализма техническое развитие было все же основным средством конкурентной борьбы. Конкурентоспособнее оказывался тот, кто продавал дешевле. Дешевле же, не терпя убытка и даже извлекая избыточную прибавочную стоимость, мог продавать только тот, чье предприятие было технически передовым и работало с наименьшими издержками производства.

В современном капитализме дело обстоит существенно иным образом. Здесь все больше развивается «горячка погони за прибылью без производства». Основным средством обеспечения прибыли и победы в конкурентной борьбе оказывается здесь захват привилегированного, исключительного, более или менее монопольного положения. Технический прогресс подчиняется потребностям и интересам монополистического захвата. Он становится лишь одним из методов, обеспечивающих преимущественное положение той или иной группы капиталистов. И при этом монополистические интересы, как очень хорошо показал уже Ленин, вступают в противоречие с потребностями и потребностями развития техники.

Конкурентная борьба в условиях монополистического капитализма развивает целый ряд таких методов, которые вовсе не движут, а тормозят развитие производительных сил. Сюда относится монопольная эксплуатация изобретений, умышленное неиспользование тех или иных достижений техники; хищнические методы производства³⁵, раздутая реклама, подкупы, надувательство, получение привилегий от государства и т. д. Нередко конкуренция заставляет останавливать предприятия. Зачастую в результате конкурентной схватки предприятия скупаются и приостанавливаются или разрушаются вовсе.

Конечно и в монополистическом капитализме метод конкурентной борьбы путем технического развития, путем повышения произ-

³⁴ Ленин, Собр. соч., т. XIX, с. 92 (подчеркнуто Лениным).

³⁵ «Бешеная конкуренция в добыче нефти», — сообщает т. М. Рубенштейн — приводит к уходу в воздух громадных количеств газа, что равносильно сжиганию без толку сотен тысяч тонн угля ежедневно. Эта же конкуренция приводит к тому явлению, что там, где для правильной разработки нефтяного пласта достаточно одна буровая скважина на 10—20 акров площади, на 1 акре бурится 10 и более скважин (т. е. 100—200 вместо 1) и, таким образом, нефть и газ напрасно растрачиваются. Каждый владелец нефтеносного клочка земли спешит заложить возможно больше скважин, чтобы обогнать соседа и отсосать у него нефть» (М. Рубенштейн, Как «гнет заживо» современный капитализм, «Большевик», № 17 за 1930 г. с. 67—68).

водительной силы труда существует и играет большую роль. Но относительное значение его постепенно снижается. Задача все больше состоит не в том, чтобы бить конкурента и расширять производство и сбыт посредством дешевых цен, а в том, чтобы побеждать в конкурентной борьбе, сохраняя высокие цены и повышая их, хотя бы это было связано с сокращением производства.

Вместе с тем неверно было бы утверждать, как это делает т. Бухарин, что конкурентная борьба в эпоху империализма прямо сводится к насильственным средствам. Тов. Бухарин следует здесь своему излюбленному методологическому приему, заключающемуся в том, чтобы схватить какую-нибудь реальную тенденцию и, не обращая внимания на ее действительное место, роль в общей противоречивой системе, изобразить ее в абсолютно законченном и крайнем виде. Подобное одностороннее «мышление пределами» совершенно извращает роль технического прогресса и понижения издержек производства в эпоху империализма, сводит эту роль на-нет³⁶.

Столь же неверным было бы вовсе игнорировать изменение роли конкуренции по отношению к развитию производительных сил. Между тем, так поступает т. Кон. «Рост техники в современном обществе, заявляет он на дискуссии в Комкадемии, вызывается тем, что из системы современного общества не только не изгнана конкуренция, но эта конкуренция растет, являясь побудителем к развитию техники. Однако, вместе с тем, развитие конкуренции порождает монополии, которые достигают большей или меньшей степени распространения и тем самым порождают тенденции к застою, к загниванию». Следовательно конкуренция характеризуется тем, что способствует развитию техники, является в противоположность монополии прогрессивным моментом. От монополии, — зло, от конкуренции — добро. Какая механистическая простота!

Итак, третий крупный сдвиг в характере конкуренции состоит в том, что конкурентная борьба более значительно менее стимулирует, а часто и вовсе не стимулирует развития производственных сил. Конкурентные отношения империалистической эпохи значительно меньше способствуют развитию производительных сил, значительно больше тормозят его.

Из факта монополистического преобразования капитализма, из изменения регулирующей роли закона стоимости, наконец из существенно нового отношения между конкуренцией и техническим развитием — из этих трех намеченных нами черт империалистической эпохи — вытекает и четвертая: дальнейший рост и чрезвычайное обострение неравномерности развития.

«При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств... Неравномерность экономического и политического развития есть безусловно закон капитализма»³⁷. Этот безусловный закон значительно старше империализма и характеризует уже все движение капитализма эпохи «свободной конкуренции». Но ни в коем случае нельзя понимать неравномерность развития статически. Процесс расширенного воспроизводства капитализма является процессом постоянного углубления и обо-

³⁶ См. «IV всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». Гиз, 1923, с. 187—188.

³⁷ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, с. 232.

стрения неравномерности. Рост этой неравномерности явился важным фактором выделения островков монополии из моря индивидуально-капиталистических предприятий. В свою очередь дальнейшее развитие монополистических организаций неизбежно углубляет неравномерность развития, ибо завоевать более или менее монопольное положение—значит получить возможность и шансы неординарного с другими предприятиями извлечения прибыли, расширения производства и т. д. Поэтому с развитием монополии закон неравномерности развития капитализма приобретает исключительную роль, накладывая свой отпечаток на все стороны современной экономики и политики.

Крупное влияние оказывает неравномерность развития на характер конкурентной борьбы. Конкуренция становится острее и ожесточеннее. Отстающие предприятия, отрасли, страны предпринимают все более отчаянные попытки догнать забежавших вперед. Передовые предприятия, ведущие отрасли, более развитые страны защищают свои позиции все более резкой борьбой, добываясь полного разгрома соперников. В процессе такой конкурентной борьбы неравномерность получает дальнейшее развитие.

В самой природе капиталистической конкуренции заложено ее д в у е д и н о е действие: нивелирующее и в то же время создающее и развивающее неравенство и неравномерность³⁸. Ныне это сказывается все ярче и острее. С одной стороны, конкуренция выбирает монополистов из исключительного положения, не дает им возможности спокойного и обеспеченного выжимания сверхприбылей. С другой стороны, эти нивелировочные тенденции обостряют борьбу, вызывают усиленное сопротивление и приносят одним победу за счет других. В современном капитализме особенно отчетливо обнаруживается, что нивелировка уровней развития отдельных предприятий, отраслей, стран является фактором усиления скачкообразности, порывистости, неравномерности развития. Глубоко прав был т. Сталин, когда он полемизировал с вульгарными обывательскими рассуждениями Троцкого и Зиновьева о том, что совершающаяся нивелировка уровней якобы ослабляет неравномерность. «Наоборот, — заявлял т. Сталин, — нивелировка есть тот фон и та база, на основе которой и возможно усиление действия неравномерности развития при империализме. Только люди, не понимающие экономической сущности империализма, вроде наших оппозиционеров, могут противопоставлять нивелировку закону неравномерности развития при империализме»³⁹.

Итак четвертым отличительным признаком конкурентной борьбы в эпоху монополистического капитализма является то, что она протекает в обстановке обострившейся неравномерности развития и в свою очередь является фактором углубления этой неравномерности.

Борьба оказывается тем резче и ожесточеннее, что развитие предприятий, отраслей, стран совершается в обстановке недостаточных рынков, ограниченных возможностей сбыта, до конца поделенного

³⁸ Это обстоятельство не мало мистифицировало буржуазную экономию, лавмавшую себе голову над вопросом о том, к чему же ведет конкуренция: к уравнению положения и установлению равенства или к обострению неравномерностей. (см. об этом у I. Dodretsberger, Wandlungen der Monopoltheorie. В наши дни этот вопрос поднят снова в другой форме; теоретики буржуазии рассуждают о том, создают ли картели уравнение интересов или, наоборот, обостряют их неравенство.

³⁹ «Пути мировой революции», VII расш. пленум ИККИ, Стенограф, отчет, том II, Гиз, 1927, с. 318.

между капиталистами мира. По мере капиталистического развития все время углубляется противоречие между целью буржуазного производства—увеличением стоимости—и средством — развитием производительных сил. Капиталистическая цель становится все более узкой и недостаточной. Материальные потенции производства растут значительно быстрее возможностей их использования в рамках голой погони за прибылью. Расширение производства, подстегиваемое ненасытной жаждой увеличения стоимости, все быстрее выходит за те рамки, в которых оно удовлетворяет капиталистической цели. Чем выше степень развития производства, тем быстрее накапливаются диспропорции при его (производства) расширении, тем большими оказываются эти диспропорции, тем затруднительнее реализация и разрушительнее кризисные взрывы.

А соответственно этому борьба капиталистов на почве реализации нарастает, она становится более широкой, превращаясь в подлинную «войну всех против всех», с одной стороны, она увеличивается в интенсивности — с другой. Мы подходим здесь к пятой характерной черте современной конкуренции. Конкурентная борьба происходит на фоне растущего обострения проблемы рынка. Неудивительно поэтому, что конкурентная борьба перерастает рамки соперничества однородных предприятий, что все формы и линии конкуренции синтезируются во всеобщей борьбе за максимальную долю совокупного платежеспособного спроса, за «доллар потребителя». Естественно, что конкуренция оказывается все более резкой, всеобщей, отчаянной.

И здесь опять-таки мы имеем тесное взаимодействие. Рост затруднений реализации обостряет конкурентную борьбу. Конкурентная борьба с ее слепым напором, с ее игнорированием действительных возможностей сбыта, взаимным отхватыванием друг у друга долей совокупного спроса, ведет в свою очередь к дальнейшему обострению проблем рынка.

V

Мы наметили, таким образом, пять основных сдвигов в характере конкурентной борьбы. Являясь специфическими признаками конкуренции в эпоху империализма, они в той или иной мере свойственны всем этапам этой эпохи. Они присущи как довоенному империализму, совершающему свое восхождение вверх, так и послевоенному империализму, который является периодом всеобщего кризиса капитализма.

Всеобщий кризис капитализма, представляя собою особую и последнюю фазу империализма, характеризуется прежде всего тем, что буржуазные отношения с предельной остротой обнаруживают здесь свою роль тяжелых оков для развития производительных сил. В рамках капиталистических производственных отношений не остается сколько-нибудь широкого простора для увеличения производства, роста техники, повышения производительной силы труда. Развитие производительных сил, во-первых, замедляется. Тенденция к затуханию темпов роста продукции, проявившаяся уже в довоенную эпоху, приобретает после войны всеобщий, мировой и резко выраженный, хотя и крайне неравномерный характер. Во-вторых, каждый крупный шаг в развитии производительных сил связан с крайним обострением противоречий, ведет к особенно сильным потрясениям, не столько способствует, сколько тормозит процесс увеличения стоимости.

Капитализм оказывается неспособным совладать с созданными им самим силами. Слишком много продуктов, слишком много людей, слишком много капиталов, слишком много капиталистов — такова картина, открывающаяся нам в период всеобщего кризиса. Если во времена Мальтуса можно было кричать о том, что на великом пиру природы нет места для безработных и нищих, то теперь нехватает места даже для капиталов, а значит и их персонафикаций — капиталистов⁴⁰.

Рамки извлечения прибыли становятся все более узкими. Капиталист стремится избежать понижения прибылей. С одной стороны, он усиливает нажим на рабочих: интенсификация труда, падение заработной платы ниже стоимости рабочей силы и т. д. — таковы результаты этого нажима, ведущего к обострению борьбы между капиталистами и рабочими. С другой стороны, капиталист напирает на своих товарищей по классу, стремясь оградить себя от понижения прибыли ценою их разорения. Отсюда обострение борьбы между капиталистами, то крайнее, резчайшее обострение конкурентной борьбы, которое мы наблюдаем в современном капитализме. Все те сдвиги, которые намечались в эпоху империализма, приобрели ныне исключительную выразительность. Все противоречия внутри класса капиталистов сплелись в один гигантский клубок и достигли нестерпимого накаления.

Образование монополий приобретает в послевоенном капитализме особенно широкий и бурный характер, значит растут и порождаемые им самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и частной торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью — с другой и т. д.⁴¹. По мере расширения монополий растет как их борьба с «аутсайдерами», так и взаимная борьба капиталистических объединений.

Регулирующее действие конкуренции наталкивается на возрастающие препятствия. Поэтому и движения конкурентного механизма наших дней могут быть сравнены с угловатыми, резкими, ненормальными движениями человека, у которого развивается прогрессивный паралич. Развивается тенденция к смазыванию регулирующей, организующей, уравновешивающей деятельности конкуренции и к акцентированию противоположной стороны.

Отношение между конкуренцией и техническим прогрессом становится все более двойственным. Конкуренция продолжает стимулировать технический прогресс, который знаменуется еще и крупнейшими изобретениями, и важными усовершенствованиями, и далеко идущей технической рационализацией. Но конкуренция все больше избирает наряду с этим методом другие, равнодушные или противоречащие развитию производительных сил. Стремление к увеличению стоимости оказывается все менее соответствующим интересам расширения процесса труда.

⁴⁰ П. Лапинский сообщает, например, что в 1925 г. 41% американских компаний не показало никаких прибылей, в 1926 г. этот процент возрос до 43%. А ведь 1925 и 1926 гг. являются лучшими годами послевоенной Америки. (См. П. Лапинский. Кризис капитализма и социал-фашизма. Гиз, 1930, с.22—23).

⁴¹ Ленин. Собр. соч., т. XIX, с. 166.

В не совсем точной форме это было отмечено уже на III конгрессе Коминтерна в А к с о м. «Все современное хозяйство, — заявил он, — направлено более чем когда-либо на прибыль, а не на производство, которое является при данных условиях лишь случайным результатом, одним из средств для извлечения прибыли... Капитал перестраивается, спасая, правда, свои доходы за счет своей производительности»⁴².

Это видят сейчас и буржуазные ученые. З о м б а р т, обладающий несомненным экономическим чутьем, хотя редко знающий «что к чему», предсказывает, что «производительность труда не будет увеличиваться, во всяком случае это будет происходить не в таком соотношении, какое наблюдалось в продолжение последнего столетия»⁴³.

То, что капиталистическая погоня за прибылью все больше становится, наряду с развитием техники, на путь интенсификации труда, то, что современная капиталистическая рационализация имеет своим основным моментом не технические усовершенствования, а именно увеличение напряженности труда — эти факты с достаточной ясностью свидетельствуют о мере происшедшего здесь сдвига⁴⁴.

Неравномерность капиталистического развития в послевоенную эпоху испытывает дальнейшее углубление. Она достигает ныне такой степени, когда мы имеем все чаще не только разницу в темпах, но и разницу в направлении развития. Иными словами, в то время как одни предприятия, отрасли, страны развивают производство, другие оказываются вынужденными сокращать его; в то время как одни переживают более или менее высокую конъюнктуру, другие находятся в полосе беспросветного упадка. Конкуренция растет от этого еще больше.

Наконец, проблема рынка в послевоенном капитализме стала исключительно тяжелой. Узость рынка тяжелым обручем сжимает производство. Весь послевоенный период характеризуется хронической недогрузкой предприятий, очень мало рассасывающейся даже в годы наибольшего оживления. Каждое крупное рационализаторское мероприятие, каждое средство увеличения продукции сказывается очень скоро в перепроизводстве и возрастании запасов. Движение цен обнаруживает общую понижательную тенденцию. Структурная безработица, наблюдающаяся в отдельных странах, абсолютное сокращение количества занятых рабочих, разорение крестьянства — составляют типичные черты современного капитализма. Внешние рынки поделены. Приобретение новых колоний оказывается почти невозможным, а эксплуатация старых наталкивается на их растущее сопротивление. Наконец, из сферы капиталистического рынка выпадает громадный рынок шестой части мира — СССР.

Размах конкурентной борьбы оказывается прямо пропорциональным трудностям реализации. Увеличивается борьба за долю в совокупном спросе внутреннего рынка. Растет соперничество на мировом рынке. Спешно воздвигаются барьеры протекционизма и не менее

⁴² «III всемирн. конгресс Коммунистического Интернационала». Стенограф. отчет. Гиз, 1922, с. 49—50.

⁴³ См. «Буржуазные ученые», с. 17.

⁴⁴ Отметим попутно, что О. Бенедикт, автор интересной, хотя довольно спорной работы о накоплении капитала, тоже подчеркивает падение относительной роли технического прогресса в современном капитализме. (см. его статью: «Накопление капитала при растущем орган. составе», журн. «Под знаменем марксизма» № 7—8 за 1930 г.).

лихорадочно принимаются меры для преодоления чужих таможенных стен.

«В период, когда существует слишком много фабрик и машин для удовлетворения мировой покупательной способности, одна производящая страна не может захватить рынок без того, чтобы другая страна его не потеряла». Так заявляет талантливый буржуазный публицист Л. Денни ⁴⁵. «Капиталисты каждой страны, — пишет другой буржуазный экономист, — Д. Штейнберг, — пытаются увеличить свои доходы путем уменьшения доходов иностранных капиталистов ⁴⁶. И это относится не только к отношениям между странами, но и к взаимоотношениям капиталистов и капиталистических групп в пределах каждой отдельной страны.

Таким образом период всеобщего кризиса капитализма приносит с собой дальнейшее углубление конкурентной борьбы. И это с предельной яркостью сказывается на тех этапах всеобщего кризиса, которые характеризуются понижением конъюнктуры — в фазах кризиса и депрессии. Современный мировой кризис в частности показывает такую степень обострения конкуренции, какую история капитализма еще никогда не знала. Перед лицом глубочайших экономических (и не только экономических) потрясений приобретает крайнюю остроту конкуренция между монополиями; борьба за прибыль становится здесь зачастую прямой борьбой за существование, за место под буржуазным солнцем. Нестерпимо накаляются внутрикартельные противоречия, и целый ряд объединений лопается под влиянием кризиса как мыльные пузыри. Усиливается борьба картелей и «аутсайдеров». Наряду с внутринациональной борьбой бешено развивается конкуренция на мировом рынке и особенно широко применяется ее наиболее сильнодействующее средство — демпинг. Противоречия между капиталистическими государствами подводят и к еще более сильным средствам; на повестку дня все сильнее выдвигается применение вооруженных методов конкурентной борьбы.

Все это, впрочем, представляет собою особую большую тему, которая требует специального рассмотрения.

⁴⁵ Л. Денни, Америка завоевывает Британию, Гиз 1930, с. 61.

⁴⁶ James Steinberg, Die Krise des Kapitalismus. Arch. f. Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 30. В. II Н. 1923. S. 350.

3. АТЛАС

К КРИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО РЕВИЗИОНИЗМА

(Против каутскианской критики)

Гильфердинг, всегда бывший склонным «к примирению марксизма с оппортунизмом» (Ленин), еще задолго до «организованного капитализма» готовил, так сказать, подкоп под марксизм, и мы постараемся ниже проследить эту его «подрывную» ревизионистскую работу, начиная с «Финансового капитала». В нашей марксистской литературе обычно считалось, что Каутский дал исчерпывающую и уничтожающую критику теории Гильфердинга. В нескольких сборниках и нескольких изданиях фигурирует статья Каутского как образец марксистской критики. Так например тов. Мотылев рекомендует эту статью Каутского как «представляющую собой прекрасный разбор теории денег Гильфердинга»¹. А Преображенский от своего имени критикует теорию бумажных денег Гильфердинга, не прибавляя ни одного нового слова к каутскианской критике². Недостаточность каутскианской критики в свое время была отмечена В. Позняковым в статье «Гильфердинг или Маркс» («Под знаменем марксизма»³ № 1 за 1926 г.), показавшим, что Каутский не понимает всей глубины гильфердинговской ревизии Маркса. Между тем механистические позиции Каутского определили и характер критики Гильфердинга: Каутский; сам игнорирующий противоречие товара и денег, не мог или не хотел уловить главной ноты в ревизионизме Гильфердинга. Основным «аккордом» ревизионистской «музыки» Гильфердинга является недиалектическое «снятие», т. е. просто устранение основных противоречий капиталистического общества, которые заложены уже в товаре и в его всеобщей форме — деньгах. Гильфердинг таким образом ударил по самым основам марксовой экономической системы; «исправлять», «поучать» Гильфердинга Марксом нельзя. Нужно направить контрудар по тому пункту, который является основным в ревизионистской теории Гильфердинга.

Каутский оказался неспособным сделать это. Каутский прежде всего критикует теорию бумажных денег Гильфердинга, изложенную в «Финансовом капитале». Каутский показывает отличие формулы количества денег Маркса от гильфердинговской формулы. Далее Каутский стремится доказать, что «обходный путь» определения стоимости бумажных денег через стоимость золота совершенно необходим. И здесь конечно прав Каутский. Но всячески избегая заострения критики, Каутский стремится доказать Гильфердингу, что последний, сам того не замечая, пользуется «обходным путем» Маркса, поскольку и по Гильфердингу бумажные деньги не могут быть мерилем стоимости.

«Он хочет при определении стоимости бумажных денег устранить из поля зрения золото. Он хочет эту стоимость определить непосред-

¹ В. Мотылев, Дискуссионные проблемы марксистской политической экономии, Краснодар, 1924, с. 38.

² Е. А. Преображенский, Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры Гиз, 1920, с. 14—19.

ственно товарной стоимостью. Но это ему удается лишь потому, что, сам того не замечая, он молчаливо предполагает, что стоимость товаров измеряется золотом. Иначе говоря, он отождествляет цену и стоимость. Все это построение зиждется на предпосылке, что данное количество марок есть выражение не цены, а стоимости»³.

Каутский доказывает, что «общественно-необходимая стоимость обращения» Гильфердинга должна найти какое-то общее выражение; сумма стоимостей товаров не может быть выражена в часах, следовательно необходимо выразить ее в какой-либо одной стоимости, а именно в золоте; значит нужно взять сумму цен товаров (как у Маркса), а не сумму стоимостей, а если так, значит и по Гильфердингу стоимость бумажных денег без «окольного пути», т. е. без золота определить нельзя. Каутский таким образом пытается свести все дело к логическому ляпсусу, к «порочному кругу», показывая, что поправка Гильфердинга к Марксу не нужна, ибо она в логически стройную и в целом правильную теорию Гильфердинга вносит противоречие, которое он, Каутский, с такой легкостью устраняет. Критика теории денег в «Финансовом капитале» заканчивается указанием на то, что сам Гильфердинг признает пертурбационное влияние чистой бумажно-денежной системы на капиталистическую экономику, и, опасаясь нарушения обращения, Каутский рекомендует пойти по «окольному пути» Маркса. Вот и все.

Таким образом критика Каутского ограничивается одним лишь указанием на невозможность вывести стоимость бумажных денег, минуя действительные деньги—золото. Это, конечно, совершенно верно. Но такая критика, как мы покажем ниже, проходит мимо самого основного, принципиально важного в теории Гильфердинга...

Далее Каутский критикует статью Гильфердинга «Деньги и товар». Каутский указывает, что Гильфердинг «отменяет закон стоимости для золота, когда оно подвизается в качестве денег». Этому не отрицает и Гильфердинг. Но критика положения Гильфердинга о фиксированной стоимости золота и неизменном мериле стоимости очень бледна, и нельзя сказать, что этой критикой Гильфердинг опрокинут.

Каутский стремится доказать, что по Марксу стоимость золота определяется трудом, что она не может вообще определяться в обращении (иначе получается количественная теория денег) и т. д. Все это верно, но это бьет мимо цели. Гильфердинг утверждает, что вследствие особых моментов, связанных с эпохой финансового капитала, принципиально изменяется соотношение золота и товаров, следовательно теория Маркса неприменима к новым условиям. В то время как центр тяжести всей теории Гильфердинга — в сознательном регулировании общественных процессов, свойственных «новейшей фазе развития капитализма», Каутский напротив полагает, что «своих слов об «общественном регулировании» Гильфердинг не понимал «буквально». В то время как Гильфердинг сам показывает, что в этом регулировании вся суть его концепции, Каутский не хочет понимать этих слов «буквально», т. е. не хочет понимать Гильфердинга в том смысле, что через банки осуществляется общественное регулирование процесса обращения, товарных цен, а следовательно и всего капитализма.

Это сознательное регулирование общественных отношений и есть тот конек, на котором

³ «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма», НКФ, с. 43.

начиная с «Финансового капитала» неизменно выезжал Гильфердинг, и наконец отнюдь не случайно он пришел к теории «организованного капитализма». А Каутский проглядел эту основу основ гильфердинговской теории, которая является также фундаментом и его теории денег в «Финансовом капитале». Последнее слово каутскианской критики Гильфердинга заключается в том, что «теоретические выводы Гильфердинга, несмотря на их остоумие, ошибочны, ибо в положениях, из которых они исходят, недостаточно разграничены понятия «стоимости» и «цены»⁴.

Каутский не смог дать в свое время достаточной критики Гильфердинга, ибо он сам извращал теорию денег Маркса. Каутский подробно изложил свои взгляды на теорию денег в своей книге о переходном хозяйстве... В отделе о деньгах этой книги мы находим лишь поверхностное сходство теории денег Каутского с теорией денег Маркса. Каутский выводит категорию денег не из развития внутренних противоречий товара, но чисто механически из тех затруднений, с которыми сталкиваются в процессе обмена товаропроизводители. Это обычный путь всех буржуазных теоретиков-металлистов. Ничего специфически-марксистского в его изложении теории денег нет.

У Каутского нет понятия денег, как всеобщей эквивалентной формы стоимости, сросшейся с натуральной формой данного товарного тела; нет анализа всех особенностей эквивалентной формы, нет вообще поляризации относительной и эквивалентной формы; нет представления о деньгах, как непосредственном воплощении абстрактно-общественного труда; нет вообще поляризации товарного мира на Т и Д; нет противоречий между товарами и деньгами, следовательно между общественным и частным трудом, в то время как без этого противоречия невозможно понимание и специфически-капиталистических противоречий. Короче говоря, у Каутского нет всего того, что как раз и характеризует марксову теорию денег в отличие от буржуазных теорий. Кое-что общее между теорией денег Маркса и теорией денег Каутского есть. Но это сходство лишь внешнее, в отдельных понятиях. «Популяризация» Каутским теории денег Маркса выражается в вулгаризации последней до такой степени, что изложенную Каутским теорию денег Маркса нельзя отличить от любой металлистической теории, например, Кн и с а.

У Каутского мы имеем не больше, чем простое перечисление, констатацию отдельных функций и форм проявления денег. Но «душа денег», их сущность, диалектика их развития и форм проявления в отдельных функциях остается вне поля зрения Каутского. У Каутского мы узнаем лишь то, что деньги «осложняют проблемы хозяйственной жизни» и что «благодаря деньгам расширяется разделение труда». В то время как для Маркса деньги как всеобщий эквивалент, как эквивалентная форма, есть прежде всего мерило стоимости «и поэтому непосредственно своим телом или через посредство своих заместителей также и средство обращения», для Каутского дело обстоит как раз наоборот. Деньги прежде всего средство обращения, и в этом их сущность, а затем уже в силу этого они функционируют и как мерило стоимости.

Стремясь «упростить» изложение теории денег Маркса, Каутский старательнейшим образом «отчистил» Марксову теорию от всех сле-

⁴ «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма», НКФ 1922, с. 58.

дов диалектики и тем самым довел теорию денег Маркса до крайнего предела вульгаризации, принизил ее до уровня ходячих представлений о деньгах. Придерживаясь таким образом механистических, вульгарно-материалистических позиций (ибо Каутский против всякого номинализма, т. е. идеализма в теории денег), Каутский борется с очевидным ревизионизмом Гильфердинга. Но из данной нами характеристики методологической позиции Каутского в теории денег ясно, что Каутский не мог дать исчерпывающей и ортодоксально-марксистской критики Гильфердинга. Однако механист конечно может обнаружить ошибки у идеалиста, и Каутский это сделал.

* * *

Мы не можем здесь рассматривать общеметодологические, философские взгляды Гильфердинга: это должно послужить темой специальной работы. В нашем журнале уже указывалось на близость Гильфердинга к Маху, на то, что Гильфердинг наряду с Адлером и Бауэром «проводят кантианский разрыв законов бытия и законов мышления и сводят диалектику к схоластической игре понятий»⁵. И в самом деле в своей методологической статье Гильфердинг видит приложимость метода диалектического материализма не в открытии основных противоречий капитализма: приложение этого метода по Гильфердингу «скорее выполняет свою специфически логическую роль в способе образования понятий и изложения логических понятий»⁶. Итак диалектика понимается Гильфердингом как средство для конструирования понятий и способ изложения. Диалектика следовательно только в суб'екте, но не в об'екте, в мыслях и понятиях, но не в самой об'ективной действительности и имманентных законах ее движения.

Такое отношение Гильфердинга к диалектике очень многое объясняет в его теоретико-экономических работах. В работе «Бем-Баверк как критик Маркса» Гильфердинг дает идеалистическую интерпретацию стоимости, которая впоследствии была развита и завершена Рубиным. Уже в этой работе Гильфердинг говорит не о противоречии товара, но лишь о противоположности «двух определений товара».

«Противоположность определений товара, как потребительной стоимости и стоимости, противоположность натуральной и ценностной формы выступает теперь перед нами, как противоположность самого товара, поскольку он, с одной стороны, является естественной вещью, а с другой стороны — общественной вещью. Здесь таким образом мы действительно имеем дело с дихотомией, когда один член исключает другой и наоборот. Однако это лишь противоречие способов рассмотрения»⁷.

Эта трактовка категории товара вполне согласуется с указанной выше общеметодической концепцией Гильфердинга (диалектика — игра понятиями), но зато находится в явном противоречии с марксовым диалектическим понятием товара. Здесь мы имеем расхождение между Гильфердингом и Марксом в самом центральном, базовом пункте всей экономической системы. Потребительская стоимость и стоимость — это не два полюса товара, не противоречие в единстве, но

⁵ «Проблемы экономики», № 10, 1930, с. 131.

⁶ Сб. «Основные проблемы политической экономии», М., 1922, с. 233.

⁷ Р. Гильфердинг, Бем-Баверк как критик Маркса, 1923, с. 13.

два «способа рассмотрения» категории товара: как естественной вещи (потребительская стоимость) и как общественной вещи (стоимость). Поскольку же политическая экономия изучает товар с этой второй точки зрения, постольку в системе политической экономии товар является с самого начала без внутренних противоречий, он предполагается как «общественная вещь». Таким образом Гильфердинг в самом исходном пункте решительно порвал с Марксом и положил основание так называемого «социологического», т. е. идеалистического, кантианского, меньшевистского учения о стоимости (Рубин). Стоимость — категория общественная, а не материальная. Напротив потребительская стоимость — категория материальная, а не общественная. Это и есть фундамент рубенизма в политической экономии, смыкающегося с «социальным направлением», например со штольцмановским делением категорий на «натурально-технические» и «социальные».

Таким образом перенесение реального, объективного противоречия товара в мышление субъекта, отрыв формы от содержания, материального от социального, — вот основа и корень гильфердинговско-рубинской ревизии Маркса... Порвав с Марксом в исходном пункте, а именно «устранив» чисто логической «операцией» объективное противоречие товара, товарного общества и следовательно капитализма, Гильфердинг мог уверенно двигаться дальше.

После этого уже оказалось нетрудным и логически неизбежным отказаться от противоречий денег и их форм, подменить денежное обращение «сознательным», т. е. штамплеровским «внешним регулированием» и наконец, следуя все тому же методу, признать возможным устранение всех вообще противоречий капитализма в рамках самого капитализма, т. е. сконструировать «организованный капитализм». Смешно говорить об отдельных логических ошибках и неувязках в системе политической экономии Гильфердинга. Все то, что у Гильфердинга «не увязано» с Марксом, оказывается вполне «увязанным» в системе самого Гильфердинга. Поэтому мы должны говорить не об отдельных ошибках Гильфердинга, но о целой ревизионистской системе, начиная от исходного пункта и кончая общим выводом о судьбах капитализма, след. социал-реформизмом.

Теория денег Гильфердинга является необходимым посредствующим звеном между исходным пунктом — учением о товаре и стоимости и конечным — пониманием законов движения капитализма в целом. Так и только так следует подходить к теории денег Гильфердинга. И прежде всего необходимо освободиться от оков каутскианства, которые до сих пор связывали многих марксистов, писавших о Гильфердинге, и критиковать Гильфердинга не в частностях и деталях, но в целом, или критиковать часть его теории, но на основе и в связи с его ревизионистской концепцией в целом.

Мы имеем критику его ревизионистских учений о функциях и формах кредита (Марков, Рейхардт), о тенденции нормы процента к понижению (Мотылев, Рейхардт), теории бумажных денег (Каутский,

Бауэр, у нас — Преображенский, Позняков), теории финансового капитала (Султан-Заде, Финн-Енотаевский) и т. д. Можно сказать «раскритиковано» почти все, и вместе с тем не раскритиковано самое важнейшее — ревизионистская система. Критика большей частью страдала одним пороком — непониманием методологических основ «генеральной линии» гильфердинговской ревизии Маркса по всем общим и частным вопросам политической экономии, ревизии, которая в конечном счете имеет целью «обезвредить» марксизм, захватить его в плен оппортунизма, т. е. ревизии, вытекающей из указанной Лениным тенденции Гильфердинга «к примирению марксизма с оппортунизмом».

* * *

Идеалистический метод Гильфердинга с самого же начала привел его к искажению действительности, к искусственному удалению из нее объективных, имманентных противоречий. Противоречия из самого предмета выведены за его пределы, оказываются внешними и потому противоречие может быть устранено, а предмет сохранен, поскольку противоречие ему не имманентно, поскольку оно не является законом движения объекта. Такова методология Гильфердинга от начала и до конца: противоречия не имманентны товару; противоречия не имманентны капитализму — отсюда возможность устранения противоречий капитализма, увековечение его, сохранение капитализма как «организованного», т. е. очищенного от всяких противоречий. От устранения противоречий товара и денег через регулирование денежного обращения и стабилизацию меновой стоимости денег к устранению противоречий капитализма — таков путь Гильфердинга.

Поскольку, как мы показали уже, в «Бем-Баверке» Гильфердинг «устранил» противоречия товара, представив это противоречие как чисто логическое, как двойственный способ рассмотрения действительности, постольку можно было пойти дальше — устранить противоречия денежного обращения. И к услугам Гильфердинга оказалась налицо та внешняя форма проявления денег, которой он подменил сущность денег. Бумажные деньги — это прямо находка для идеалиста (в теории денег — номиналиста) Гильфердинга. Это и есть та самая нематериальная, чисто «общественная вещь», которую с самого начала «открыл» Гильфердинг в товаре вообще, в его стоимости.

Противоречие, «логически» устраненное в товаре, но назойливо преследовавшее Гильфердинга в его теоретической работе, испаряется как дым в бумажных деньгах. А посему Гильфердинг, отделавшись парой фраз о действительных деньгах, приступает к основательной разработке теории бумажных денег. Эта последняя, как и следовало ожидать, вскоре же раздвигается в своих рамках и становится вообще теорией денег. В статье «Деньги и товар» он применяет «открытые» им закономерности бумажно-денежного обращения и к чистому золотому обращению (монометаллизму) в условиях финансового капитализма. Поэтому совершенно неправильно считать, что Гильфердинг ревизует только теорию бумажных денег Маркса: он ревизует всю теорию денег Маркса от начала и до конца, но строит свою общую теорию денег, исходя из бумажных денег. Но такая методология его теории денег прямо обусловлена его общей методо-

логией: идеалист-номиналист может подходить к сущности денег лишь исходя из формы бумажных денег или системы блокированной чеканки, когда представительная стоимость металлических денег оказывается выше ее субстанциональной стоимости. Такой подход к деньгам в свою очередь обусловлен тем, что стоимость уже лишилась у Гильфердинга всяких материальных черт, а товар — каких бы то ни было противоречий.

Если товар и стоимость, только «общественное отношение» без материального содержания, т. е. в конечном счете без трудовой субстанции, то таковыми же должны быть и деньги. Деньги обязательно должны быть только общественным отношением, но не вещью; их нужно лишить трудовой субстанции, и ура, они уже лишены таковой — бумажные деньги! Исходя из своей методологии, Гильфердинг не мог, он должен был деньги лишить субстанции, он должен был оказаться полным, стопроцентным и вульгарнейшим номиналистом, и он в самом деле таковым оказался. Поэтому Гильфердинг с полным основанием оспаривает авторитет своей теории у... Кнаппа, — отца современных номиналистов. Не даром в предисловии к «Финансовому капиталу» он говорит следующее:

«Предлагаемая работа в основных чертах была закончена, в сущности, уже четыре года тому назад. Внешние обстоятельства все снова отсрочивали ее завершение. Я позволил бы себе однако отметить, что главы, трактующие проблему денег, были готовы еще до появления работы Кнаппа и что в них внесены лишь несущественные изменения и критические дополнения»⁸.

Мы охотно верим, что Гильфердингу после Кнаппа не пришлось пересмотреть свою концепцию. Но мы так же как и Гильфердинг «позволим себе заметить», что честь «открытия» номинализма не принадлежит ни Гильфердингу, ни Кнаппу. У обоих имеется достаточное количество предшественников, имя им — легион. Только взглянув в «К критике политической экономии», можно узнать, что такое «номинализм» (теория «идеальной единицы денежной меры», теория денег-знаков) и как его критикуют марксисты, например... Маркс!

Но не будем оспаривать «оригинальности» теории Гильфердинга, признаем таковую и оценим ее по существу.

Сначала кажется, что в I главе «Финансового капитала» «Необходимость денег» Гильфердинг дает лишь краткое и выпуклое резюме марксовской теории сущности и необходимости денег (I и II главы 1 тома «Капитала»). Но это не так. Уже здесь мы имеем ревизию марксова учения. Деньги Гильфердинг характеризует как особенный товар, как всеобщий эквивалент, являющийся необходимой формой выражения производственных отношений товаропроизводителей. Все это конечно по Марксу. Однако Гильфердинг не разграничивает форму стоимости (меновая стоимость) и субстанцию стоимости и не развертывает диалектики товара. Это сближает его с каутскианской механистической трактовкой денег сущности денег.

Если бы Гильфердинг следовал за Марксом, то он должен был подвергнуть анализу простую форму стоимости, его эквивалентный и относительный полюсы, и тогда бы он узнал, что «простая форма стоимости данного товара есть простая форма проявления заключающегося в нем противоречия между потребительской стоимостью и

⁸ Гильфердинг. Финансовый капитал, 1922, с. XIX.

стоимостью»⁹. Но ведь мы уже знаем, что Гильфердинг вообще не признает объективного противоречия товара, а раз так, то для чего ему говорить о простой форме стоимости, в особенности о трех особенностях эквивалентной формы стоимости? Естественно, что это Гильфердинг просто опускает, равно как и богатейшее содержание II главы «Капитала» и выводит необходимость и природу денег «просто» из данного общего принципа «производственной коллективности человечества». Именно эта производственная коллективность находит в деньгах, товарном обмене, форму своей «организации», и в силу этого деньги являются необходимостью для этой «коллективности». Гильфердинг перепрыгнул через все посредствующие звенья; деньги для него являются сразу, как готовая форма организации данной производственной коллективности. Но благодаря этому исчезло самое существенное — диалектика категории товара; смазано, затушевано основное, кардинальное противоречие товарного общества, в скрытой форме заложенное в товаре, внешне проявляющееся уже в простой форме стоимости, наконец потрясающие самые основы товарного общества в кризисах.

Все это выпало у Гильфердинга, а между тем это самое основное, ибо раскрытие противоречия товара—это не способ рассмотрения самой по себе будто бы лишенной противоречия вещи, но необходимый метод, адекватный «душе предмета», основному закону его движения. «Простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного товара на другой, уже включает в себе в неразвернутой форме все главные противоречия капитализма» (Ленин)¹⁰. Именно потому, что Маркс, как отмечает Ленин, «применил диалектику Гегеля в ее развитой форме к политической экономии», он смог познать все противоречия капитализма и открыть закон движения последнего. Поэтому не случайно Гильфердинг проходит мимо простой формы стоимости, — этим он хочет в самой основе обойти противоречия капитализма, и поэтому и деньги и товар для него являются лишь формой организации производственной коллективности, но не формой, заключающей в себе противоречия потребительской стоимости и стоимости частного и общественного, конкретного и абстрактного труда, формой движения этого противоречия, его разрешения, снятия и новой постановки. И так у Гильфердинга деньги выступают не в результате разрешения противоречия товара и не как момент развития этого противоречия, но как лишенная всяких противоречий «форма организации», «социальная», а не материальная вещь. Но это, как мы знаем, вполне соответствует гильфердинговской методологии.

В I главе Гильфердинг еще не отрицает субстанциональной¹¹ трудовой стоимости денег: «деньги в качестве меры стоимости суть товар, подобный всякому другому (?), и непосредственно из самого характера общества товаропроизводителей вытекает необходимость того, чтобы деньги имели стоимость»¹¹. Но тут же Г. спешит оговориться и в сноске к этому определению мы читаем: «в дальнейшем мы

⁹ «Капитал», т. I, с. 25.

¹⁰ «IX Ленинский сборник», с. 196.

¹¹ Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 11.

узнаем, насколько это положение модифицируется современными формами бумажно-денежного обращения».

Таким образом сказав вслед за Марксом, что деньги должны обладать стоимостью (субстанциональной), Г. спешит оговориться, что бумажно-денежное обращение «модифицирует» это основное положение марксовской теории, которое прямо и необходимо вытекает из диалектического развития категории товара. У Маркса же абсолютно никакой «модификации» этого положения нет: бумажные деньги не обладают стоимостью, и именно поэтому они не деньги, но средства обращения, представители, заместители денег в процессе обращения. «Модифицировать» этот закон нельзя. Его можно принять или отвергнуть. Одно из двух: либо действительные деньги (золото) обладают субстанциональной стоимостью, либо лишены таковой. «Модификация» этого закона есть не что иное, как псевдоним его уничтожения. И Г., как это ясно из всего дальнейшего, этот закон отвергает, но свою ревизионистскую работу он пытается провести за кулисами ортодоксии, за драпировкой цитат из «Капитала».

Но проследим дальше за Г. Для обоснования сущности денег ему обязательно потребовалось наряду с Марксом привлечь также и... Маха. Г. сколачивает «блок» Маркса с Махом! Это он проделывает следующим образом.

«По Эрнсту Маху. «я» есть только тот фокус, в котором теснее сходятся бесконечные нити ощущений, составляющие своей сетью картину мира. Точно так же деньги являются узлом в сети общественных связей товаропроизводителей — в той сети, которая сплетается из бесчисленных нитей единичных актов. В то же время в деньгах общественное отношение людей сделалось вещью: таинственно блистающим предметом, который своим обманчивым блеском все еще ослепляет глаза столь многих экономистов, — если только они не предпочитают с самого начала смотреть закрытыми глазами»¹².

Вдумайтесь поглубже в «социологическое», «образно-художественное» раскрытие «души денег» Гильфердингом. Он не может не удержаться, чтобы не процитировать эмпириомониста Маха и здесь (это он делает во всех своих работах), ибо Г. в самом деле ученик Маха¹³. И именно в связи с этим смысл данного определения становится ясным. «Объективная картина мира» — это «нити ощущений», которые сходятся в фокусе моего «я». Точно так же чисто идеальные общественные отношения сплетаются из «бесчисленных нитей меновых актов», которые как в фокусе отражаются в блистающем предмете — деньгах. Но этот предмет, как и субъективные ощущения внешнего мира, лишен всяких материальных черт, не является вещью, материальной субстанцией, но есть лишь выражением чисто идеальных представлений. И именно этого, т. е. отсутствия всякой материальности в деньгах, не понимают многие экономисты, глаза которых ослеплены «таинственно блистающим предметом».

¹² Гильфердинг, Финансовый капитал, 1922, с. 12.

¹³ Вот другая замечательная махистски-«социологическая» аналогия; «Только наше созерцание дает вещам форму пространства, — как только определенные стадии общественного развития дают вещам форму денег и капитала» («Финансовый капитал», с. 57). Если даже пространство — не объективно и не материально, но субъективно и идеально, то совершенно ясно, что под общественным развитием дающим вещам форму денег и капитала, Гильфердинг понимает чисто идеальный, а не материальный процесс, т. е. развитие общественного сознания.

Итак мы узнаем, что деньги не имеют 'трудовой субстанции, ибо они лишь фокус идеальных представлений, общественных отношений. Это конечно направлено против металлистов-фетишистов. Однако под этим «художественным образом» Г. с удовольствием даст подпись любой из современных номиналистов, хотя бы Бендиксен, Эльстер, Сильвио Гезель. Но ведь эта «нематериальность» денег была «прокламирована» старейшими теоретиками «идеальной единицы денежной меры» и денег-знаков», как Бэркли, Юмом и т. д., о которых Г. может прочесть в «К критике» Маркса...¹⁴

Г. здесь кокетничает с марксовой теорией — товарного и денежного фетишизма, но только кокетничает, ибо эта теория отражается в идеалистическом, махистском, антидиалектическом зеркале. Г. лишает материальных черт, телесности, вместе с деньгами также и товар, ибо мы узнаем здесь замечательную вещь: так как противоречие между деньгами и товарами устранено, то каждый товар оказывается всегда деньгами, ибо «в качестве меновой стоимости каждый товар есть мерило стоимости, всех других товаров»¹⁵, т. е. деньги. Все едино — и товар и деньги. И все есть не что иное как идеалистический «фокус»! Все дальнейшее изложение I главы показывает, что Г. всячески стремится упрятать подалеку противоречия товара, товарного общества и капитализма, и поэтому, выпячивая (в чем Рубин его прямой последователь) свой идеалистический «социологизм», трактует деньги только как «форму организации», а не как разрешение и новую постановку (в форме капитала) противоречия товара. Отсюда деньги есть выражение «производственной коллективности» и только.

«Всеобщее рабочее время — в свою очередь, экономическое выражение производственной коллективности, а следовательно, и факт этой самой коллективности — является теперь в виде особенной вещи, особенного товара наряду со всеми остальными и кроме всех остальных товаров»¹⁶.

Но почему все же деньги выступают в действительности как товар, золото? Это потому, что общество товаропроизводителей еще не урегулировало, не организовало своих производственных отноше-

¹⁴ Между «социологизмом» Гильфердинга — Рубина, а также Штольцмана — Аммона и теорией Маркса лежит глубочайшая пропасть, а именно, в понимании того «общественного отношения», которое положено в основу своей концепции этим псевдо-социологическим направлением. Как мы показали в отношении Гильфердинга и как было доказано в итоге дискуссии в отношении Рубина, идеологии II Интернационала базируются на чисто-идеалистическом, и антидиалектическом, т. е. с самого начала очищено от имманентных противоречий, понимании того «общественного» или «производственного» отношения, которое получает вещное выражение в условиях товарного общества. Но ясно, что и это вещное выражение, которое фигурирует и у Гильфердинга и у Рубина, есть, конечно, не вещное выражение, не то «овеществление» производственных отношений, которое мы находим у Маркса. Если само «общественное отношение» лишено материальности и следовательно объективно независимо от нашего сознания существующей реальности, то как может эта так называемая «вещь», выражающая нематериальные отношения, быть действительной в вещью, например реальным денежным товаром, золотом? Золото как деньги перестает быть вещью, но становится «отблеском» чисто идеальных общественных отношений. Деньги, правда, общественное отношение (как и капитал), но выраженное обязательно в реальной стоимости, в товаре как единство потребительской стоимости и стоимости. Но Гильфердинг, как мы знаем, противоречие товара уже «разрешил» в своем сознании, превратив товар только в стоимость и лишив его потребительской стоимости. Раз так, значит дематериализованы и товар, и стоимость, и деньги. «Овеществление» оказывается фикцией.

¹⁵ Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 13.

¹⁶ Там же.

ний: по Гильфердингу из анархии товарного общества, а не из его существования вытекает необходимость материальных, а не идеальных, бес-субстанциональных денег. Что по Гильфердингу анархия производства не имманентна товарному обществу, мы покажем в дальнейшем.

«Эти действия никогда не предпринимаются с тем сознанием и с той целью, чтобы установить общественную связь: они всегда служат просто удовлетворению индивидуальных потребностей. В этом смысле можно было бы сказать, также, что необходимость обслуживания обмена деньгами, т. е. материалом, который и сам обладает стоимостью, вытекает из анархии общества, построенного на товарном производстве»¹⁷.

Продумаем это положение в свете общей концепции Г. Если из анархии товарного общества вытекает необходимость именно «материальных» денег (хотя деньги сами по себе по существу не материальны), то товарное общество, сумевшее совершенно эмансипироваться от «материальных» денег, является уже обществом не анархическим, но организованным, хотя и товарным. Так ли это? По Гильфердингу — это так, хотя для марксиста сказанное чистейший абсурд: товарное, не анархическое, организованное общество — есть *pensens*. Но Гильфердинг уже здесь в первой главе не марксист, ибо перед ним стоит нелепая из нелепейших антитез.

Металлические («полноценные») деньги — анархическое товарное общество.

Бумажные, нематериальные деньги — организованное товарное общество.

Устранив противоречия товара, товара и денег и самих денег (их форм и функций), Г. не понял, что не только металлические (субстанциональные), но и бумажные деньги присущи именно анархическому товарному обществу, что последние с необходимостью возникают и развиваются в этом последнем; он не понял того, что нет и не может быть «чистых» бумажных денег, ибо любые бумажные деньги всегда — это только знак действительных денег, а эти последние имманентны товарному обществу вообще, ибо иначе как в деньгах-товаре не может быть разрешено основное противоречие потребительской стоимости и стоимости. Этого Г. не понял, ибо он идеалист, махист, номиналист чистейшей марки. Смысл же I главы заключается в том, чтобы причесать Маркса под Беркли, Кнаппа, Маха, Штольцмана и т. д. Концепция Г. — эклектическая, представляющая собой набор разных буржуазных теорий.

Каков же итог нашего анализа I главы «Финансового капитала»? Для Г. марксизм является дымовой завесой, под защитой которой он протаскивает свои идеалистические и номиналистические идеи, взятые на прокат у буржуазных экономистов. Анархия производства не присуща товарному обществу именно потому, что товару не присущи противоречия. Материальность, трудовая субстанция не присущи деньгам; напротив деньги нематериальны, идеальны. Анархия производства — нечто внешнее для товара и денег, и из этой анархии вытекает излишняя по существу дела материальность, трудовая субстанциональность денег. Отсюда «рост» «организованности» капиталистического хозяйства должен освободить его от золотаяига и сделать возможным систему чистого бумажно-денежного обращения, тогда оно

¹⁷ Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 14.

станет организованным товарным обществом, «организованным капиталом».

Гильфердинг—австриец. Его родина—великая страна. Она первая построила систему «чистого» бумажно-денежного обращения и следовательно «урегулировала» производственные отношения, обуздала стихию денежного обращения. Об этом величайшем из чудес мы узнаем из II главы «Финансового капитала».

«Официальная» ошибка Гильфердинга, открытая Каутским во II главе «Финансового капитала», является лишь прямым выводом из тех идей, которые Г. развил в первой главе. Цель Г.—доказать возможность организованного товарного общества, возможность устранения основного противоречия капитализма в рамках самого капитализма, следовательно возможность увековечить капитализм. Средство — ревизия марксовой теории денег. Результат — ревизия всего марксизма, апология капитализма.

В I главе Гильфердинг «кокетничал», точнее прикрывался Марксом. Таким образом он хотел зарекомендовать себя перед определенным кругом читателей, который важен для «социалиста». Но во II главе он прямо начинает с антимарксистских положений, но зато опирается на... Гильфердинга (функционалиста-номиналиста) и Кнаппа. В I главе Г. говорил о деньгах как о всеобщем воплощении стоимости, следовательно деньги представлялись Г., как и Марксу, прежде всего мерой стоимости. Здесь же мы узнаем, что деньги «это прежде всего орудие обращения»¹⁸. Если деньги — это средство обращения, то в чем суть последнего? Оказывается, средства обращения выполняют чисто «технические» (sic!), «вспомогательные» (?) функции в процессе обращения.

«Но в том отношении, которое мы обозначили формулой Т—Д—Т, стоимость товара постоянно замещается стоимостью другого товара. Следовательно, выражение товарной стоимости в деньгах представляет здесь лишь мимолетный, исчезающий момент. Оно выступает здесь просто как технический вспомогательный прием, применение которого вызывает расходы; от последних необходимо по возможности избавиться»¹⁹.

Получается стройная логическая цепь. Деньги — это прежде всего средство обращения; последние для выполнения своих «подсобных», «технических» функций не нуждаются в дорогом материале, золотом мундире; это излишние расходы, от которых можно и должно освободиться. Но освобождение от этих «лишних расходов» по Г. означает не то, что по Марксу. По Марксу в форме средства обращения «функциональное существование денег поглощает так сказать их материальное существование» и только здесь в сфере внутреннего обращения «деньги могут получить внешне обособленную от их металлической субстанции и чисто функциональную форму существования». Речь идет лишь о «внешнем обособлении» денег в определенной функции и в определенных границах (внутреннее обращение).

У Г. совсем по-иному. Деньги в о б щ е эмансипируются от золота, т. е. дематериализуются, ибо а) как было показано, деньги абсолютно дематериализованы Г. в функций меры стоимости²⁰ и в общем

¹⁸ Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 16 и 57.

¹⁹ Там же.

²⁰ Идеальное проявление денег в функции меры стоимости нельзя смешивать с дематериализацией денег вообще и этой функции в частности как например в теории Гильфердинга. Именно, то обстоятельство, что «свою функцию меры

определении сущности денег, б) деньги прежде всего средства обращения, но в) для средств обращения вообще не требуется металлической субстанции. Следовательно практическая возможность дематериализации денег в форме средств обращения лишь реализует по Г. то, что присуще природе самих денег; напротив материальность денег противоречит их чисто «социальной» природе. Эта материальность, как мы знаем, вытекает из внешних дефектов товарного общества и прежде всего из неурегулированности денежного обращения. Отсюда простой вывод: урегулировать, «организовать» денежное обращение—это значит освободить деньги от металлической субстанции и осуществить то, что присуще самим деньгам. И это осуществляет государство.

«Эта общественная сторона осязательно, материально выражена в денежном материале, напр. в золотых деньгах. Но она непосредственно может быть выражена посредством сознательного общественного регулирования, а так как сознательный орган общества, построенного на товарном производстве, есть государство, то следовательно посредством государственного регулирования»²¹.

Итак здесь мы узнаем, что государство—это не орган классового господства, но «сознательный орган общества» (общества «вообще»), который призван к «сознательному регулированию» того самого товарного хозяйства, которое в первой главе «Финансового капитала» выступало как лишенное органа сознательного регулирования. Государство прямо по Штаммлеру осуществляет это регулирование, организует общественные отношения. Именно так следует понимать Г. Ведь раньше он нас уверял, что при анархии товарного общества обязательно должны существовать деньги с металлической субстанцией и поэтому «чистые» бумажные деньги в таком товарном обществе невозможны. Но коль скоро государство сознательно регулирует производственные отношения товарного общества, оно может ввести и чистую бумажно-денежную систему и если это удастся государству, значит оно в самом деле ликвидировало анархию товарного общества, организовало последнее. Итак государству — правда такому замечательному государству, которое Марксу и не снилось, — действительно удалось осуществить полностью «сознательное общественное регулирование», ввести «чистую» бумажно-денежную систему, эмансипированную от металлической субстанции. Такое замечательно сознательное государство есть родина Г. — Австрия, а затем Индия и Нидерланды. Вот почему Г. с такой старательностью разрабатывает эти принципиальной важности «новейшие опыты денежного обращения», причем эта разработка выражается в пространнейших цитатах из Гельфериха (который несмотря на свою буржуазность и свой

стоимости деньги выполняют как мысленно представляемые или идеальные деньги», «породило, — как, говорит Маркс, — самые нелепые теории денег» («Капитал», т. I, 1923, с. 63), которые были разобраны Марксом в «Критике». И вслед за приведенной цитатой Маркс указывает, что «хотя для отправления своей функции как меры стоимостей служат лишь мысленно представленные деньги, тем не менее цены товаров всецело зависят от реального денежного материала». Это прямо бьет по теории Гильфердинга, по которой материя не присуща деньгам, ибо они только общественное отношение, а не вещь, не «реальный денежный материал». Таким образом мы без колебаний можем отнести гильфердинговский метод дефетипизации золота к той группе «нелепых теорий денег», о которых Маркс подробно говорит в «Критике».

²¹ Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 18.

функционализм-номинализм по мнению Г. до конца понял значение этих «опытов») и Шпицмюллера, больше ни в чем ином.

Мы не можем останавливаться на этом опыте «блокированной» чеканки и восстанавливать скучное и пространное изложение этого опыта с «комментариями» Гильфердинга, Гельфериха и Шпицмюллера. Скажем лишь, что только номиналист мог ухватиться за эти «опыты» как за якорь спасения. В этих опытах нет ничего такого, что требовало не то что поправок, но даже каких-либо дополнений к марксовой теории денег. Маркс указал, как и почему разменные монеты превышают стоимость заключенного в них металла. Металл здесь также приобретает дополнительную, вытекающую из его функционального существования стоимость (представительную), как бумажные деньги вообще приобретают чисто функциональную стоимость в силу того же обстоятельства. «Блокированная чеканка» существовала и при Марксе и до Маркса, но она распространялась лишь на определенный металл и определенный вид денег. Медный пятак обладает такой же дополнительной стоимостью, какой обладали дорогие сердцу Г. австрийские гульдены и индийские рупии. Где тут загадка? Что тут нового для марксовой теории денег?

«Новое» здесь есть только для Г., который в гульдене и рупии открыл наконец свои чисто идеальные, эмансипированные от металлической субстанции деньги. Гульден и рупия как и медный царский пятак были не чем иным, как представителями золота, фактически разменивались на последнее и именно в силу этого приобрели устойчивый курс. Познакомьтесь с фактической стороны дела хотя бы по «Австро-венгерскому банку» Сталина и вы увидите, что так было на самом деле. В материалах, характеризующих этот период в денежном обращении Австро-Венгрии, вы не найдете ничего похожего на полную эмансипацию гульдена от золота: напротив, вы узнаете, что золото и только золото было марилом стоимости, и не только теоретически или формально-юридически, но практически золото было действительным фундаментом для обращения гульденов: австрийская система была системой «Goldkernwährung».

Для нас совершенно ясно, что свою ошибку (возможность «чистых» бумажных денег) Г. совершил потому, что уже в самом начале «исследования» денег он исходил из готовой формы бумажных денег и свое общее идеалистическое определение сущности денег в I главе он дал потому, что для него действительным исходным пунктом анализа был не товар и его противоречия в реальном движении, но взятая с поверхности, застывшая, окаменевшая благодаря идеалистическому методу в сознании Г. форма бумажных денег и металлических монет при закрытой чеканке. Эта форма была просто выхвачена из всего многообразия форм проявления денег в различных функциях и возведена в абсолют, в истину, всеобщий закон денег, а следовательно в основной закон товарного общества. Это типичный путь номиналиста. Поэтому критиковать эти общие взгляды Г. — это значит критиковать номинализм, что не входит в нашу задачу. Мы обратимся поэтому к специфическим моментам гильфердинговского номинализма и идеализма.

Теоретически Г. конструирует чистую бумажно-денежную систему в «замкнутом торговом государстве», которая совершенно тождественна системе «klassische Geldschöpfung», «классическим деньгам» номиналиста Бендиксена.

В этой «абстракции» погашены основные противоречия товарного общества, и отсюда грош цена этой абстракции, равно как и другой абстракции Г. в том же «Финансовом капитале» — абстракции единого треста, «организованного капитализма». Но свою абстракцию замкнутого торгового государства Гильфердинг оказывается строит как будто только для того, чтобы сказать, что «в действительности такая бумажно-денежная система невозможна»²² (по Каутскому это называется «академические причуды!») Но почему она невозможна? Потому ли, что в этой абстракции Г. абстрагируется от самых основных элементов капитализма? Отнюдь нет, только потому, что нет никаких гарантий в том, что государство будет действовать согласно указаниям Г. относительно «сознательного урегулирования» общественных отношений: «чистая бумажно-денежная система разбивается на практике о то обстоятельство, что здесь невозможна была бы никакая гарантия, что количество бумажных денег государство не будет увеличивать»²³.

И лишь в качестве побочного момента Г. указывает, что деньги также нужны и как средство сбережения, для чего требуется золото. Но этот второй момент с точки зрения теории Г. должен быть исключен. Если вообще возможны «чистые» бумажные деньги, то, предполагая добросовестность государства, эти деньги будут по Г. действительными и вполне устойчивыми деньгами, а раз так, то что же помешает этим деньгам быть средством сбережения? Эти деньги и могут и должны быть орудием сбережения (по Марксу — сокровищем), ибо золото в абстракции Г. перестает быть деньгами, из всеобщего становится простым рядовым товаром. Поэтому «чистая бумажно-денежная система» и теоретически и практически по Г. вполне возможна в том случае, если допустим гильфердинговская партия сумеет добиться от правительства гарантий от чрезвычайного выпуска денег. А раз так, значит и практически вполне возможно «сознательное урегулирование» производственных отношений товарного общества.

Если бумажные деньги суть подлинные, действительные деньги, совершенно эмансипированные от металлической субстанции, совершенно потерявшие всякую связь со своим пра-прадедом — золотым товаром, если благодаря этому «вещное выражение общественного отношения заменяется сознательно-регулируемым общественным отношением», то значит исчез совершенно товарный фетишизм, ибо его объективная основа заключена именно в этом «вещном выражении общественного отношения». Это значит, что цены, а следовательно и прибыль, регулируются не стихийно, но сознательно, волей правительства, а именно количеством выпущенных бумажных денег; это значит, что «сознательное регулирование» должно быть расшифровано как сознательная организация общественных отношений, как полное уничтожение противоречия между частным и общественным трудом, как общественная

²² Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 43.

²³ Там же, с. 44.

организация производства через организацию денежного обращения, как «рациональная денежная система», которую высмеял еще Маркс; это все значит, что благодаря государственному регулированию через посредство бумажных денег капитализм из анархической системы становится сознательно организованной системой, «организованным капитализмом». Таким образом в «Финансовом капитале» правда в неразвитой форме мы имеем основные элементы теории «организованного капитализма». Они налицо и в теории денег и в абстракции Г. о едином всеобъемлющем тресте. Во всех своих дальнейших работах Г. лишь развил эти основные элементы своей ревизионистской теории «организованного капитализма». Но куда уходит своими корнями эта ревизия марксовой экономической теории мы показали выше: в махизм, в кантианство, в идеализм. Куда она приводит? Ко II Интернационалу, к социал-фашизму...

На этом мы и заканчиваем анализ теории денег в «Финансовом капитале». Как же, скажут нам, а все то, что так «талантливо» раскрыто Каутским, а манипуляции Г. с марксовыми формулами, а «порочные круги», а количественная теория денег? Все это, конечно, есть у Г., но все это играет в т о р о с т е п е н н у ю р о л ь, в сравнении с тем основным лейтмотивом теории Г., который здесь нами вскрыт. Совершив ревизию Маркса в основном, в учении о товаре, стоимости и сущности денег, лишив капитализм и товарное общество имманентно присущих ему противоречий, отменив основные законы капитализма, Г. не мог не манипулировать с марксовой формулой количества денег, не мог не противоречить самому себе, поскольку он все время маскируется Марксом, не мог не стать на позиции вульгарной количественной теории денег. Все это атрибуты, правда весьма любопытные и интересные для критики, но только атрибуты той сущности, которая нами выявлена; поскольку же эти атрибуты изложены у Каутского, мы не считаем нужным задерживать на них внимание читателей.

На ревизии методологических основ марксизма — диалектического материализма, на ревизии марксова учения о товаре, стоимости, сущности денег и всей теории обращения базируется ревизия и всех других важнейших элементов марксова экономического учения, анализируемых Гильфердингом в «Финансовом капитале». В нашу задачу, однако, не входит разбор всех элементов концепции Гильфердинга (это благодарная и крайне необходимая тема для специальной большой работы), и поэтому здесь мы ограничимся лишь некоторыми моментами для того, чтобы показать, почему мы имеем основания квалифицировать «ошибки» Гильфердинга не просто как ошибки, но как элементы развернутой ревизионистской системы.

Теоретической базой «Финансового капитала» наряду с теорией денег является также теория кредита. Но теория кредита Гильфердинга неразрывно связана с его теорией денег, и в нашем журнале т. Рейхардт вполне доказал, что Гильфердинг «не развил из теории денег теорию кредита, а свел ее к теории денег»²⁴. Сущность кредита он свел к кредитным отношениям в рамках простого товарного хозяйства, к превращению функций средства обращения в функцию платежного средства. Он не анализирует категории ссудного капитала, и поэтому

²⁴ Рейхардт, Теория кредита Маркса и ее упразднение Гильфердингом, «Проблемы экономики», № 10, 1930, с. 79.

процент выступает не как иррациональная форма цены ссудного капитала, но просто как цена денег. Далее, новое учение о формах кредита, изобретенное Гильфердингом в отличие от марксова учения о коммерческом и банковском кредите, также без остатка сводится к его учению о деньгах. «Оборотный» кредит Гильфердинга заключается в создании кредитных денег в процессе обращения, а «капитальный кредит не может сделать ничего иного, как только необращающиеся деньги бросить в обращение»²⁶. Итак, и сущность кредита, и сущность процента, и все формы кредита сводятся к некоторым особенностям процесса обращения денег.

Но т. Рейхардт, констатируя «лишь слабость его (Гильфердинга) теории, заставляющей искать фактам надуманное объяснение»²⁶, не задается вопросом, откуда эта «слабость теории» у Гильфердинга, который все же является теоретической силой и основательно знаком с Марксом (ведь соединение этих обоих моментов делает особенно опасным его ревизионизм). Не является ли эта «слабость» одновременной «силой» Гильфердинга как ревизиониста? Не потому ли он свел без остатка всю теорию кредита к теории денег, что эта последняя уже сведена к дефитишизации общественных отношений, к их сознательному государственному регулированию? Не подлежит сомнению, что это именно так.

Если кредит полностью сводится к движению денег, а этим последним сознательно управляет государство, то не ясно ли отсюда, что государство тем самым может при известных условиях сознательно управлять кредитом, а через кредит осуществлять сознательную организацию всей капиталистической экономики? Таким образом «ошибка» Гильфердинга в теории кредита того же самого качества, что и «ошибка» в теории денег: в этом сказываются не «академические причуды» Гильфердинга (Каутский) и не слабость его теории (Рейхардт), но стремление доказать, что противоречия (товара, денег и товара, кредита, общественного и частного труда) не имманентны капитализму и что, следовательно, в самом капитализме заложены возможности для сознательного его регулирования, для дефитишизации производственных отношений при сохранении капиталистической формы общественного производства. Вот для чего в действительности потребовалось Гильфердингу «искать фактам надуманное объяснение» и «упразднить», как выражается Рейхардт, теорию кредита Маркса, ибо ясно, что на основе этой последней никак невозможно доказать то, что необходимо Гильфердингу.

Равным образом и «опровержение» Гильфердингом марксова учения о тенденции нормы процента к понижению скрывает за собой те же ревизионистские основы. За недостатком места мы не имеем возможности останавливаться на тех сверхнелепостях, которые Гильфердинг развивает в своей антимарксистской контраргументации по этому вопросу. Скажем лишь, что, ограничивая предложение ссудного капитала «количественно-определенной суммой денег», приходя к выводу, что марксово учение в этом вопросе несостоятельно потому, что тенденция нормы процента будто бы необходимо предполагает более быстрый рост золотых запасов банков, чем рост спроса на ссудный капитал, Гильфердинг просто-напросто выбрасывает за

²⁶ Гильфердинг, Финансовый капитал с. 113.

²⁶ «Проблемы экономики» № 10, 1930.

борт все учение Маркса о предложении действительного и судного капитала, и критику вульгарного учения о том, что норма процента определяется количеством денег. Но то, что Гильфердинг швыряет за борт ценнейшие места марксова «Капитала», для нас не ново: если Гильфердинг уже выбросил за борт все марксово учение о противоречии товара, о стоимости денег и т. д. вместе с диалектическим материализмом, то стоит ли церемониться с такими частностями, как учение Маркса о тенденции нормы процента к понижению? Почему бы и здесь Гильфердингу не воскресить кое-какие вульгарные теории и, «опровергая» Маркса, говорить сверхнелепости и «искать фактам (а падение нормы процента есть очевидный из очевидных фактов — 3. А.) надуманное объяснение?»

Но почему Гильфердинг открыл свою новую тенденцию нормы процента? Не потому ли, что и движение процента сведено без остатка к тем закономерностям денежного обращения, которые как следует познаны одним лишь Гильфердингом и никем иным? Но, может быть, и это тоже «академические причуды», как и все остальное? Нет, это также необходимый элемент гильфердинговской ревизионистской системы, пронизанной единой целеустремленностью, которую Гильфердинг проводит с чрезвычайной настойчивостью и последовательностью. Ведь своим учением о тенденции нормы процента он хочет доказать, опять-таки исходя из Маркса (!), что банки парализуют объективную тенденцию снижения нормы процента, что они стабилизируют процент, а стабилизация процента является одним из необходимых моментов стабилизации капитализма. Более того: сознательно управляя деньгами и кредитом, государство или центральные банки, при известных условиях, могут сознательно управлять и процентом, а это также необходимо для того, чтобы доказать пока что «теоретическую» возможность дефетишизации общественных отношений, т. е. организованного капитализма, что и сделано Гильфердингом в настоящее время, но уже не «абстрактно», а вполне конкретно — в социал-демократических резолюциях.

* * *

Маскарад окончен. В «Финансовом капитале» нам приходилось срывать маску с подлинного Г. В статье «Деньги и товар» Г. сам снимает с себя маску и полностью раскрывает свое истинное лицо ревизиониста, апологета капитализма. Только теперь Каутский счел необходимым заговорить о «серьезном значении» ошибки Г. Теперь, когда Г. разоблачился! Но Г. прямо говорит, что в этой статье он опирается на свою теорию бумажных денег, развинутой им в «Финансовом капитале».

В «Финансовом капитале» он сам вставил маленькую рогатку в свою концепцию «сознательно урегулированных общественных отношений». Дело в том, что та форма, которая дает возможность осуществить это «регулирование» — бумажные деньги, весьма несовершенна, ибо «практически» из-за отсутствия правительственных гарантий невозможна идеально, по Гильфердингу — Бендиксену, функционирующая бумажно-денежная система. Но Гильфердингу не терпится. Г. не хочет ждать того счастливого момента, когда он станет министром финансов и сможет осуществить на практике свою систему. Г. желает осуществления своей системы теперь же, немедленно, без всяких правительственных гарантий и даже без...

бумажно-денежной системы. На сей раз к услугам Гильфердинга не австрийское правительство, но все вообще центральные эмиссионные банки всех капиталистических стран. Г. в «Финансовом капитале» проглядел их сознательно-регулятивные функции в отношении всей капиталистической экономики в целом, и теперь он исправляет свою ошибку.

Новые принципы деятельности центральных эмиссионных банков и в связи с этим новая роль банков заставили пересмотреть Г. свою прежнюю теорию. Эти банки в эпоху финансового капитала осуществили чудесный из чудеснейших социальных экспериментов. Они, правда, сохранили золото и золотую валюту и следовательно как будто все оставили попрежнему «по вещному», но в действительности это не так: они сумели золото-товар, трудовую стоимость превратить в золото не золото, в товар без субстанции, в стоимость без труда. Они, великие социальные алхимики, превратили золото, настоящее звонкое, желтое золото в знак, в символ, в фокус гильфердинговских ощущений, в чисто идеальное воплощение общественных отношений «производительной коллективности человечества». Чудовищно, фантастично, более фантастично, чем «Гиперболоид инженера Гарина», но это так²⁷. Это не фантазия, но действительность. Как же эту действительную, а фактически — апологетическую, фанатазию обосновывает Г.? «Обоснование» на редкость убогое. Вот оно.

«При ограниченном металлическом обращении и обращении чисто бумажном количество денег есть величина данная — независимо от стоимости обращения; стоимость же этого количества определяется суммой товарных стоимостей, находящихся в обращении. Напротив, при золотом обращении данной независимой от стоимости обращения величиной является собственная внутренняя стоимость золота, а количество определяется стоимостью обращения.

Но когда возникают могущественные центральные эмиссионные банки, тогда создается механизм, необходимый для вливания в обращение нужного золота или выбрасывания из него золота ненужного. Эмиссионные банки принимают все предлагаемое золото. Стало быть, спрос не ограничен»²⁸.

Самое, конечно, важное, здесь—это знаменательное «но». Однако мы спросим, что же вытекает из этого «но»? Значение этого «но» выясняется из дальнейшего. Оказывается эмиссионные банки—эти подлинники рыцари общественного регулирования — берут и прячут в своих кладовых, как в бездонных бочках, все приносимое им золото. Благодаря этому они стабилизируют стоимость золота, придают ему устойчивую «фиксированную цену» (как в полном согласии с буржуазными экономистами и в полном противоречии с Марксом выражается Г.). Это так, ибо «для того, чтобы могло произойти изменение в стоимости золота, это последнее должно было бы постоянно пребывать в обращении» («Умри, Денис, лучше не скажешь!»), но этого нет, ибо золото спокойно лежит в кладовых, а эмиссионные банки повидимому терпят миллиардные убытки от этой

²⁷ «Гиперболоид инженера Гарина» — интересный утопический роман Алексея Толстого. Гарин открыл способ извлечения жидкого золота, находящегося согласно его гипотезе, в глубинных пластах земли. Отсюда величайшая революция цен и длинная эпопея социальных пертурбаций.

²⁸ «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма», 1923, с. 26.

«непродуктивной» части своего актива. А раз так, значит новое производство золота никогда и ни в каком случае не может повлиять на уровень цен (хотя бы трудовая стоимость золота упала в 5, 10, 100 раз!), и таким образом подчеркивает свой вывод Г., «меновое отношение золотых монет к товарам, постоянно остается таким же, каким оно было в начале процесса»²⁹.

Если же эмиссионные банки пресытятся золотом, то они могут прекратить прием золота, но это ничего не изменит в гильфердинговской системе: золото вне монетной формы вступить в обращение не может.

«Так как они регулируют самое обращение и теперь так же, как они регулировали его до сих пор, и так как, далее, они принимают все золотые монеты, выпадающие из сферы обращения, и, наоборот, выбрасывают в обращение, по мере надобности, необходимое ему количество монет, то меновая стоимость (Tauschverhältniss) золотой монеты не изменится»³⁰.

Итак Г. предусмотрел все возможности: и прием золота банками, и прекращение этого приема. Следовательно, как бы ни заблагорассудилось поступать банкам, в обоих случаях вывод один: благодаря сознательному регулированию обращения этими банками золото получает «фиксированную цену», независимую от его трудовой стоимости, «меновое отношение золота и товаров» всегда остается прежним.

Фиксирование цены, подчеркивает Г., заключается не в том, что «фунт золота приравнивается 1 395 маркам», но в указанной уже выше стабилизации менового отношения золотой монеты товаров. Что сие значит? Не больше, не меньше как то, что закон трудовой стоимости отныне больше не управляет стоимостью золота, ибо его «цена», «стоимость в обращении» фиксирована на веки вечные. Этот скачок от трудовой теории стоимости к теории спроса-предложения (с акцентом на монополию, и именно банковскую монополию) не может отрицать и сам Г., ибо, как-никак, хотя бы в идеалистической интерпретации, но трудовую теорию он до сих пор признавал. Но Г. не догматик, а смелый новатор: полет его творческого гения разрывает всякие догматические оковы, всякие предрассудки марксистской ортодоксии. Впрочем официально и открыто распрощавшись с Марксом, Г. делает это по-джентльменски, избегая сильных выражений.

«Что непосредственное действие закона стоимости не распространяется на золото как деньги, что этот закон определяет курс денег не прямо, а лишь через посредство общественной стоимости обращения, — в этом обстоятельстве — как бы ни казалось оно на первый взгляд парадоксальным — в сущности нет ничего удивительного.

Для осуществления закона стоимости необходима полная хозяйственная свобода. Но она модифицируется деятельностью центральных эмиссионных банков для менового соотношения между деньгами и товарами»³¹.

Вместо диалектического метода Г. здесь пользуется «методом парадоксов», или перефразируя, скажем «парадоксальным методом». Ибо, в самом деле, разве не «парадоксально» говорить о «модификации закона стоимости» в то время, как закон просто и целиком

²⁹ Гильфердинг, «Финансовый капитал», 1922, с. 26.

³⁰ «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма», 1923, с. 27.

³¹ Там же, с. 28.

от м е н е н. Впервые мы слышим о «модификации», уничтожающей совершенно «модифицируемый» объект!

Итак, закон стоимости полностью и окончательно уничтожен по отношению к золоту «модифицирующей» деятельностью эмиссионных банков, которая своими «сознательными», общественно-регулятивными функциями связывает хозяйственную свободу, т. е. произвол частных лиц, анархию производства. Но не означает ли отмена действия закона стоимости по отношению к золоту полной отмены закона стоимости для капитализма вообще? Это так и иначе быть не может, хотя сие и умалчивается Г. Это прямо вытекает даже из гильфердинговского понимания функции мерила стоимости в «Финансовом капитале». Трудовая стоимость товаров теперь, после стабилизации, не может получить адекватное выражение в трудовой стоимости золота. А трудовая стоимость вне определенного выражения в трудовой стоимости эквивалента не есть трудовая стоимость. Товар, лишь заключающий в себе потенциальную трудовую стоимость, но не выражающий ее в равенстве с эквивалентом, не есть товар. Это вещь, но не товар. Это—вещь с определенными, центральными банками, фиксированным, общественным выражением в чистых номинальных золотых единицах. Это идеалистический «фокус» Г., но уже не товар. Это потребительская стоимость с фиксированным общественным ярлычком, но не товар, не единство стоимости и потребительской стоимости. Итак «модификация» Г. заключается в отмене закона трудовой стоимости по отношению к деньгам, товарам, в отмене и денег и товаров, в превращении товарного общества в организованную хозяйственную систему, сознательно регулируемую центральными банками. Если особенно всеобщий товар лишен трудовой субстанции, то стоит ли сомневаться, что и простая товарная чернь, само собой, отделилась, эмансипировалась от этой субстанции и испарилась в гильфердинговски-маховских «ощущениях»!

Все это лишь необходимые логические выводы из теории Г., эти выводы приводят к явному абсурду—к аннулированию товарного общества. Зафиксировав «цену золота», придав деньгам «назначенную», сознательно-регулируемую стоимость, руками и ногами увязнув в вульгарнейшей номиналистической и количественной теории (но прав. Г., говоря, что «изложенное в настоящей статье представляет собой лишь выводы из законов, развитых в «Финансовом капитале»!), Г. освободил себя от связывающих его в «Финансовом капитале» оков «марксистской догмы».

И наш новатор в экономической науке открывает такую истину, которая упрямыми фактами уже давно сдана в архив заблуждений буржуазной науки. Мы говорим о биметаллизме.

«Если регулирование эмиссионных банков делает неизменным меновое соотношение (*Austauschverhältniss*) между золотом и товарной массой, то подобное регулирование, естественно, должно было бы действовать таким же образом и при серебре. А раз мы имели бы дело с такими двумя величинами, каждая из которых неизменна, то оставалось бы неизменным и соотношение между золотом и серебром. И таким образом вполне может быть теоретически доказана возможность биметаллизма»³².

³² «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма», 1923, с. 28.

Это после того, как Маркс дал уничтожающую критику биметаллизма; это после того, как «Латинский монетный союз», пытавшийся осуществить эту квази-номиналистическую идею в интернациональном масштабе, взлетает на воздух, и одна за другой страны этого «Союза» поспешили обзавестись золотым монометаллизмом; это после того, как пропаганда биметаллизма Мак-Кинлеем встретила холодный прием и скептические улыбки всех правительственных мужей Европы, всех руководителей центральных банков. И Гильфердинг выступает с этим истрепанным идейным хламом, правда «рассуждая чисто теоретически», только потому, что он «тонкий знаток современного капитализма», только потому, что он хочет доказать, будто нынешние центральные банки всемогущи и поэтому могут осуществить любые причуды Г., реализовать то, что противоречит природе денег, ибо, как отмечено еще Марксом, «двойственность меры стоимости противоречит ее функции»³³, а «весь исторический опыт в этой области сводится просто к тому, что везде, где закон закрепляет за двумя товарами функцию меры стоимости, фактически всегда лишь один из них удерживает за собой эту функцию»³⁴.

Но что Г. до всего этого! Ведь меры стоимости, ведь стоимости вообще в марксистском ее понимании не существует, существует лишь номинальная, идеальная чисто общественная, «сознательно регулируемая» и «фиксируемая» стоимость, а раз центральному банку захочется, то он может зафиксировать одну, две, три, десять «мер стоимостей» для товаров; товаропроизводители не посмеют пикнуть, ибо власть этих банков неограничена: они обуздали стихию, «хозяйственную свободу», они ликвидировали анархию, они построили «организованный капитализм»! Гильфердинг предпочел Марксу Кнаппа, Гельфериха, Лексиса и Нассе (на последних двух он опирается в этой статье, на первых двух, — в «Финансовом капитале») и наряду со всеми буржуазными коллегами он обречен «теоретически» блуждать в потемках современного капитализма. Не маховски-идеальная, но реальная осязательная, конкретная действительность разбивает вдребезги его теоретические потуги.

Итак то новое, что Г. усматривает в денежном обращении эпохи финансового капитала, заключается в том, что центральные банки пускают в обращение ровно столько золотых монет, сколько нужно согласно его формуле «общественно-необходимой стоимости обращения», которую он вывел, «опираясь» на Маркса. Но Г. помнит все же марксову теорию обращения: он не может не знать, что «резервуары, в которых деньги накапливаются как сокровище, служат в то же время отводными и приводными каналами для находящихся в обращении денег; благодаря этому последние никогда не переполняют обращения»³⁵. Следовательно то действительное (не гильфердинговское) регулирование, которое «сознательно» проводят банки, совершенно бессознательно, совершенно автоматически выполняет всякое сокровище — будь то банковское или частио-купеческое сокровище.

«Против сказанного можно было бы выдвинуть лишь одно возражение, которое на первый взгляд кажется имеющим большой вес:

³³ «Капитал», т. I, с. 64.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. с. 103.

еще до организации центральных эмиссионных банков или, говоря более обще, еще до государственного регулирования неограниченного приема всего золота, имевшегося на рынке, — золото текло в обращение, превращаясь из сокровища в орудие обращения и платежное средство, и вновь уплывало из обращения, вновь превращалось из средства обращения и платежа в сокровище; возникает поэтому вопрос — не имело ли подобное накопление сокровищ того же значения для фиксирования меновой соотношения золота и товарной массы, какое имеет ныне государственное регулирование обращения?

Но при подобной аргументации не замечают одного чрезвычайно существенного обстоятельства, а именно, что накопление сокровищ частными лицами подчиняется совершенно иным законам, нежели накопление сокровищ эмиссионными банками.

Банковские запасы предназначены непосредственно для выполнения функций резерва обращения; эмиссионному банку приходится немедленно удовлетворять потребность обращения, где бы таковая ни обнаружила себя. Поступать так — это обязанность эмиссионного банка; иначе поступать эмиссионный банк и не может по самому существу своих (эмиссионных) операций. Совершенно иначе обстоит дело при отсутствии подобного регулирования. Возникновение потребности обращения, повышения стоимости золота при обмене его на товары не служит основанием для частных лиц выбрасывать деньги в обращение»³⁶.

Откуда получается это «совершенно иначе» в результате «регулирования»? На чем основана эта ревизия марксова учения о сокровище и обращении? Она вытекает из полной капитуляции Г. перед количественной теорией. Г. пускает в обращение товары без цены, а золото без стоимости и, обменивая эту товарную кашу на золотую гору, получает «повышение стоимости золота при обмене на товары», которое «не служит основанием для частных лиц выбрасывать деньги (из сокровища — З. А.) в обращение». Что это именно так, что у него установление стоимости золота и цен товаров происходит в точности по Юму—Рикардо, по этой «нелепой гипотезе», показывают многочисленные высказывания Г. на сей счет. Приведем несколько определений, где эту свою вновь изобретенную количественную теорию Г. отчетливо формулирует: «Для того, чтобы могло произойти изменение в стоимости золота, это последнее должно было бы постоянно находиться в обращении»³⁷; «менная стоимость все заново и заново устанавливалась тогда при помощи действительного непосредственного противопоставления золота и товара в обращении» и т. д. Значит золото — стоимость, а товары — цену получают в обращении и только в обращении. Это по отношению к промышленному капитализму, законы, которые Г., как видим, усвоил также хорошо, как «особые законы» монополистического капитализма.

Для того чтобы обосновать «новые» законы денежного обращения Г., как видим, пришлось пересмотреть теорию стоимости и обращения Маркса также по отношению к эпохе промышленного капитализма. Он отменяет закон трудовой стоимости и покоящуюся на нем антиколичественную, антирикардианскую теорию обращения Маркса, ибо он утверждает, что «стоимость золота действительно подвергалась тогда (при промыш-

³⁶ «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма», 1923, с. 29—30.

³⁷ Там же, с. 30.

ленном капитализме «З. А.) колебаниям, проистекавшим, с одной стороны, от постоянных изменений в области самого обращения, а с другой, вследствие изменений в издержках производства золота». «С одной стороны», с «другой стороны» одна из которых «издержки³⁸ производства» (не трудовая стоимость, но издержки), а «другая», и при том первая сторона, это «постоянные изменения в области самого обращения». Г. — подлинный Рикардо, но увы, не Рекардо — теоретик трудовой стоимости, но Рикардо — количественник, которого Маркс жестоко бил за то, что он сдал свою позицию в теории трудовой стоимости перед вульгарными количественниками, за то, что он оказался Юмом в теории денег. Как и у Рикардо-количественника, в «оригинальной» теории Г. золото имеет не одну, но две стоимости: как таковую, трудовую и еще другую в обращении или, как выражается Г., вследствие «постоянных изменений в области самого обращения». Реальное же значение имеет золото не на рудниках или на рудниках, но в обращении, где оно «претерпевает постоянные изменения», и следовательно именно эта постоянно-изменяющаяся стоимость в процессе самого обращения и есть та стоимость, которая служит мерилем стоимости, та стоимость, которую только и нужно брать в расчет.

Таким образом трудовая стоимость золота имеет некое потустороннее существование, а в обращении имеется постоянно другая, реальная, фактическая, не теоретическая стоимость золота. Итак, золото приобретает стоимость в обращении. Юм воскрес! Но чего стоят юмовская и рикардовская концепции — теоретически и практически — перед лицом фактов (вспомним Твк!), говорить не будем: разверните «К критике» Маркса и там найдете разъяснение.

Итак, вся контраргументация Г., попытка обосновать особую регулируемую роль банков, просто базируется на вульгарнейшей количественной теории, на непонимании стоимости, сущности денег, их форм и роли сокровища и механизма регулирования обращения. Подменяя Маркса Юмом (и здесь уже Г. не говорит о «поправках», «окольных путях» — для него целесообразнее не отмечать «пунктики» расхождения с Марксом), Г. может, конечно, установить «особые» закономерности обращения в эпоху финансового капитализма.

Но в чем в конце концов это «регулирование» центральных банков выражается? Если оно только в том, что эмиссионные банки пускают в обращение столько золотых монет, сколько требуется по марксовой (не исправленной Г.) формуле, тогда никакого «особого» регулирования нет: они только приспособляются к потребностям обращения, только то и делают, что не мешают стихийно происходящему процессу капиталистического воспроизводства. А если так, то следовательно никакой «особой» роли банков нет: происходит также процесс прилива и отлива денег в сокровища так, как это всегда происходило и происходит при золотой валюте. Если сказать, что эта «особая роль» заключается в том, что этот прилив и отлив золота идет по одному или нескольким каналам, т. е. через эмиссионные банки, следовательно централизуется движение золота, то тогда отпадает вся гильфердинговская концепция сознательного регулирования обще-

³⁸ «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма», 1923, с. 30.

ственных отношений, фиксирование «цены золота», стабилизации цен, дефетишизации производственных отношений etc. Так понимать Г. нельзя! Это будет вульгаризация и без того вульгарной теории.

Каутский говорит:

«Гильфердинг доказывает таким образом больше того, что он хотел доказать. Он хочет убедить, что при указанных обстоятельствах стоимость золота не изменяется. Но меновое отношение золотых монет к товарам является не стоимостью товаров, но их ценой. Если бы Гильфердинг был прав, то товарные цены были бы неизменны»³⁹.

Г. отнюдь не доказывает больше того, что он хотел доказать. Еще в «Финансовом капитале» Г. стремился протащить идейку «дефетишизации» производственных отношений, которая прежде всего и должна заключаться в сознательном, централизованном регулировании (через денежное обращение) товарных цен. Но там для него «чудесным камнем» алхимика, превращающим анархическое товарное общество в организованное, были бумажные деньги, здесь — центральные эмиссионные банки. И хотя все доказательства этой «идейки» несостоятельны, мало того — убоги, ибо Г. просто совершает плагиат у буржуазных теоретиков, однако, Г. доказывает именно то, что он хочет доказать. Но это настолько нелепо, что Каутский в свое время не хотел этому верить.

То, что в этой статье Г. стремился доказать то же самое, что и в «Финансовом капитале» (а мы показали, какова была его установка там), видно из того, что «существо современного денежного обращения (т. е. сознательно регулируемое центральными эмиссионными банками — З. А.) быть может лучше всего вырисовывается, если мы сравним его с чисто бумажным обращением»⁴⁰, и дальше следует простанная цитата из «Финансового капитала» с абстрактным «замкнутым торговым государством», и заканчивающаяся следующими словами: «следовательно стоимость таких бумажных денег представляла бы величину постоянную». Итак, та абстракция, которая в «Финансовом капитале» признавалась практически неосуществимой, «ввиду отсутствия правительственных гарантий», теперь оказывается абсолютной реальностью (и независимо от всяких гарантий), ибо эта абстракция есть «современное денежное обращение! Следовательно современные действительные, золотые деньги есть не что иное по своему существу как бумажные деньги, след. современное государство есть торговое государство, в котором не действует закон трудовой стоимости, и которое сознательно регулируется центральным органом. И если Г. в заключение своей статьи говорит, что эта регулирующая деятельность банков «обуславливает существующую в действительности стабилизацию меновой стоимости золотой монеты, а стало быть и золота в слитках, поскольку превращение золота в монету гарантировано государством» (разрядка — З. А.), то эту стабилизацию меновой стоимости нужно понимать именно как стабилизацию товарных цен, стабилизацию конъюнктуры вообще, отмену цикличности капитализма.

³⁹ «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма», 1923, с. 58.

⁴⁰ Там же, с. 33.

Если далее «вследствие этого, со времени повсеместного введения золотой валюты, мы имеем в действительности устойчивое мерило стоимости, которое долго искали экономисты и которого они до сих пор не познали, несмотря на то, что оно давно уже является фактом действительности»⁴¹, то это устойчивое мерило стоимости нужно понимать как постоянное, неизменное мерило стоимости, ибо стоимость бумажных денег в «абстрактном замкнутом торговом государстве», которое и есть современное капиталистическое государство, «представляла бы величину постоянную, а так как бумажные деньги отличаются по Г. лишь по форме, а не по существу от современных золотых монет, то следовательно эти последние являются постоянным, неизменным и сознательно фиксируемым государством мерилом стоимости.

Если, наконец, современное капиталистическое общество есть реализация гильфердинговской абстракции урегулированного замкнутого торгового государства с чистой бумажно-денежной системой, а эта последняя, как показала, полностью дефетишизирует производственные отношения, если она есть отрицание анархии товарного общества, то следовательно современный капитализм, несмотря на золотую валюту, перестал быть «производительной коллективностью человечества» анархического типа, превратился в «организованную» коллективность, сознательно и централизованно регулируемую через аппарат эмиссионных банков. Из идеалистически-номиналистического яичка вылупился желтенький, как II Интернационал, цыпленок «организованного капитализма»!

Этой статьей Г. теоретически «обосновал» предпосылки организованного капитализма. Мы проследили в основном от начала до конца «ариаднину нить» гильфердинговской ревизионистской концепции, которая завершена в новейших статьях Г., начиная с 1924 г. Цитировать их мы не будем, ибо классические оппортунистические формулировки Г. находятся в широком обращении у нас, во всех статьях и речах, посвященных критике «организованного капитализма». Г. по справедливости считается творцом и «классиком» социал-фашистской теории «организованного капитализма», которая, как мы показали, не упала с неба, но разрабатывалась Гильфердингом в его теоретических работах. Эти последние должны быть подвергнуты основательному критическому анализу, ибо нужно помнить одну глубоко-правильную фразу, которую однажды бросил сам Гильфердинг: «Из всех врагов социализма — опаснейшие несомненно те, которые наиболее вкусили от плодов этого познания», и одним из самых опаснейших из них является современный Гильфердинг.

⁴¹ «Деньги и денежное обращение в освещении марксизма», 1923, с. 34.

К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

I. Предварительные замечания

Современная буржуазная экономическая мысль развивается в двух противоположных направлениях: 1) в сторону узкого эмпиризма, граничащего с дельчеством в буквальном смысле слова; 2) в сторону утонченных абстракций, крайнего теоретизирования. Экономисты, работающие в первом направлении, являются «творцами» прикладных экономических дисциплин, экономий отдельных отраслей, учений о предприятии промышленном, сельскохозяйственном и т. д. Экономисты второго направления «творят» широкие «теоретические концепции», уделяют много внимания методологии, находятся в близких родственных связях с господствующими общефилософскими течениями и школами.

Общее между теми и другими — то, что они служат одному хозяину. Узкие эмпирики и дельцы обслуживают текущие, повседневные нужды «вождей» промышленности, с.-х., торговли, финансов. «Теоретики» и философствующие экономисты ставят себе задачу «научного» обоснования и оправдания буржуазного строя в целом. И только по недоразумению они — эти представители разных участков одного и того же фронта — относятся друг к другу не совсем благосклонно. Увлеченные служением повседневным нуждам буржуазии, эмпирики относятся с некоторой иронией к представителям «чистой теории», считая их труд не совсем производительным. А творцы «чистой теории» смотрят сверху вниз на «ползучих эмпириков», погрязших в мелочах повседневной жизни и из-за деревьев не видящих леса¹.

Но все эти антипатии и даже вражда серьезного основания не имеют; они лишь отражают те неувязки и трения, которые обычно имеют место внутри класса капиталистов между его общими интересами и частными, связанными со злобой дня. Перебранка между враждующими братьями не должна скрывать того, что буржуазии нужны и «ползучие эмпирики», и «чистые теоретики». Первые своим «практическим разумом» должны помочь в непосредственном ведении дел; должны помочь и рационализировать, должны научить, как с наименьшими затратами получить наибольшие выгоды; словом, должны помочь наилучшим образом осуществить так называемый хозяйственный принцип. Вторые своим «теоретическим разумом» должны ковать духовное оружие для борьбы с классовым врагом, т. е. с пролетариатом, с его зловредными учениями и в первую очередь с революционным марксизмом.

¹ Мы берем крайних представителей того и другого лагеря, наиболее полно выражающих указанные настроения. Что касается буржуазных экономистов в своей массе, то они часто совмещают «теорию» с практикой.

В настоящей статье мы исключительно будем останавливаться на методе изучения названного духовного оружия, которое ковалось и куется буржуазной политической экономией. Нас здесь не интересуют узкие эмпирики — служители повседневных нужд буржуазии, нас исключительно занимают служители «чистой науки». Притом, еще одно важное ограничение: нашей темой является лишь метод изучения этой «чистой науки». Мы не будем ее излагать по существу, а мы лишь попытаемся выяснить, как она должна изучаться и излагаться. Что этот вопрос не является праздным, показало недавно состоявшееся в Институте экономики Комакадемии обсуждение работ Блюмина, имеющих своим предметом исследование разных школ современной политической экономии. Этот автор, усердно работавший в течение нескольких лет над изучением современной буржуазной политической экономии и ставший почти что авторитетом в этой области, — не позаботился об одной... «мелочи»: о выработке марксистского метода исследования того, что он по-марксистски (как он уверяет, а у нас нет основания ему не верить) хотел изучить.

Наши молодые партийцы быть может меньше Блюмина вооруженные фактическим знанием современных буржуазных экономистов, но несравненно лучше его — Блюмина — вооруженные марксистским методом, одержали над ним блестящую победу. Сам Блюмин вынужден был признать правильными все обвинения, которые были против него его оппонентами выдвинуты, и согласиться с общим приговором, что его книги вредны. Этот печальный факт² свидетельствует о том, насколько вопрос о методе изучения современной буржуазной политической экономии является актуальным.

Но может возникнуть вопрос: зачем нам вообще изучение «теорий» современных буржуазных экономистов? Конкретные исследования даже буржуазных экономистов дают много ценного, подчас незаменимого, фактического материала. Но что могут дать разные «теории», если даже подвергнуть их должной марксистской критике? Этот вопрос особенно уместен, если припомним следующее место из предисловия Маркса ко второму изданию I тома «Капитала». Характеризуя состояние современной буржуазной политической экономии после классиков, Маркс пишет: «Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной экономии. Отныне для буржуазного экономиста вопрос заключается уже не в том, правильна или неправильна та или другая «теорема», а в том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет»³.

Спрашивается: зачем нам возиться с такими «теоремами», авторы которых не думают об их правильности, а об их согласованности «с полицейскими соображениями»? Однако не следует недо-

² Мы считаем этот факт печальным, во-первых, потому, что нет основания полагать, что Блюмин сознательно ставил себе задачу дать нам плохого (даже вредного) качества продукцию. Во-вторых, работы Блюмина рецензировались и редактировались партийцами, которые... слона-то не заметили; не заметили, что Блюмин никакой классовой борьбы на теоретическом фронте не ведет. Следовательно его работа есть не что иное как импорт заграничных буржуазных изделий, да еще с советской маркой.

³ Разрядка моя — Р.

оценивать социально-политического значения этих «теорем». Пролетариат в капиталистических странах живет не изолированно от буржуазии; указанные «теоремы» предназначены и для него (пожалуй, в первую очередь для него); а коммивояжерами, распространяющими этот товар в рабочем классе, является современная социал-демократия. Если раньше, в эпоху расцвета II Интернационала, теоретики социал-демократии старались популяризировать экономическое учение Маркса⁴, то теперь вся целеустремленность социал-демократии направлена в сторону эмансипации от Маркса. Теоретическая ее эволюция не отстает от ее политической эволюции. Один из ее новейших авторов учебника по политической экономии «Die Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze» Браунваль в своем предисловии гордо заявляет, что в его книге читатель найдет марксистский учебник по политической экономии, но не учебник политической экономии Маркса⁵.

Чего стоит это противопоставление марксистского — Марксу! И в этом «марксистском» учебнике, действительно, от Маркса ничего нет. Автор свое обещание выполнил, только автор так и не объяснил, что это за марксизм, который полностью отрекивается от Маркса. Нет ни одной теории Маркса, которую он бы признал правильной: он Марксу всегда противопоставляет разные теории современной буржуазной политической экономии. Только иногда он предоставляет читателю самому выбирать, — ловкий коммивояжер, который представляет не одну фирму, а сразу несколько фирм.

Итак критика современной буржуазной политической экономии есть борьба за освобождение пролетариата капиталистических стран от ее влияния. Это есть классовая борьба на теоретическом фронте, и в первую очередь борьба с социал-демократией. Помимо того и у нас, в СССР, мы еще далеко не застрахованы от влияния буржуазной политической экономии. За примерами далеко ходить не нужно: Рубин, с одной стороны, представил в своей книге «Экономисты на Западе» архибуржуазное направление — так называемое социальное направление в виде родственного марксизму течения, с другой стороны, Маркса превратил (в своих «Очерках») в «социальника»; метод диалектического материализма подменил методом «социологическим». А между тем рубинщина пользовалась у нас — греха таить нечего — большим влиянием.

Рубинщине сейчас нанесен сокрушительный удар, но нельзя сказать, чтобы она была полностью теоретически преодолена. Одним из методов этого преодоления является последовательная марксистская критика современных буржуазных школ в политической экономии. Когда наш читатель правильно по-марксистски будет информирован об этих школах, — контрабандный привоз их прекратится, малейшая фальшь в изображении их сразу будет уличена.

Наконец, наши советски «настроенные» буржуазные экономисты, оказавшись в лагере вредителей, то и делали, что на столбцах наших

⁴ Следует заметить, что уже тогда острое оружие, выкованное Марксом для пролетариата, этими теоретиками всячески притуплялось. Особенно это относится к методу Маркса, к диалектическому материализму. К последнему они относились более чем равнодушно. И перед коммунистами стоит важная задача: критически пересмотреть всю продукцию Каутского и др., созданную даже в то время, когда они еще не стали на путь ренегатства и предательства.

⁵ Der Leser darf daher mit dem Anspruch an dieses Buch herantreten in ihm ein Marxistisches Lehrbuch der Oekonomie, aber nicht mit dem Anspruch ein Lehrbuch der Marxistischen Oekonomie zu finden (пазрядка моя—P).

советских журналов проводили—под разными марками—идеи своих зарубежных коллег. Наша недостаточная осведомленность на счет того, что делается на вражеском теоретическом фронте, лишала нас в известной мере возможности быть классово-бдительными и зорко следить за всякого рода контрабандой.

II. Маркс о классической и вульгарной политической экономии

Кто хочет серьезно изучать современную буржуазную политическую экономию, должен хорошо усвоить, как Маркс изучал буржуазную политическую экономию, почему он классическую политическую экономию считал научной, в чем он видел основные признаки вульгарной политической экономии. Более того, Маркс — как видно из приведенной цитаты — считал, что с определенного момента буржуазная политическая экономия уже научной быть не может, что она объективно обречена быть вульгарной. Но отсюда отнюдь не следует, что нужно придерживаться той мудрости, что все кошки в сумерках серы, что стоит только охарактеризовать ту или иную школу как вульгарную, — и задача решена. Вульгарная политическая экономия, существовавшая во время Маркса, и современная вульгарная политическая экономия значительно друг от друга отличаются. Значительно друг от друга отличаются разные школы в самой современной вульгарной политической экономии.

Различие между классической политической экономией и вульгарной Маркс формулирует так: «Замечу раз навсегда, что под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, которая, начиная с В. Петти, исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства. В противоположность ей вульгарная экономия толчется лишь в области внешних кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью растолковать буржуазии грубейшие явления экономической жизни и, так сказать, приспособить их к домашнему обиходу буржуа...»⁶.

Заслугу классической политической экономии Маркс видит в том, что ею изучались «внутренние зависимости буржуазных отношений производства». Но тут же следует подчеркнуть, что сами классики полагали, что ими изучаются отношения производства вообще. И это — как Маркс неоднократно указывает — обусловлено было буржуазной ограниченностью их кругозора. Для них капиталистическое производство не есть особый способ производства, исторически переходящий и исторически обусловленный. Оно — капиталистическое производство — соответствует мол человеческой природе, которая принимается раз навсегда данной. «Но буржуазные формы общественно-производственного организма, — замечает Маркс, — третируется ею (классической политической экономией — Р.) приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии отцами церкви»⁷.

Это и мешало классикам дать последовательный, без внутренних противоречий, анализ самого капиталистического производства. Критикуя их теорию стоимости, Маркс пишет: «Если же рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следовательно

⁶ «Капитал», т. I, с прим. 32 (разрядка моя — Р).

⁷ Там же, с. 33.

но товарной формы, а при дальнейшем ходе исследования — денежной формы, форма капитала и т. д.»⁸.

Но где же классиками был дан анализ внутренних буржуазных отношении производства? Прежде всего в теории трудовой стоимости, которая в домарксову эпоху достигает наивысшего своего развития у Рикардо. Оценивая место Рикардо в политической экономии, Маркс пишет:

«Наконец, выступает Рикардо и кричит науке—стой! Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы, понимание ее внутренней органической связи и жизненного процесса — есть определение ценности рабочим временем. Отсюда исходит Рикардо и требует от науки, чтобы она оставила свою прежнюю рутину и дала себе отчет в том, насколько остальные развитые, выясненные ею категории — отношения производства и обращения — соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту; насколько вообще наука, только отражающая, воспроизводящая формы проявления процесса, точно так же, как и сами эти явления, соответствует основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества... В этом заключается великое историческое значение Рикардо для науки...»⁹.

Отсюда видно, что Маркс считал научной только ту систему политической экономии, у которой исходный пункт «есть определение ценности рабочим временем». Всякая иная система — ненаучна, т. е. вульгарна. И напрасно некоторые, претендующие на звание марксистов, исследователи современной политической экономии критерий вульгарности видят только в определении ценности спросом и предложением. Критерием вульгарности является отказ от «определения ценности рабочим временем», так как без этого определения нельзя вникнуть в «физиологию буржуазной системы». Этот критерий является основным решающим, — и мы на нем остановимся более подробно дальше.

Характеристика вульгарных экономистов, современников Маркса, дана в приведенной раньше цитате. Приведем ее еще раз: «В противоположность ей (классической политической экономии. — Р.) вульгарная экономия толчется лишь в области внешних кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью растолковать буржуазии грубейшие явления экономической жизни и, так сказать, приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она педантски систематизирует банальные самодовольные представления буржуазных деятелей производства об их собственном мире — лучшем из всех миров — и объясняет эти представления вечными истинами».

Здесь дана исчерпывающая характеристика вульгарной экономии как со стороны предмета и метода, так и со стороны тех задач, которые она себе ставила. Предметом ее является только видимость явлений — «область внешних кажущихся зависимостей». Вникнуть в сущность явлений, скрывающихся за этой видимостью, она считает делом ненужным. Метод ее сводится к описанию классификации: она педантски систематизирует банальные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства. Это как раз совпадает со «вторым способом» исследования у Смита. Маркс, характеризуя метод Смита, пишет: «С одной стороны, он (Смит — Р.) исследует внутреннюю связь

⁸ «Капитал», т. I, с. 33.

⁹ «Теория прибавочной стоимости», т. II, ч. I, с. 1.

экономических категорий — или скрытое строение буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции... Эти оба способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь, так сказать, физиологию буржуазной системы, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешним образом обнаруживается в жизненном процессе и притом так, как оно обнаруживается и является, — эти оба способа исследования у Смита идут непринужденно не только рядом друг с другом, но и переплетаются и постоянно противоречат друг другу»¹⁰.

Задача же, которую вульгарная экономия ставила, это — «растолковать буржуазии грубейшие явления экономической жизни и, так сказать, приспособить их к домашнему обиходу буржуа».

Но почему вульгарные экономисты отказались от «определения ценности рабочим временем»? Конечно, не потому, что оно оказалось теоретически несостоятельным, а потому, что оно оказалось «неудобным»¹¹. Вульгарная политическая экономия явилась реакцией, с одной стороны, против сильно обострившейся к тому времени классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, — с другой стороны, против получивших значительное распространение социалистических учений.

Классическая политическая экономия отражала прогрессивные и отчасти даже революционные настроения буржуазии, так как она возникла и достигла расцвета в то время, когда последняя боролась с феодализмом и со всеми остатками средневековья. Зато в вульгарной политической экономии нашли себе яркое выражение реакционные устремления буржуазии, вызванные и обусловленные ее борьбой с пролетариатом.

Социалисты в своих требованиях преобразования общественного строя опирались на классиков, главным образом на Рикардо, — они делали те выводы, которых последний не делал. И это в свою очередь заставило буржуазных экономистов, пришедших на смену классикам, бить отбой, — заставило их дополнять, исправлять, точнее, исказить полученное от классиков наследие. А главное — заставило отказаться от теории трудовой стоимости, которая прямехонько ведет к теории прибавочной стоимости, раскрывающей эксплуататорскую сущность буржуазного способа производства.

III. Марксистская политическая экономия и буржуазная политическая экономия

Классическая политическая экономия принципиально отличается от вульгарной. Классическая политическая экономия является, как правильно отмечено Лениным, одним из источников марксизма. У вульгарной экономии марксизму заимствовать нечего. Однако при всей важности и необходимости этого разграничения никоим образом не следует упускать из виду и единство указанных двух буржуазных систем политической экономии. Единство прежде всего заключается в общности... социального происхождения и положения. И та и другая система есть идеология буржуазии. Если классическая полити-

¹⁰ «Теория прибавочной стоимости», т. II, ч. I, с. 10.

¹¹ См. приведенную выше цитату из предисловия к I тому «Капитала».

ческая экономия была выражением прогрессивных устремлений буржуазии в пору ее юности, а вульгарная экономия — деляческих и агрессивных тенденций, то не следует конечно переоценивать прогрессивность буржуазии, на которой всегда была печать ограниченности.

Выражалось это единство в том, что сама политическая экономия никогда не была свободна от элементов вульгарности. У Смита, как мы видели, «оба способа исследования (научный и вульгарный — Р) идут непринужденно не только рядом друг с другом, но и переплетаются и постоянно противоречат друг другу». Элементы вульгаризации в значительных дозах имеются и у Рикардо. Стоит хотя бы вспомнить вульгарнейшую теорию реализации Сэя, которая полностью поддержана была Рикардо. Поэтому вначале классическая политическая экономия и вульгарная развивались не как отдельные друг против друга стоящие системы, а как разные части одной системы, в известной мере друг друга дополнявшие. «К тому же, — пишет Маркс, — вульгарная экономия вначале находит материал еще не совсем обработанный, следовательно, сама еще более или менее участвует в разрешении экономических проблем с точки зрения «экономики, как например Сэй»...¹²

И если мы говорим, что вульгарная политическая экономия приходит на смену классической, то это следует понимать в том смысле, что постепенно — по мере развития классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией — в политической экономии (буржуазной) вульгарный элемент вытесняет научный, и первый торжествует полную победу над вторым. Победа одержана была не вследствие конечно научных достоинств... вульгарной экономики, а вследствие, как сказано, развития классовой борьбы. Классическая политическая экономия в руках буржуазии развиваться больше не могла, напротив сама стала все больше и больше запутываться в своих внутренних противоречиях. «Классическая экономия впадает в конце концов в ошибку, заблуждается, рассматривая основную форму капитала, производство с целью присвоения чужого труда, не как историческую форму, а как естественную форму общественного производства¹³, это такое понимание, для устранения которого она сама однако прокладывает путь своим анализом»¹⁴.

Но этот путь продолжает и в то же время его радикально переобрабатывает — уже пролетарская мысль — марксистская политическая экономия. Буржуазная мысль, окончательно освободившись от научного «балласта», становится насквозь вульгарной. «Совершенно иначе обстоит дело с вульгарной экономией¹⁵, которая торжественно выступает также тогда, когда экономия сама (классическая—Р.) своим анализом расшатала, разрушила свои собственные предпосылки; когда, следовательно, уже существует опровержение экономики в более или менее экономической, критической и революционной форме. Ибо развитие политической экономии и из нее же самой вытекающее противоречие идет параллельно реальному развитию содержащихся в капиталистическом производстве общественных противоречий и классовой борьбе. Лишь когда политическая экономия достигла значительного развития — следовательно после Адама Смита — и когда она выработала себе определенные формы, от нее отделяется тот элемент,

¹² Теории», т. III, с. 389, изд. 1924.

¹³ Везде разрядка Маркса — Р.

¹⁴ Там же.

¹⁵ (Разрядка Маркса —

который представляет только воспроизводство явления, как представление о нем, ее вулгарный элемент, как особый вид экономии»¹⁶.

Промежуточным звеном между классической политической экономией и марксизмом в известном смысле является утопический социализм. Теоретическая экономия в положительной форме им двигалась вперед, но им давалось «опровержение экономии в более или менее экономической утопической, критической и революционной форме». Утописты вполне соглашались с Рикардо — это даже было исходным пунктом их критики, — что стоимость товара определяется рабочим временем. Но они находили, что этот закон в капиталистической системе нарушается, что он прежде всего нарушается при обмене труда на капитал. Утопистам, как и классикам, неизвестна была категория стоимости рабочей силы, а потому они в обмене живого труда на овеществленный усматривали обмен не эквивалентов; труд, овеществленный в капитале, авансируемом на заработную плату, меньше того труда, который рабочие отдают капиталисту. Отсюда одни требовали реорганизации капиталистического производства на социалистических началах, другие — мелкобуржуазные социалисты типа Прудона — хотели уничтожить капитализм и оставить простое товарное хозяйство, при котором обмен будет совершаться на основе эквивалентности. Эта утопическая, но вместе с тем и революционная (для тогдашнего времени) критика классической политической экономии окончательно дискредитировала последнюю в глазах буржуазии. Не даром Кэри, как пишет Маркс, — «доносит на него (Рикардо — Р.), как на отца коммунизма». «Система господства Рикардо, — цитирует Кэри Маркс, — есть система раздора... Она имеет тенденцию породить вражду между классами и нациями»¹⁷... Его книга — настоящее руководство для демагога, который стремится к власти при посредстве конфискации земли, войны и грабежа»¹⁸.

Дискредитируя в глазах буржуазии классиков своими социалистическими выводами из их учения, утописты содействовали победе вулгарной экономии. Отныне на последнюю возлагается ответственнейшая задача бороться не на-жизнь, а на-смерть с социализмом — вначале с утопическим, а затем с научным. Это, во-первых. Во-вторых, утопический социализм своей беспощадной и блестящей критикой (особенно в трудах великих утопистов) наносит сокрушительный удар основному постулату классической политической экономии, — ее исходному пункту, что буржуазный строй есть естественный строй, соответствующий человеческой природе. Правда, от «принципа» естественности утописты не отказываются, в этом отношении их методология такая же метафизическая, как и методология классиков. Но утописты буржуазному строю отказывают в звании естественного, этим «званием» они награждают социализм. Утопистами в порядок дня был поставлен вопрос о преходящем характере капиталистического производства. Ими еще не понята историческая обусловленность его, ими

¹⁶ Там же (разрядка везде Маркса). Здесь особенно четко формулирована Марксом связь между классической экономией и вулгарной: последняя есть вышедший из первой элемент, который на развалинах классической политической экономии развивается в «особый вид экономии».

¹⁷ Насчет раздора между «нациями» — Кэри просто клеветает на Рикардо для усиления эффекта. Рикардо, напротив, обосновал выгоду разделения труда между странами; следовательно обосновал их солидарность. Другие вулгарные экономисты обвиняли Рикардо как раз в космополитизме, что гораздо более правдоподобно, но об этом дальше.

¹⁸ «Теории», т. II, с. 11, Гиз, 1924.

не понято, как в самом капитализме зреют силы — могильщик капитализма — разрушения его. Утопистам совершенно неизвестен закон развития капитализма, но ими очищается почва для научной критики капиталистического способа производства, для марксизма.

С появлением марксизма между научной политической экономией и вульгарной вырастает непроходимая пропасть. Марксизм вбирает в себя, предварительно переработав все ценное, т. е. научное, что было у классиков. Вульгарная экономия, наоборот, либо отбрасывает научный элемент классической экономии, как якобы узкий и необоснованный, либо искажает его до неузнаваемости, т. е. преобразует его по своему образу и подобию. Известно например, какие усилия делаются для того, чтобы превратить Смита и Рикардо из теоретиков трудовой стоимости в теоретиков издержек производства.

Отсюда видно, что всякая попытка сближать марксизм с современной буржуазной политической экономией, как это делает Рубин (в его книге «Экономисты на Западе») и Блюмин (см. его характеристику Штольцмана и других «социальников»), — является, с одной стороны, клеветой на буржуазных экономистов, заподозриванием их в том, в чем они абсолютно неповинны. А с другой стороны, — что конечно несравненно важнее, — такая попытка есть полное искажение марксизма и марксистского понимания эволюции буржуазной политической экономии, пути развития которой все больше и больше расходятся и должны расходиться с марксизмом, а не сближаться с ним. Представление о сближении в той или иной форме этих классово-противоположных систем есть отражение того (сознательно или бессознательно, нас это сейчас не интересует), что классовая борьба теперь притупляется, что противоречия уменьшаются, а посему и между системами политической экономии этих двух борющихся классов тоже начинается своего рода «обмен идеями». Такого рода представление вполне в духе современной социал-демократии¹⁹, но ничего общего не имеет с действительным марксизмом.

IV. Дальнейшее развитие буржуазной политической экономии

Первая школа вульгарной политической экономии, которая связана с именами Сэя, Бастиа и им подобных, вышла, как мы видели, из недр самой классической политической экономии, точнее представляла обособление вульгарного элемента последней и развитие его в «особый вид экономии». Она поэтому с классиками *формально* не рвала. Такие вульгарные экономисты, как Мак-Куллох, Сониор в Англии, Бастиа во Франции, даже считали себя последователями и продолжателями классиков. Они, мол, только «развивали» и «уточняли» принципы классиков. Так на них и смотрели буржуазные историки экономической мысли.

Совсем другое представляют последующие школы вульгарной экономии. Те уже вступают в резкую оппозицию к классикам, выдвигая совсем новые «принципы». Остановимся прежде всего на так называемой «исторической школе».

Правда, первый основатель этой школы, Вильгельм Рошер, еще не отказывается от классической политической экономии, и к ее принципам «прибавляет» лишь новые. Но Рошер и по признанию буржуаз-

¹⁹ Впрочем социал-демократия, как мы видели раньше, уже не довольствуется таким «обменом». Она в угоду новейшим вульгарным «теориям» полностью отказывается без всякого остатка от политической экономии Маркса.

ных историков политической экономии, был безнадежнейшим эклектиком, следовательно не он характерен для этой школы, хотя его считают основоположником ее. У Маркса выступление на историческую арену «исторической школы» получает исчерпывающую и вполне заслуженную характеристику. Говоря о разных формах вульгаризации, Маркс пишет: «Последняя форма, это профессорская форма, которая приступает к делу «исторически» и с мудрой умеренностью собирает везде «лучшее»; дело не в противоречиях, а в полноте. Все системы обездушены; во всех системах отломано острие, и они мирно уживаются в коллекционной тетради. Пыл апологетики здесь умеряется ученостью, которая благосклонно смотрит на преувеличение экономических мыслителей и лишь в виде курьезов позволяет им плавать в своей умеренной размазне. Так как подобного рода труды появляются также лишь тогда, когда политическая экономия как наука уже закончила свой путь, то они являются в то же время м о г и л о й этой науки»²⁰.

У других представителей «исторической школы» мы такого рода эклектизма не видим, наоборот они наиболее резко отмежевываются от классиков и свои «принципы» доводят до конца. Но приговор Маркса над «исторической школой» полностью сохраняет свою силу. Даже буржуазные экономисты — противники этой школы — считают ее «могилой» политической экономии. Наиболее полно ее «принципы» изложены в работе другого ее основоположника, Карла Книса²¹. Последний политическую экономию по существу не рассматривает с исторической точки зрения, — как гласит заголовок его книги, — а растворяет ее в истории, т. е. полностью хоронит ее.

Книс забежал, как говорится, слишком вперед, просто-напросто «зарвался». Буржуазия в таком «реализме», в таком безоговорочном отказе от классиков еще не нуждалась. Ее еще, с одной стороны, удвлетворяли английские и французские вульгаризаторы «первого — если можно так выразиться — созыва». Фритредерство — эта экономическая политика англо-французской вульгарной политической экономии — находилось еще в полном расцвете. А такие труды, как «Экономические гармонии» Бастиа²², пользовались еще большим успехом. С другой стороны, для нее еще вполне приемлем был эклектизм Рошера, считавшегося одним из наиболее авторитетных и популярных экономистов.

Книс оставался долго непризнанным «реформатором». Его книга, — пишут Ш. Тид и Ш. Рист, — осталась почти незамеченной. Как историки, так и экономисты игнорировали ее. Только впоследствии, когда «молодая историческая школа» получила полное развитие, обратили внимание на старое произведение Книса, второе издание которого появилось в 1883 г. Книс неоднократно жалуется, что Рошер не хотел подвергнуть обсуждению его идеи²³? Это лишний пример в подтвер-

²⁰ «Теории», т. II, с. 390 (разрядка везде Маркса — Р.).

²¹ Его книга «Политическая экономия, рассматриваемая с исторической точки зрения», появилась в 1853 г.

²² Работа Бастиа появилась в 1850 г. В ней Бастиа выступает страстным «борцом» против социализма. Маркс о нем пишет следующее: «Он (Бастиа — Р) еще выделяется отсутствием учености и совершенно поверхностным знакомством с наукой, которую он раскрашивает в интересах буржуазии. У него апологетика является еще страстной и представляет его настоящую работу, так как содержание экономики он берет у других, как оно ему подходит.

²³ «История экономических учений» изд. 2-е под редакцией проф. Тотомיאнца, с. 227.

ждение той истины, что не «мнение правит миром». Буржуазный мир тогда еще не «созрел» для «мнения» Книса. И только по мере развития классово-борьбы и распространения среди широких слоев пролетариата марксизма появляется молодая историческая школа и так же вспоминает «мнение» Книса.

Признанным вождем «молодой исторической школы» является Густав Шмоллер. Что дает эта школа? Прежде всего полное отрицание методологии классиков. Она обвиняет последних: 1) в универсализме, под которым она понимает признание общих экономических законов²⁴; 2) в упрощении и психологии хозяйствующего субъекта, действующего только под влиянием экономических интересов; сама она находит в его действиях и «альтруистические» стремления, 3) в непростительном пользовании дедуктивным методом. Что же она «положительного» дает? Во-первых, на место абстрактных экономических законов классиков она выдвигает эмпирические (или статистические) законы, являющиеся притом различными для разных эпох^{24а} и даже разных стран. Шмоллер заявляет: «Мы даже не можем эмпирически ответить на вопрос, является ли экономическая жизнь человечества единой, представляет ли она однообразное развитие и идет ли к прогрессу». Во-вторых, она считает, что экономические явления не могут исследоваться отдельно от других явлений, от политики, права, этики, религии. В теории перечисленные явления находятся в постоянном взаимодействии, а потому они изучаться должны во взаимодействии. Если согласно первого «принципа» политическая экономия растворяется в статистике, то согласно второго «принципа» она растворяется не то в истории, не то в социологии, притом и то и другое понимаются конечно вульгарно. Наконец, в-третьих, дедуктивный метод заменяется индуктивным — кропотливым собиранием фактов, их детальным описанием и классификацией, и (это уже в лучшем случае) эмпирическими обобщениями их.

«Молодая историческая школа» в отличие от «старой» оказалась чрезмерно плодотворной, ею составлены целые кучи монографий, посвященных разным экономическим фактам и институтам. С особым усердием ею изучаются ремесла и вообще докапиталистические формы производства. Ее взоры любовно обращены на средние века, — и это, как мы скоро выясним, имеет свой «raison d'être». Но что же ее вдохновляло, каковы двигательные силы этого течения, имевшего значительный успех, не только на своей родине, в Германии (в последней она одно время безраздельно господствовала, и сейчас ее влияние еще окончательно не подорвано), но и в других странах? Часто объясняют это национальной борьбой между английской и французской буржуазией, с одной стороны, и немецкой, с другой. Германия вступила на путь капиталистического развития позже Англии и даже Франции, для ее буржуазии проповедь «экономической свободы», фритредерства, экономического либерализма, связанного с англо-французской школой²⁵, равносильно было признанию гегемонии за английским и французским капиталом на мировом рынке и даже у себя дома. Еще

²⁴ Это обвинение сформулировано было еще Книсом.

^{24а} Последние ими не понимаются в смысле различных экономических формаций, определяющихся определенными способами производства.

²⁵ Так «историки» часто называют классическую школу, не различая классиков и их вульгаризаторов.

Фридрих Лист в сороковые годы прошлого века выставил требование введения так называемых «воспитательных пошлин», так как в них он видел условие развития отечественного капитализма и защиты его от могущественного зарубежного капитализма. Фридрих Лист страстно нападает — правда, не как теоретик, а как публицист на классиков.

Однако, если и есть доля истины в таком объяснении возникновения и успехов «исторической школы» — в ней националистические моменты сильно... звучат, — то исчерпывающим это объяснение не может быть уже по тому одному, что оно не является полным даже с фактической стороны. Мы уже говорили, что влияние «исторической школы», особенно пресловутого «исторического метода», распространилось далеко за пределы Германии. Принципиально, с марксистской точки зрения, в указанном объяснении пропущено самое главное — пропущена классовая борьба. Помимо того, мы имеем на этот счет прямые указания самого Маркса, который, характеризуя развитие экономической мысли в Германии, пишет: «Таким образом в Германии капиталистический способ производства созрел лишь после того, как обнаружился его антагонистический характер в шумных конфликтах исторической борьбы, закипевшей в Англии и Франции, причем германский пролетариат уже обладал гораздо более выработанным теоретически классовым сознанием, чем германская буржуазия. Итак едва наступили условия, при которых буржуазная наука политической экономии казалась возможной, как она уже снова сделалась невозможной»²⁶.

«Историческая школа» и ее «бунт» против классицизма есть выражение: 1) того, что происходило прежде всего в международном масштабе — «в шумных конфликтах исторической (т. е. классовой — Р) борьбы, закипевшей в Англии и Франции», и 2) того, что «германский пролетариат уже обладал более выработанным теоретическим классовым сознанием». Первое объясняет успех «исторической школы» и «исторического метода» за пределами Германии, второе, — почему это течение зародилось именно в Германии. Удовлетвориться больше уже чересчур незамысловатыми идеями «экономических гарантий» Бастиа и эклектизмом Рошера нельзя было. «Историческая школа» в ее законченном виде, т. е. «молодая историческая школа» представляла бесспорно более солидное оружие в разрывавшейся классовой борьбе, гораздо больше блистала ученостью, а также действовала гораздо более практично. Она не ограничивалась болтовней об «экономических гармониях», а пыталась их осуществить. В 1872 году учреждается в Эйзенахе «союз социальной политики», который ставит своей задачей пропаганду реформ, направленных на «защиту» и «улучшение» положения рабочего класса. Этим она хочет спасти капитализм от неминуемого краха.

Практически она буржуазный строй хочет поддержать реформами, а теоретически его обосновывает и оправдывает историзмом. Но ее «историзм» ничего общего не имеет с действительным историзмом, с историзмом диалектическим. Ее «историзм» — формальный, абстрактный (хотя она — большая противница абстракций). Происхождения экономических феноменов, присущих только капиталистическому способу производства, «историки» ищут в докапиталистических эпохах. Им важно лишь установить формальные сходства, формальные признаки, общую видимость явлений. Неудивительно, что они таким «мето-

²⁶ После слов к второму изданию I т. «Капитала».

дом» не могли открыть общих закономерностей, своим «историческим методом» они в сущности пришли к отрицанию истории.

Но все это им нужно было для обоснования и оправдания буржуазного строя. Классики вечность буржуазного строя видели в его естественности, в его соответствии человеческой природе, а потому не только не боялись общих законов, но наоборот в их открытии видели подтверждение своей концепции, — общество управляется законом наподобие природы, и вмешательство государственной власти в экономическую жизнь излишне, вредно. «Историки» оправдания буржуазного строя искали в т р а д и ц и и, в существовании его институтов, — пусть и не в развитой форме, в седой старине. Буржуазный строй — не продукт революции, а продукт длительного исторического, эволюционного развития. Само собою разумеется, — а это является венцом всей этой, с позволения сказать, концепции, — что буржуазный строй и уничтожен революцией быть не может.

К особенностям «исторической школы» относится еще консерватизм и политический. Она не только против пролетарской революции, но и против буржуазной, — она за союз буржуазии с юнкерством под гегемонией последнего. И в этом нельзя усматривать выражения исключительно германской действительности, где дух юнкерства, аграриев давал себя чувствовать сильнее, чем где бы то ни было²⁷. И здесь «историческая школа» выразила в особой специфической форме, т. е. окрашенной, так сказать, в германский цвет, общие тенденции международной буржуазии. В обострившейся классовой борьбе буржуазия везде и всюду искала опоры в сильной государственной власти, в Германии же последняя существовала как юнкерская власть с кайзером во главе.

Итак «историческая школа» в общих ее тенденциях, а не в отдельных конкретных формах проявления, с общей ее «методологией», есть явление интернациональное, а не специфически германское²⁸. Если германский пролетариат выдвинулся в первые ряды международного пролетариата, то идеологи германской буржуазии берут на себя задачу ковать духовное оружие для этой борьбы. Формально они объявляют беспощадную борьбу классической политической экономии. Маркса они долгое время замалчивают, но фактически, по существу они бьют по марксизму, усматривая в нем, по своему невежеству, порождение английской классической политической экономии. Впрочем скоро им приходится и формально сосредоточить весь огонь против марксизма, — тактика замалчивания оказалась битой.

Против действительного диалектического историзма ими выдвигается формальный «историзм», против материализма — христианская

²⁷ В Германии буржуазная революция была недоделана, и ни в одной из капиталистических названных стран феодальные элементы не приспособились к новым условиям, как в Германии. Союз буржуазии с юнкерством под гегемонией последнего там действительно существовал.

²⁸ Поэтому мы считаем односторонней, и потому и неправильной оценку «исторической школы», которую дает М. Зоркий в предисловии к книге В. Зомбарта «Современный капитализм», т. I, изд. 1931. Автор рассматривает «историческую школу» исключительно как порождение германской действительности «Шмоллерянство» — заключает М. Зоркий — детище бисмарковской Германии. В 1871 г. «революция сверху» разрешила задачу национального объединения; в 1872 г. был основан «Союз социальной политики»... свою миссию эти господа усматривали в укреплении «Новой Германии». Это означало, во-первых, обоготворение прусско-полицейского государства; во-вторых, — упорную борьбу против социал-демократии под знаменем «лучшей социальной реформы» (с. XII).

этика²⁹; против революционного социализма — «социализм» мирный, государственный; против классовой борьбы — классовое сотрудничество, на почве социальных реформ и под руководством «исторического» носителя государственной власти, юнкерства, против Маркса — Родбертус. Последний с его проповедью социализма через 500 лет постепенно становится героем дня.

Можно кстати судить о качестве тех «марксистов», которые в родбертусовских экономических теориях видят учение, родственное марксизму, и ставят Годбертуса чуть ли не рядом с Марксом. По существу это есть не что иное, как протаскивание контрабандой продукции «социально-этического направления» Вагнера и К^о в нашу советскую печать³⁰.

V. Возврат к «теории». Австрийская школа

Если «старая историческая школа» была могилой для политической экономии вследствие своего беспринципного эклектизма, то «молодая историческая школа» стала могилой для политической экономии уже в силу ее, как мы видели, «принципов». Но этим победить марксистскую политическую экономию оказалось все-таки невозможным. Попытка победить стройную, последовательную до конца теорию, каковой является экономическое учение Маркса, при помощи отказа от всякой теории оказалась равносильной бегству с поля сражения. «Историки» своим крохоборством, своими монографиями, своим эмпиризмом, доведенным до крайности, с которым не может мириться и «здравый смысл» среднего буржуа, не победили марксизма, а еще больше оттенили его могучую силу, его теоретическую несокрушимость. Задачу победить марксизм теоретически берут на себя «австрийцы». Только в этом, по нашему, следует видеть сущность их «социального заказа», а не в выражении ими, как полагает т. Бухарин, настроений рантье. Австрийская школа не есть «политическая экономия рантье», а политическая экономия буржуазии, пытающейся победить марксизм на теоретическом фронте после того, как стало выясняться, что «историки» то и делают, что с этого фронта дезертируют. Неудачу «исторической школы», неизбежность ее разложения стали чувствовать наиболее талантливые ее питомцы. Мы говорим о Вернере Зомбарте, ученике Шмоллера. Зомбарт начал заигрывать с марксизмом, преклоняться перед гением Маркса и уже ищет новых путей для победы над ним. Зомбарт возвращается к эклектике, но он это делает несравненно талантливее Рошера, просто он пытается соединить «историзм» не с классической политической экономией, а с марксизмом, т. е. хочет устроить могилу... для марксизма. Какая это почетная задача для буржуазного экономиста!

Но вернемся к «австрийцам». Мы считаем совершенно неправильной попытку свести их теорию ценности — основу всей их системы — только к теории спроса и предложения или к теории монопольных цен, как это делает Блюмин. Этим, повидимому, хотят объяснить, почему «австрийскую школу» следует отнести к вульгарной экономии, но этим умалывается ее классовая сущность, сущность ее «социального за-

²⁹ «Молодая историческая школа» называется также «социально-этическим направлением», а противниками ее представители прозваны «катедер-социалистами», социалистами на кафедрах.

³⁰ Указанная оценка Родбертусу дана в Малой советской энциклопедии (см. т. VII).

каза». А вульгарной «австрийская» школа» является потому, что она ценность не определяет рабочим временем, следовательно не понимает и не может понимать «физиологию буржуазной системы». При всей сложности и абстрактности «теоретических» построений «австрийцев», они все же скользят по поверхности явлений. При помощи абстракций «австрийцы» не открывают экономической клеточки буржуазного общества, а от нее абстрагируются, поэтому их абстракции — надуманные, схоластические, вульгарные.

Те, которые сводят теорию ценности «австрийской школы» к теории спроса и предложения или монопольной цены, не понимают того, почему исходным пунктом исследования для этой школы является не просто индивидуализм, но изолированный индивидуум — пустынный, Робинзон. Это не простой методический прием, а методологический принцип. Этим «австрийцы» хотят доказать вечность и естественность категорий политической экономии, и в первую очередь — категории ценности. В этом и гвоздь их апологетизма. В буржуазной экономике проявляется, мол, лишь то, что присуще человеческой природе вообще. «Австрийцы» формально возвращаются к исходным позициям классиков, — и некоторые буржуазные «исследователи» «австрийскую школу» даже считают неоклассической.

Между «австрийцами» и классиками дистанция, как говорится, громадно размера. Классики, отождествляя капиталистическое производство с производством вообще, изучали все-таки буржуазное производство. Классики тоже прибегали к робинзонаде, но предметом исследования у них, повторяем, было товарное производство; они старались уяснить себе именно «физиологию буржуазной системы». «Австрийцы» от своих выдуманных пустынников «восходят» не к капиталистическому производству, а к капиталистическому обращению. Производство вообще, даже производство изолированных индивидуумов их не интересует, их интересуют только субъективные оценки последних, субъективная ценность, которая, как правильно отмечено целым рядом исследователей, есть не что иное как рыночная цена. Австрийская школа, таким образом «восходит» — и то ценой целого ряда непоследовательностей, множества salto mortale к рынку³¹.

«Австрийцы» вступили в борьбу и с «исторической школой» и с марксистской. Первой они объявили войну за то, что плохо она выполнила «социальный заказ», вторую они намеревались победить, т. е. выполнить то, что оказалось не под силу «историкам». В бой с исторической школой пошел основатель австрийской школы Карл Менгер. И нужно отдать ему справедливость, в своей работе «Исследования о методе социальных наук и политической экономии в частности» он нанес не мало серьезнейших ран «исторической школе». Бой с марксизмом завязал наиболее талантливый представитель «австрийской школы» Бем-Баверк³², но ему посчастливилось гораздо меньше, чем его коллеге «Австрийская школа» уже почти сходит со сцены, а марксизм триумфально шествует вперед.

³¹ Мы не отрицаем, что «австрийцы» в конечном счете дают только теорию спроса и предложения, но к «теории» они «восходят», а не из нее исходят. Исходят они из субъективной ценности, так как только этим путем они могут категорию ценности «увечковечить» и вместе с ней — все категории политической экономии; стало быть, — и буржуазные отношения в целом.

³² Его работы, в которых он критикует Маркса, следующие: «Теория Маркса и ее критика». «Капитал и прибыль», т. I.

Только так оценивая «историческую миссию» «австрийской школы», мы можем понять тот шумный успех, который она вначале имела, тот восторг, с которым она была встречена. Она открыла надежды, что с революционным марксизмом будет раз навсегда покончено, а на худой конец — если полную победу не удастся одержать — можно будет состыпать новую эклектическую «размазю», и революционная бацилла марксизма все же будет уничтожена. Такие опыты делались — стоит вспомнить «творчество» в этой области Туган-Барановского, пытавшегося объединить Маркса с Бемом. Но марксизм от этого ни чуточки не пострадал. Наоборот, он в этой борьбе еще больше окреп, так как освободился от лишнего балласта, от неустойчивых элементов, для которых последовательный марксизм является слишком узким сектанством.

VI. Заключение

В нашу задачу не входит дать обзор всей современной буржуазной политической экономии. Мы хотели лишь отметить основные методологические положения, из которых следует исходить при ее изучении. Поэтому мы остановились на оценках, которые Маркс давал классической политической экономии и вульгарной, и сделали краткий обзор двух школ «исторической» и «австрийской».

Эти положения — следующие:

1. Классическая политическая экономия была первая и последняя научная буржуазная политическая экономия. Критерием научности является «определение ценности рабочим временем», так как только это дает возможность проникнуть в «физиологию буржуазной системы», исследовать внутреннее ее строение и раскрыть законы ее развития. Классики полного анализа внутреннего строения капиталистической системы не дали и не открыли законов его развития. Но начало этому они положили. У них — у одних больше, у других меньше — научный элемент мирно уживается с вульгарным. В этом выразилась ограниченность их буржуазного кругозора.

2. Выделением и обособлением вульгарного элемента классической политической экономии «в особый вид экономии» создается первая школа вульгарной политической экономии. Она формально еще не порывает с классической школой, но по существу она уже принципиально от нее отличается. У нее иной предмет, иной метод и иные задачи «исследования». Обусловливается это развитием классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом и возникновением социалистического движения, правда, пока еще в утопической форме, что заставляет идеологов буржуазии делать критерием своей «науки» то, что «удобно или неудобно» для буржуазии.

3. В дальнейшем развитии вульгарная политическая экономия окончательно и формально порывает с классиками, объявляет им даже беспощадную борьбу. Но истинным объектом борьбы отныне становится марксизм, т. е. пришедший на смену утопическому социализму научный социализм. Германская буржуазия, отсталая, в сравнении с буржуазией более развитых капиталистических стран, как Англия и Франция, выдвигает в лице представителей «исторической школы» знаменосцев этой борьбы. «Историческая школа», возникшая на германской почве и окрашенная в цвет последней, становится выразительницей общих тенденций и чаяний международной буржуазии в ее борьбе с международным пролетариатом, сражающимся под знаменем

марксизма. На путь «социальных реформ» с целью парализования классовой борьбы становится не только юнкерская Германия, но и Англия, Франция и другие страны³³.

4. «Историки» с возложенной на них «исторической миссией» не справляются, за что и получают звонкую пощечину от «австрийцев». Последние с большой самоуверенностью и самонадеянностью берутся выполнить то, что оказалось не под силу «историкам». И задача «австрийской школы» не в том, чтобы дать более «научно» обоснованную теорию спроса и предложения, а чтобы более «научно» обосновать и оправдать буржуазный строй в целом. Поэтому она опять становится на путь абстракций, на путь признания общих экономических законов. Стройной революционной марксистской теории она пытается противопоставить свою «стройную теорию», — и на этом пути победить марксизм. Совершенно неправильно смешивать «австрийскую школу» с родственными и по внешности как бы совпадающими с ней школами, каковыми являются «математическая школа» и «англо-американская». Последние — как мы покажем в одной из следующих статей — дополняют и «исправляют» австрийскую школу, но не тождественны с ней.

5. «Австрийцы», конечно, со своей задачей тоже не справляются и вынуждены сойти со сцены. Преемниками их являются, с одной стороны, «англо-американцы», чистые эклектики и эмпирики, а с другой стороны, — представители так называемого социального направления, пытающиеся выступить с «новым словом», с «новыми принципами».

Мы имеем новую разновидность вульгарной экономики, которую постигнет конечно, та же участь, какая постигла вульгарную экономию прежней формации³⁴.

6. Наконец изучение — детальное и основательное — современной буржуазной политической экономии имеет для нас смысл и значение по с о л ь к у, по с к о л ь к у это вооружает нас в борьбе с буржуазией на теоретическом фронте, составляющем часть общего фронта классовых боев; по с к о л ь к у нам удастся раскрыть под покровом и нагромождением всякого рода учености вульгарное нутро и обычную апологетику; по с к о л ь к у удастся предостеречь рабочий класс от влияний этих уточненных форм порабощения мысли трудящихся, главным проводником которого (этого влияния) является социал-фашизм, поскольку удастся открыть источники премудрости последнего и разоблачить его³⁵.

³³ Более того «открытие» нового метода борьбы с революционным движением принадлежат не «исторической школе» — это «открытие» сделано было впервые в Англии, которая раньше других стран становится на путь законодательного ограничения рабочего дня и фабричного законодательства вообще. «Исторической школе» принадлежит лишь та «заслуга», что она «открытие» окрасила в особый юнкерский цвет и подняла вокруг него большой шум и трескотню.

³⁴ Само собой разумеется, признание различия разных школ буржуазной политической экономии не означает отрицания их единства. Их нужно изучать в их единстве и различиях.

³⁵ В отношении политэкономии социал-фашизма полностью применима оценка, данная Марксом «профессорской форме» вульгарной экономики. Социал-фашисты тоже собирают отовсюду понемножку...

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛ-ФАШИЗМА

1. Теория стоимости

Современные социал-демократы до сих пор уделяли мало внимания вопросам теории: они заняты высокой политикой. В этом отношении существует даже некоторое разделение труда: русские меньшевики (Декер, Шифрин, В. Войтинский, Маршак, Биншток и др.) поставляют теории, а сами германские социал-фашисты перегружены «положительной» государственной работой.

Но совершенно отказаться от того оружия, которое представляет собой теория в классовой борьбе, социал-фашисты, конечно, не могут. На наших глазах вырастает новое поколение теоретиков, идущее на смену отживающим свой век Каутскому, Реннеру и Бауэру. Советскому читателю новые теоретики социал-фашизма¹ мало известны. До сих пор произведения их появлялись только на страницах теоретических органов и ежедневной прессы социал-фашизма. В истекшем году появились три книги, претендующие дать систематическое изложение «теории хозяйства: А. Браунталя «Современное хозяйство и его законы», Эмиль Вальтера «Капитализм» и бр. Нельтинг «Введение в теорию хозяйства». Авторы этих книг — не случайные люди в рядах II Интернационала, они до сих пор руководили партпросвещением социал-демократических партий в Германии, Австрии и Швейцарии, т. е. фактически в течение ряда лет воспитывали новые кадры социал-фашизма. Поэтому их труды заслуживают с нашей стороны сугубого внимания,— тем более, что они дают представление о целой системе экономических взглядов социал-фашизма.

В предисловии к только что появившемуся 25-му изданию «Экономического учения К. Маркса» Карл Каутский пишет, что в первых изданиях он излагал лишь первый том «Капитала», потому что «до войны рабочий класс интересовался теми явлениями, которые лежат в основе классовых противоречий между капиталом и наемным трудом и определяли пролетарскую классовую борьбу. Мировая война создала новую ситуацию. Рабочий класс становится все более в положение, которое требует защищать не только особо узкие классовые интересы, но и общие интересы процесса производства в целом, всей общественной жизни вообще»¹. Отсюда, разъясняет Каутский, рабочий класс должен переключиться с изучения I тома «Капитала» на II и III тома, которые посвящены анализу процесса обращения капитала и процесса производства в целом.

Еще четыре года тому назад в предисловии к наряду изданию II тома «Капитала» Каутский писал, что процесс обращения в послевоенном капитализме играет большую роль, чем процесс производства капитала, и поэтому до войны рабочие должны были интересоваться первым томом, а после войны вторым

¹ К. Kautsky, Karl Marxes Oekonomische Lehre, 1870, S. XIV.

томом. Чем мотивирует Каутский такое перемещение центра тяжести во всей системе экономического учения Маркса? На это читатель легко найдет ответ в том же предисловии. Каутский пишет: «В процессе обращения выступает явление, которое для блага и преуспевания рабочих имеет наибольшее значение и не теряет в своем весе от того, что здесь до известной степени рабочие и капиталисты имеют общие интересы»². Уже здесь Каутский хотел привить рабочему классу точку зрения гармонии интересов между пролетариатом и буржуазией в процессе обращения. Сейчас он выступает еще смелее и эту гармонию интересов распространяет на весь процесс производства в целом.

Теоретики социал-фашизма переносят центр тяжести внимания с процессов производства на процессы обращения и выдают последние за основные процессы хозяйства не только потому, чтобы скрыть источники образования прибавочной стоимости и основы классовой борьбы, но чтобы оправдать социал-фашистскую практику примирения между трудом и капиталом, практику предательства интересов рабочего класса. Эту же цель ставит себе Карл Реннер, «популярно» экономическое учение Маркса в своей книге «Хозяйство как целостный процесс и социализация». Тов. Спектатор в предисловии к переводу этой книги на русский язык не обратил внимания, что переводчик подменил название самой книги другим — «Теория капиталистического хозяйства», очевидно для того, чтобы придать Реннеру марксистско-образный вид, между тем как Реннер в этой книге стремится дать не теорию капиталистического хозяйства, а теорию хозяйства вообще. Заменой названия книги скрыли истинное намерение самого автора ее³. Уже в этой «теории хозяйства» Реннер «изгнал» стоимость и прибавочную стоимость из политэкономии, сосредоточив свое внимание исключительно на процессе обращения. Последний по Реннеру является для «капиталистического способа ведения хозяйства не только характерным, но и решающим моментом» (с. 12).

Реннер в условиях капиталистического общества и Рубин в условиях советского строя шли разными путями к одной и той же цели: Рубин представил политэкономии без прибавочной стоимости и классовой борьбы, Реннер вытравливает даже стоимость из политэкономии. Выступая в условиях диктатуры пролетариата и господства марксистско-ленинских взглядов, Рубин должен был конечно прибегнуть к более утонченной маскировке меньшевистских взглядов. Противопоставляя отношение обмена отношениям производства, Рубин затуше-

² Карл Каутский, Предисловие к народному изд. II т. „Капитала“, с. XIX.

³ В введении к этой книге Реннер делает гнусный выпад против социалистического строительства в СССР. Он пишет: „Некоторые эксперименты, в первую очередь, русский эксперимент, были затеяны с большой смелостью, но большинство из них не достигло результатов и прямо сели на мель, именно потому, что они игнорировали или не приняли во внимание законов обращения“. Против этого выпада переводчик этой книги, изданной у нас в 1928 году, Г. Гермаидзе делает следующее примечание: „Неясно о каких „экспериментах“ или опытах советской власти говорит Реннер: имеет ли он в виду мероприятия в период военного коммунизма или социализацию промышленности вообще? Откуда он берет, что не приняты во внимание законы обращения? Меньше всего это относится к мероприятиям советской власти, которая с самого начала поставила банки под контроль и ставит в настоящий момент проблему организации обращения во главу угла“. К. Реннер, Теория капиталистического хозяйства, стр. 3. Эта „защита“ Гермаидзе показывает, что он уже тогда стоял на антиленинских, правоопортунистических позициях, солидаризируясь с Реннером о необходимости ставить „проблему обращения во главу угла“.

ываает отношение самого процесса капиталистического производства, отношение эксплуатации рабочего класса.

Реннер куда откровеннее Рубина. Рубин представлял стоимость и другие категории капиталистического хозяйства как чисто социальные формы, обусловленные имущественными отношениями капиталистического общества. Реннер представляет весь хозяйственный процесс как социальный процесс, потому что «Современное хозяйство объединяет многие тысячи людей, имеющих отдельные желания, но образующие единый, так сказать, волевой механизм» (с. 20). Где же классы и классовая борьба в этом «едином социальном организме»? Теория Реннера представляет собой расширенное воспроизводство социальной теории Рубина на более широкой основе, как и рубинская теория представляет собой специальное издание реннеровских идей для советского читателя.

Молодые теоретики социал-фашизма продолжают дело Каутского, Реннера и Рубина, стремясь, как они сами говорят об этом, «приспособить марксову теорию к современным условиям хозяйства» (из предисловия Вальтера к своей книге «Капитализм»). Браунталь предупреждает в своем предисловии, что он придерживается марксистского метода, но не системы взглядов Маркса. Эмиль Вальтер заявляет, что он остается марксистом, но не придерживается буквы марксова учения. Братья Нельтинг откровеннее других. В предисловии к своей книге они заявляют, что книга их написана на основе законов учения Франца Оппенгеймера, конкретного материала Вернера Зомбарта и тенденций, указанных Карлом Марксом. Браунталь подобно Реннеру изучает законы развития хозяйства вообще. Нельтинг подобно Оппенгеймеру различает «чистую экономию» и «политическую экономию» — экономию хозяйства вообще и экономию современного хозяйства.

Все эти книги дают полное представление о всей экономической концепции социал-фашизма. Но мы в этом очерке ограничиваемся обзором взглядов вышеуказанных авторов только по одному вопросу, по вопросу о теории стоимости, которая является основой марксовой политэкономии, ключом к пониманию всего учения Маркса.

Маркс, как известно, начинает свое исследование с анализа товара, с «простейшего экономического конкретного явления», с «элементарной формы» богатства общества, в котором господствует капиталистический способ производства, с основной «клеточки» всей капиталистической ткани, но не с анализа стоимости. И это не случайно. Маркс анализирует стоимость лишь как одну из форм, в которых проявляется товар. Марксу важно было прежде всего вскрыть характер товара, формы проявления его и противоречивые формы проявления. В опубликованной теперь впервые статье (вернее говоря, заметке) о книге Адольфа Вагнера Маркс неоднократно подчеркивает, что предметом его анализа является не стоимость, а товар: «Я исхожу вовсе не из «понятий», а следовательно не из «понятия стоимости» и поэтому не имею никакой нужды в «делении» последнего. Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, а это и есть «товар»⁴. Только анализ товара дает возможность вскрыть двойственный характер товара, двойственный характер труда, образующего его, и не только абстрактного и конкретного, но и общественного

⁴ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. V, с. 395.

и частного труда, которые являются различными сторонами проявления основного противоречия капиталистического общества — противоречия между общественным характером производства и частным присвоением. В анализе товара и форм его проявления уже вскрываются противоречия капитализма в самой элементарной их форме.

Вместо анализа товара у Рубина встречаем анализ стоимости. Преступление Рубина в политэкономии заключается не только в том, что он пытается представить систему экономических взглядов Маркса без прибавочной стоимости и заработной платы, в извращении взглядов Маркса в теории стоимости, но и в том, что Рубин с самого начала вместо анализа товара направил исследование только на одну из форм проявления товара, на исследование стоимости, чем он и скрыл основные противоречия капитализма, выявляющиеся уже в простой форме стоимости товара.

Для Браунталя, Вальтера и Нельтинга даже не существует проблемы анализа товара и его противоречия.

Мы тем не менее принуждены начать свой очерк с анализа теории стоимости, говоря словами Энгельса: «И нам остается, только воскликнуть вместе с г. Дюрингом: «Учение о стоимости есть пробный камень для определения достоинства экономических систем»⁵.

Браунталь изображает теорию стоимости в таком виде. Существуют две группы теорий: одна из них рассматривает образование стоимости и цен с точки зрения предложения, другая — с точки зрения спроса. К первой группе Браунталь относит теорию издержек производства и теорию трудовой стоимости Маркса, ко второй — австрийскую школу. Сторонники первой группы, разъясняет Браунталь, кладут в основу образования стоимости — производство, сторонники второй — потребление. Марксова теория стоимости в концепции Браунталя занимает очень скромное место как одна среди многих других теорий стоимости и имеет весьма ограниченное применение. Она, как уверяет Браунталь, в состоянии объяснить лишь стоимость и ценообразование продуктов неограниченно воспроизводимых. Стоимость и ценообразование ограничено воспроизводимых продуктов марксова теория, по заявлению Браунталя, не в состоянии объяснить.

Но как Браунталь интерпретирует марксову теорию стоимости? Браунталь не различает потребительной и меновой стоимости, он не видит частного и общественного труда, он не знает конкретного и абстрактного труда, для него нет никаких противоречий в процессе образования и выявления стоимости; он говорит лишь о стоимости вообще. Марксову теорию стоимости Браунталь выставляет в таком свете, что она сделала один шаг вперед по отношению к классикам буржуазной политэкономии тем, что Маркс ввел новое понятие об общественно-необходимом рабочем времени. «Большой прогресс, — пишет Браунталь, — представляет собою марксова теория по отношению ко всем предыдущим трудовым теориям стоимости, и он состоит в том, что общей мысли об определении стоимости товаров трудом, в своей общей форме бесплодной мысли, Маркс придал количественное выражение»⁶. Никакого качественного различия между марксовой теорией стоимости и теорией стоимости буржуазных классиков Браунталь не видит, как и не понимает самой качественной стороны марксовой теории стоимости.

⁵ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 224.

⁶ А. Браунталь, Die Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze, 1930, с. 29.

Кроме того, Браунталь находит еще целый ряд недостатков в марксовой теории стоимости, которые он стремится исправить. Эти «недостатки» заключаются в следующем:

1. Маркс, уверяет Браунталь, недооценивает влияния такого ценнообразующего фактора, как капитал, и поэтому, пишет Браунталь, «нельзя издержки производства свести к труду». Величина затраченных в производстве капиталов влияет на образование цен. Составной частью издержек производства являются проценты на капитал, и поэтому капитал участвует в образовании стоимости и цены. Включая среднюю норму прибыли в цену производства, умозаключает Браунталь, Маркс тем самым вывел капитал, как один из факторов, определяющих стоимость, и вернулся к теории издержек производства Адама Смита.

2. Маркс, продолжает Браунталь, определяет стоимость товаров трудом, затраченным на производство их в общественно-необходимое рабочее время. Под средним общественно-необходимым временем Маркс, как мы знаем, понимает «то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительской стоимости при наличных общественно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда».

Браунталь считает, что Маркс в этом определении не учел одного, весьма существенного (!) обстоятельства, а именно действующего патентного права. Он пишет: «Пока какое-либо изобретение техники защищено патентом, оно не может стать общественным достоянием, и стоимость товаров поэтому определяется не количеством потраченного труда, необходимого предпринимателю для производства его, но тем количеством труда, которое употребляется другими предпринимателями (не имеющими патента), и последний является общественно-необходимым»⁷.

3. Маркс, говорит Браунталь, не учитывает квалификации и сложности труда при образовании стоимости. Маркс по Браунталю только поставил проблему простого и сложного труда, утверждая, что «сравнительно сложный труд есть только возведенный в степень или скорее помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большому количеству простого», но не дал тех коэффициентов, при помощи которых можно было бы сравнить труд инженера с трудом текстильщика. Определение Маркса по отношению к сложному и простому труду не в состоянии объяснить процесса образования стоимости в тех случаях, когда применяется труд индивидуальной квалификации. И здесь Браунталь выдвигает пример труда известного в Германии опереточного артиста Палленберга. «Во всех этих случаях, пишет Браунталь, трудовая теория стоимости беспомощна что-либо объяснить». «Цена таких товаров объясняется другими законами, чем законом трудовой стоимости»⁸.

Чему здесь больше удивляться — эклектизму, вульгаризации или безграмотности автора? В концепции Браунталя читатель легко найдет винегрет учений Смита, Сэя, Оппенгеймера и Диля. Уже Рикардо вскрывал противоречивость теории стоимости Смита, хотя от нее продолжают брать начало почти все буржуазные школы (классическая, вульгарная, австрийская). Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» неоднократно указывал на всю противоречивость трудовой теории стоимости Смита, который, с одной стороны, чуть ли не дошел до пра-

⁷ A. Braunthal, Die Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze, 1930, S. 30.

⁸ Ibid, S. 35.

вильного понимания характера стоимости и прибавочной стоимости, а с другой, — видел в прибыли заработной плате и ренте факторы, определяющие стоимость товара. Прошло свыше 100 лет, как даже буржуазная политэкономия раскритиковала смитовские взгляды. Но это не смущает Браунталя. Он не находит для себя ничего лучшего, как искать убежище у классиков буржуазной политэкономии, и даже опускается до плоских теорий вульгарной политэкономии, ища в капитале фактора, влияющего на образование стоимости и цены. Банальные и пошлые теории вульгарной буржуазной экономики Браунталь подкрашивает идеями социально-либеральной школы Франца Оппенгеймера и социальной правовой школы Карла Дилья.

Это Оппенгеймер противопоставлял теорию Маркса как *Arbeitszeittheorie* теории классиков как *Arbeitswerttheorie*. Это Карл Диль ввел элементы права в политэкономия и продолжал путь Штаммлера, согласно учению которого право определяет собой хозяйство. Идя по стопам Дилья, Браунталь ищет в патентном праве новый ценообразующий фактор и считает его даже необходимым коррективом для понимания марксовой теории стоимости.

Но Браунталь на этом не останавливается и по справедливости отдает дань и другим школам современной буржуазной политэкономии, включая все остальные школы в свою «широкую систему» взглядов о законах современного хозяйства. Браунталь не ограничивается извращением марксовой теории, но на виду у всех ведет двойную, если не тройную, бухгалтерию. Браунталь, «придерживаясь марксистского метода» в политэкономии, как он об этом заявляет в предисловии к своей книге, в то же самое время является сторонником теории предельного производителя, также как и теории предельной полезности. Марксова теория стоимости в концепции Браунталя неприменима для объяснения стоимости продуктов, ограниченно воспроизводимых, монопольных продуктов. Здесь Браунталь призывает на помощь Франца Оппенгеймера, который определяет цену товаров издержками производства при наихудших условиях производства. В зависимости от состояния спроса на рынке, производство при увеличении спроса распространяется и на худшие предприятия, а при сокращениях спроса ограничивается лучшими предприятиями. Последний производитель, работающий при наихудших условиях производства, но который должен быть привлечен для удовлетворения возросшего спроса, является предельным производителем, и издержки его производства определяют стоимость и цену товаров.

И когда все эти теории по Браунталю не в состоянии объяснить закона стоимости, то он прибегает к последнему пристанищу — к австрийской школе. Выводы австрийской школы Браунталь считает правильными. Он пишет: «За теорией предельной полезности необходимо без всяких оговорок признать, что установленные ею законы о насыщении потребностей, об очередности потребностей, разложении запасов благ на частичные количества, оценки благ по их предельной полезности, как и вытекающие из этого последствия для объяснения процессов обмена и производства, являются правильным, без того, чтобы из этого делать вывод о том, что законы ценообразования находят в них полное разрешение»⁹.

Наилучшим выходом из этого положения Браунталь считает синтез всех этих теорий (буржуазных и марксовых), которые только вме-

⁹ А. Braunthal, *Die Wirtschaft der Gegenwart und die Gesetze*, 1930, S. 45.

сте взятые в состоянии об'яснить образование стоимости. Браунталь поэтому считает математическую школу, которая об'единяет все элементы буржуазных школ, а по существу, как известно, ничего не об'ясняет, «наиболее плодотворной», она, по его заявлению, «применила наиболее важные и верные результаты теории трудовой стоимости, теории предельной полезности, подчеркивая принцип издержек производства, с одной стороны, и принцип полезности, с другой стороны»¹⁰.

Перед нами, таким образом, не только апологетика буржуазной экономической мысли, но до жути эклектическая система взглядов, до которой не доходила даже ни одна буржуазная школа. Полнейшая беспринципность, система бессистемности, сваливание в одну кучу всего что угодно, самых противоречивых взглядов буржуазной политэкономии, лишь бы не спорить с кем бы то ни было, лишь бы кого-нибудь не задеть,—вот в чем сущность концепции Браунталя. Главный же смысл ее заключается в том, чтобы запутать вопрос и вытравить все то, что могло бы вести к правильному об'яснению явлений, к вскрытию классового характера современного общества, и обосновать гармонию интересов труда и капитала.

Даже Елена Бауер на страницах теоретического органа австромарксизма, восхваляя книгу Браунталя как крупнейшее явление в марксистской литературе, должна была пожуричь автора за его об'ективизм ко всем теориям стоимости, за его беспристрастное и не критическое отношение к ним, за его неосторожное обращение с марксовой трудовой теорией стоимости¹¹. В этом отношении австромарксисты до недавнего времени были куда осторожнее новых теоретиков социал-фашизма и на словах, по крайней мере, еще признавали теорию Маркса.

Но тот же теоретический орган «Kampf» только за месяц до этого поместил статью без всяких примечаний со стороны редакции, в которой заявляется, что теория стоимости Маркса оказалась неприменимой к современному хозяйству и ошибочной¹². Свои возражения автор этого утверждения обосновывает, во-первых, тем, что известный профессор статистики Борткевич еще 25 лет тому назад математически доказал, что «сумма цен товаров не равна сумме стоимости их» (автор при этом ссылается также на Отто Бауэра, который это противоречие между ценой и стоимостью уже давно признавал), во-вторых, что Эдуард Гейман (тоже социал-демократ) недавно выдвинул новое обвинение против марксовой теории стоимости и цен.

Гейман утверждает, что рабочие покупают средства потребления, произведенные в тех отраслях промышленности, в которых органический состав капитала низок и, следовательно, прибыль, получаемая предпринимателями в этих отраслях, согласно учению Маркса о средней норме прибыли, ниже той прибавочной стоимости, которая в этих отраслях создается. Отсюда, заключает Гейман, цена производства продуктов этих отраслей ниже стоимости их. Рабочие, рассуждает дальше Гейман, покупая продукты этих отраслей промышленности,

¹⁰ Ibid., S. 46.

¹¹ „Kampf“ № 10, 1930, S. 426.

¹² Hans Zeisl, Ein Einwand gegen die Marxische Wertlehre, „Kampf“ № 9, 1930, S. 391.

получают обратно часть созданной ими прибавочной стоимости. Из этого вытекает, говорит Гейман, что капиталисты получают не всю прибавочную стоимость, что сумма прибыли ниже суммы прибавочной стоимости и, таким образом, нарушается основное условие соответствия всей суммы цен всей сумме стоимостей, ибо вся сумма прибыли не соответствует всей сумме прибавочной стоимости. Поэтому автор этой статьи предлагает признать марксову теорию стоимости ошибочной и сохранить из марксова наследства только теорию цен и установленные Марксом «социологические закономерности» развития хозяйства ¹³.

Против такого бесцеремонного обращения с марксовою теорией «наследники» Маркса, какими себя еще считают австро-марксисты, выдвинули швейцарского социал-демократа Эмиля Вальтера, который на страницах того же органа призывает к порядку зарвавшегося критика Маркса ¹⁴. Не отвечая по существу, Вальтер лишь ссылается на свои труды, в которых он доказывал, что теорию стоимости Маркса еще не следует ликвидировать. Как Вальтер это «доказал», в какой мере он сам придерживается теории стоимости Маркса, покажет ближайший разбор основной работы самого Вальтера, к которому мы сейчас и приступаем.

Попутно заметим, что уже в цитированной нами статье Елена Бауэр выбалтывает секрет полишинеля — почему австро-марксисты еще не могут официально отказаться от теории стоимости Маркса. Она признает, что «игра сил на свободном рынке, особое ценообразование при господстве картелей, влияние государства на образование дохода, — все это явления, для объяснения которых не обязательно нужно привлекать теорию трудовой стоимости. Всякая рыночная цена товара или услуги (!) может наверное быть понята из построения издержек производителя, из особых условий производства предельного производителя, который в противовес мнению Браунталя не должен быть оставлен без внимания и при анализе неограниченно воспроизводимых продуктов — из «калькуляции» и «мотивизации» рыночных партнеров» ¹⁵. Для объяснения цен, — говорит Елена Бауэр, — теория стоимости не нужна, но она нужна — ларчик просто открывается — для агитационных целей, «для власти над умами», говоря словами Елены Бауэр, для того, чтобы рабочий чувствовал себя создателем стоимостей. Поэтому и только поэтому австро-марксисты считают пока еще нужным, по крайней мере, на словах «охранять наследство Маркса».

«Ортодоксальный» марксист Эмиль Вальтер претендует своей книгой «Капитализм» заполнить существующий пробел в марксистской литературе — дать «систематическое введение в марксистскую экономическую науку», как об этом заявляет автор предисловия к своей книге. Но он, как и его коллега Браунталь, оговаривается, что придерживается только «марксистского метода», а не буквы учения Маркса и стремится, как мы уже указали, приспособить марксову теорию к современным условиям хозяйства.

До чего доходит приспособление Вальтера к современной буржуазной экономической науке, показывает ближайший анализ теории стоимости в концепции Вальтера. В своей объемистой книге Вальтер посвящает марксовою теории стоимости несколько страниц и

¹³ Hans Zeisl, Ein Einwand gegen Marxistische Wertlehre, „Kampf“ № 9, 1930, S. 394.

¹⁴ Emil Walter, Liquidation der Wertlehre? „Kampf“ № 10, 1930, S. 429.

¹⁵ Helene Bauer, Ein sozialistisches Lehrbuch, „Kampf“ № 10, 1930, S. 427.

подобно Браунталю утверждает, что Маркс дополнил теорию Рикардо общественно-необходимым рабочим временем. В анализе Вальтера теории стоимости нет ни слова о двойственном характере труда, о частном и общественном труде, ни слова об абстрактном и конкретном труде, т. е. нет того, о чем Маркс писал еще Энгельсу в 1857 году: «В моей книге самое лучшее — это, во-первых (на этом основывается все понимание facts), подчеркнутый мною уже в первой главе двойственный характер труда, смотря по тому выражается ли он в потребительной или меновой стоимости»¹⁶.

Говоря о меновой стоимости и о развитии отдельных форм стоимости, Вальтер не вскрывает ни одного противоречия, присущего товарному хозяйству, начиная с простой, единичной или случайной формы стоимости и лежащего в основе всякого товарно-капиталистического хозяйства. Вальтер, так же как и Рубин, учит, что закон стоимости является результатом равновесия между отраслями производства, существующего в простом товарном хозяйстве. «Условной предпосылкой действия в законах стоимости, — пишет Вальтер, — является приблизительное равновесие условий производства в разных отраслях производства и собственность товаропроизводителей на средства производства и сырье»¹⁷ (разве сырье не входит в средства производства? — Ю. Г.). Вальтер, как и Рубин, исходит из презумпции того, что в простом товарном производстве существует равновесие, которое нарушается и выравнивается путем движения цен на рынке. «Без пропорционального распределения труда между различными отраслями хозяйства товарное общество существовать не может»¹⁸, писал Рубин. Между тем как Маркс писал лишь о «тенденции различных сфер производства к равновесию», и эта тенденция «обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия». В простом товарном хозяйстве, не говоря уже о товарно-капиталистическом хозяйстве, нет «равновесия», как этого требует Вальтер, и нет «пропорционального распределения труда», как этого требует Рубин, а имеется постоянное нарушение равновесия и постоянная реакция против этого нарушения в виде тенденции к равновесию.

По Вальтеру закон стоимости действует лишь в одном простом товарном хозяйстве. «С развитием конкуренции капитала за различные сферы производства закон стоимости заменяется (!) законом цены производства капиталистического товарного хозяйства». Реальным ступеням развития хозяйства, исторически отделенным друг от друга, соответствуют теоретические ступени¹⁹: простому товарному хозяйству соответствует стоимость, промышленному капитализму — цена производства, а эпохе финансового капитала — монополярная цена.

Цена производства, как известно, является развитием закона стоимости на основе капиталистического производства. «Закон стоимости свободно развивается как раз на основе капиталистического производства»²⁰. Вальтер находит весьма оригинальный выход из этого «противоречия». Стоимость и цена производства — различные исторические категории и соответствуют разным ступеням хозяйства. Они определя-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Полн. собр. соч., т. XXIII, с. 431.

¹⁷ Emil Walter, *Der Kapitalismus*, 1930, S. 68.

¹⁸ И. Рубин, *Очерки по теории стоимости*, изд. 3-е, с. 91.

¹⁹ Emil Walter, *Der Kapitalismus*, 1930, S. 75.

²⁰ „Капитал“, т. I, гл. XVII.

ются различными факторами. «Закон стоимости, — пишет Вальтер, — имеет исторически-ограниченное действие, в товарно-капиталистическом хозяйстве он превращается в закон цены производства»²¹. «В товарно-капиталистическом хозяйстве условия обмена решает не эквивалентность затрат труда, но цена, которая определяется величиной капитала»²². К этому нелепому выводу Вальтер, как и Браунталь, приходит на основании того, что цена производства определяется издержками производства и средней нормой прибыли, а последняя зависит от величины вложенного капитала, следовательно, капитал определяет цену производства. «Владельцы товаров выступают не как равноправные товаропроизводители, а противостоят друг против друга как представители больших или меньших масс капитала». «В простом товарном хозяйстве труд определяет меновую стоимость, а в капиталистическом товарном хозяйстве ее определяет капитал»²³, — вот финал, к которому приходит швейцарский «марксист» Эмиль Вальтер.

Но Эмиль Вальтер, кроме того, так же, как и Браунталь, является одновременно и сторонником австрийской теории предельной полезности: «Теря предельной полезности не без права, — пишет Вальтер, — указывает на общую базу товарного обращения: размер и величина товарооборота определяются на деле потребностями и возникновением новых потребностей», и дальше: «Если в простом товарном хозяйстве отношение обмена определяется предельной полезностью затраты труда и в капиталистическом товарном хозяйстве предельной полезностью прибыли, то в социалистическом хозяйстве отношение обмена (!) определяется предельной полезностью социальных потребностей, причем покупательная способность (!) отдельных членов общества не будет зависеть от закона собственности»²⁴.

От Маркса к Рикардо, от Рикардо к Бем-Баверку, от последнего к Оппенгеймеру — таков путь страданий современного теоретика социал-фашизма.

В эпоху финансового капитала цены производства у Вальтера превращаются в монопольные цены. Последние по Вальтеру зависят не столько от цены производства и не столько от средней нормы прибыли, сколько от сверхприбыли, которая представляет собою различные виды ренты, транспортная, патентная, производительная рента (в зависимости от источника ее происхождения). Уже теперь не величина капитала определяет цены товаров, а социальная власть монополистических организаций. «Борьба за прибыль становится политической борьбой как в национальном, так и интернациональном масштабе»²⁵, пишет Вальтер.

Монопольные цены, в концепции Вальтера таким образом становятся политическими ценами. Этот лейтмотив экономического учения социал-фашизма проходит красной нитью через все труды молодых теоретиков.

Еще два года тому назад Карл Реннер, выступая с докладом в Гейдельбергском университете, дал обобщающую формулировку тем сдвигам, которые произошли в теории социал-фашистов. Все экономические категории капиталистического хозяйства Реннер

²¹ Emil Walter, Der Kapitalismus, S. 168.

²² Ibid., S. 170.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid., S. 403.

²⁵ Ibid., S. 407.

считает политическими категориями: политические цены, политическая прибыль, политическая рента, политическая заработная плата и т. д.—подчеркивает Реннер²⁶. Все эти категории определяются по заявлению Реннера соотношением сил в политической жизни, соотношением сил политических партий. Величина каждой из этих категорий зависит от той или иной политики. Истинный смысл такого полного и открытого извращения марксовой экономической науки выявил Гильфердинг в своей речи на Кильском партийтаге, говоря: «Мы должны вбить в голову каждого рабочего, что недельная зарплата — есть политическая зарплата, что от силы парламентского представительства рабочего класса, от силы его организации и соотношения социальных сил вне парламента, зависит величина зарплат»²⁷. Гильфердинг надеется такой теорией политической заработной платы покупать голоса рабочих на выборах и обеспечить поддержку своей партии в среде рабочего класса.

Политические категории Реннера, Нафтали, Браунталя, Вальтера и Нельтинга являются только дальнейшим развитием основной установки, данной Гильфердингом в этой речи.

Братья Нельтинг еще откровеннее, чем Браунталь и Вальтер. Они даже не считают больше нужным прибегать к марксистской фразеологии. В их концепции стоимость играет еще меньшую роль, чем в концепции Браунталя и Вальтера. Стоимость для Нельтингов является категорией, которая встречается в чистой, абстрактной экономике; в политэкономии, в экономике современного хозяйства ей вообще нет больше места. В последней безраздельно господствует цена. Стоимость представляет собою, — учат Нельтинги, — естественную цену. Естественная цена лежит в основе эквивалентного обмена. Только в чистой экономике, в хозяйстве вообще, обмен происходит на началах эквивалентности. В политической экономике современного хозяйства обмен совершается на основе соотношения сил. Цена является социальной формой выражения этого соотношения сил. Она ни в какой связи с естественной ценой не находится.

Естественную цену Нельтинги также называют меновой стоимостью, которая представляет собою «овеществленное рабочее время», но эта меновая стоимость ничего общего с марксовым учением о стоимости не имеет, так как «естественная цена», согласно теории Нельтингов, образуется из издержек производства плюс рабочей (!) прибыли²⁸. А чем определяется величина последних двух категорий, Нельтингов мало интересует, так как сама естественная цена в конкретной экономике применения и значения не имеет.

В буржуазной политэкономии распространено мнение Касселя, что стоимость вообще является ненужной категорией для объяснения тех процессов, которые происходят в современном хозяйстве. Изгоняя стоимость из политэкономии, Нельтинги идут по стопам Касселя и возвращаются не только к Адаму Смиту, но концепция взглядов их представляет собой большой шаг назад по сравнению с буржуазными классиками, как и вся современная буржуазно-экономическая наука стоит далеко позади классической школы политэкономии.

²⁶ Karl Renner, Staatswirtschaft, Sozialwirtschaft und Weltwirtschaft, 1929, S. 53.

²⁷ Protokoll des Sozialdemokratischen Parteitag in Kiel, 1927, S. 170.

²⁸ G. u. P. Nöltting, Die Einführung in die Theorie der Wirtschaft, 1930, S. 83.

Вся проблема стоимости, без правильного разрешения которой невозможно объяснить образование прибавочной стоимости и капитала, вскрыть характер заработной платы и источник капиталистических доходов, в концепции Браунталя, Вальтера и Нельтингов вообще не играет большой роли. Она не является самостоятельной и важной проблемой, а играет лишь подчиненную, служебную роль к проблеме цен, которую они считают исходной и основной во всей политэкономии. И в этом отношении они стоят также позади буржуазных классиков.

Аналізу стоимости Рубин предпосылает теорию товарного фетишизма и ставит ее «на более видное место», чем это делал Маркс, но говоря об отношениях людей к людям в процессе производства вне классового содержания этих отношений и считая австрийскую и социальную школы изучающими отношение людей к вещам, менее фетишистскими, чем вульгарных экономистов, Рубин тем самым также стоит на почве товарного фетишизма. Реннер, Браунталь, Вальтер и Нельтинги вообще не видят товарного фетишизма и не считают даже нужным затрагивать такую проблему, потому что они во всех вопросах обеими ногами стоят на основе товарного фетишизма. За отношениями вещей к вещам они не видят отношения людей к людям в процессе производства как классовые отношения. Этот вопрос для теоретиков социал-фашизма даже не существует.

Для того чтобы скрыть свой антимарксистский, меньшевистский, контрреволюционный подход к изучению проблем политэкономии, Рубину понадобилось прикрасить свою подрывную работу извращением теории товарного фетишизма, для того чтобы классовые отношения в процессе капиталистического производства представить как абстрактные социальные формы. Он должен был прибегнуть к такой маскировке потому, что он писал в стране, в которой происходит подлинное строительство социализма и где явные извращения марксизма были бы немедленно разоблачены. Заграничные коллеги Рубина поставлены в «лучшие» условия: господство буржуазии над пролетариатом обеспечивает им возможность проповедывать антимарксистские теории в гораздо менее завуалированной форме, чем это делал Рубин.

Ленинскому тезису о том, что «Маркс применил диалектику Гегеля в ее развитой форме к политической экономии», Рубин противопоставил другое положение, а именно, что Маркс изучает экономические явления с новой «социологической точки зрения». Реннер, Браунталь, Вальтер и Нельтинги также оперируют все время «социологической точкой зрения» и в этом вопросе выявляют свое полное родство с Рубиным. В их работах нет даже никакого намека на применение материалистической диалектики.

Рубин рассматривает отношения людей в процессе капиталистического производства как «владельцев вещей». Реннер пишет об отношениях товаропроизводителей, что «люди выступают в качестве законных собственников, которые заключают друг с другом юридические сделки»²⁹. Нафтали, новейший теоретик германской социал-демократии, рассматривает отношения работодателей и работников (вся современная социал-демократия повторяет избитые пошлости вульгарных экономистов, называя предпринимателей «работодателями», а рабочих «работополучателями»), что в корне противоречит тому,

²⁹ К. Реннер, Теория капиталистического хозяйства, с. 9.

чему учил нас Маркс: предприниматель присваивает чужой труд и поэтому не может быть «работодателем», а наоборот; рабочий отдает свой труд покупателю рабочей силы и поэтому не может быть «работополучателем», а наоборот) как юридические отношения³⁰. Этой же точки зрения придерживаются Браунталь, Вальтер и Нельтинги.

Каутский, Гильфердинг и Отто Бауэр долгие годы выхолащивали революционное содержание марксова учения, но они стремились придерживаться буквы марксова текста, чтобы прикрыть свое отступление от основных положений марксизма. Реннер и Рубин проделали наибольшую работу, чтобы представлять учение Маркса, насквозь пропитанное материалистической диалектикой, как идеалистическое, формалистическое, основанное на схоластике учение, выдавая социальные формы, имущественные и правовые отношения за сердцевину марксова учения.

Браунталь, Вальтер и Нельтинги — создание австро-марксизма — отличаются от своих родителей тем, что они открыто рвут с марксизмом, вульгаризируют все положения экономической науки и являются наибольшими эклектиками среди всех буржуазных школ политэкономии. Старая школа австро-марксизма для обмана рабочих масс еще сохраняла видимость самостоятельного течения политэкономии. Молодые австро-марксисты рвут с традициями своих отцов. Они открыто заключают гражданский мир с буржуазными теориями и проделывают в теории то, что учителя их уже давно сделали в экономике и политике. Они открыто предают интересы рабочего класса на теоретическом фронте, чтобы лишить его того оружия, которое ему выковывали Маркс, Энгельс и Ленин.

Концепции Браунталя, Вальтера и Нельтинга нельзя противопоставлять буржуазным школам политэкономии. Система взглядов этих теоретиков представляет собой одно из течений среди буржуазных экономистов, но которое отличается от других тем, что оно имеет специальное назначение — оно имеет целью затемнение классового самосознания рабочих масс, оно должно привить рабочему классу идею примирения классовых интересов между пролетариатом и буржуазией и оправдать практику предательства социал-фашизма. И с этой целью перенимает у буржуазных экономистов все то, что может служить этой задаче. Изучать поэтому современных теоретиков социал-фашизма можно только в тесной связи с анализом других буржуазных течений в политэкономии. Дальнейший анализ решающих проблем в концепции теоретиков социал-фашизма подтвердит в еще большей мере наш основной вывод, что труды Браунталя, Вальтера и Нельтингов свидетельствуют о полном банкротстве австро-марксизма как самостоятельного течения экономической мысли и об открытом циничном предательстве интересов рабочего класса.

³⁰ Fritz Naphtali, *Wirtschaftsdemokratie*, 1927, S. 129.

Н. ДУБНЕР

НОВЫЙ ВАРИАНТ ЗАТУХАЮЩЕЙ КРИВОЙ

Все острее и острее ощущается невозможность оперировать только прежними показателями, основанными почти целиком и полностью на принципах ценностного учета. Исключительно денежное выражение производственной программы народного хозяйства совершенно так же, как и исключительно ценностный учет основных фондов, является удовлетворительным лишь в условиях капиталистического хозяйства, где оценка успешности действий хозяйствующей единицы определяется размерами присвоения прибавочной стоимости и относительным размером прибылей. В наших же условиях денежное выражение без соответствующего технического учета ведет зачастую к вуалированию степени количественного и качественного использования оборудования и препятствует широкому проведению кооперирования и ряда других рационализаторских мероприятий.

Да и может ли быть иначе, если принципы ценностного учета исходят из мира, где «капитал и самовозрастание его стоимости являются исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для капитала, а не наоборот; средства производства не являются просто средствами для постоянного расширения жизненного процесса общества производителей»¹.

Методы капиталистического учета и его критерии приспособлены к оценке целесообразности с точки зрения присвоения прибавочной стоимости, а не с точки зрения наибольшего развития производительных сил. Ясно, что только с их помощью нельзя решать задачи социалистического планирования.

Вопрос о переходе к новым формам учета и планирования все чаще и настойчивее ставится нашими экономистами и хозяйственниками. Так, т. Павлов пишет²: «Учет производительности труда в ценностном выражении, по отзыву многих заводских работников, почти совершенно не пригоден для оперативных действий по производству, ибо он не достигает отдельного рабочего. Предприятия ведут его, главным образом, для «потребностей» вне завода, для всякого рода отчетов перед многими центральными организациями, для их «сводных отчетов».

Метод учета в нашей промышленности должен быть разработан в соответствии с ее социалистической природой. Самый рост творческой энергии масс требует иных, более близких к жизни показателей, призванных не вуалировать, но обнажать ход производственного процесса. Правильно проведенная натурализация³ показателей создаст новые, более эффективные условия для приближения плана к станку.

¹ «Капитал», т. III, ч. 1, гл. XV.

² „Большевик“ № 18, за 1930.

³ Скорее конкретизация, ибо дело в том, чтобы от стоимостных выражений, выражений абстрактного труда перейти непосредственно к исчислению в единицах конкретного труда. Смотри по этому вопросу наши статьи в „За индустриализацию“ и в „Рационализации производства“ № 19—20.

Для каждого рабочего задачи улучшения производственного баланса станут конкретными и ясными. Выражая производственный процесс не только в маскирующей денежной, но и в конкретизированной форме, мы сможем в еще большей, неизмеримо большей мере направить энергию и инициативу масс на разрешение задач, связанных с улучшением исполнения основных фондов.

Это совершенно правильная и своевременная постановка вопроса не должна, однако, приводить к тому, чтобы уже отказаться сегодня от всякого ценностного учета, ибо он и посейчас еще, поскольку существует денежное обращение, может служить делу регулирования народнохозяйственной жизни. Такие ультралевые попытки неизбежно кончатся вынужденной посадкой на ультраправых позициях.

Именно такой характер и носит выступление т. М. Смит на страницах «Проблемы экономики»⁴. Обрушившись со справедливым негодованием на действительно путаный, эклектичный лепет тезисов Бюро экономических исследований ВСНХ СССР, т. Смит приходит к совершенно неожиданным, в условиях реконструктивного периода, выводам.

Оказывается, что «основной капитал растет гораздо быстрее продукции, а валовая продукция на единицу капитала падает». И явление это закономерно, по мнению т. Смит, во всех условиях, в том числе и в условиях переживаемого СССР реконструктивного периода. Смутьить же этот «факт» может лишь буржуазного экономиста. «Согласно его (англ. экономистка Ф л о к с а—Д.) разумению,—пишет, т. Смит,—чистая продукция должна расти, а не падать, но его разумение весьма далеко от марксизма».

Таким образом, по мнению т. Смит, затухающая кривая продуктивности капиталовложений, исчисленная отношением выпуска продукции на один рубль основных фондов, является законной и неизбежной и в наших условиях. Таким образом, например, проектировка новых фабрик и заводов с меньшим выпуском на рубль вложений является законной и оправданной. Неудивительно, что после таких выводов т. Смит приходит к страшному выводу, что «измерение эффективности капиталовложения явится источником реакционнейших выводов»⁵. И он предлагает вовсе отбросить этот измеритель.

Какими же аргументами располагает т. Смит, чтобы доказать что не только как общая тенденция капиталистического хозяйства, но и в условиях невиданно растущей производственной активности трудящихся масс СССР, в условиях развертывания всех преимуществ планового социалистического хозяйства, бурного перенесения в нашу промышленность новейших технических достижений Европы и Америки, обновления и реконструкции основных фондов, — что и в этих условиях выпуск продукции на один рубль стоимости основных фондов промышленности будет не расти, а падать?

Таких аргументов целых три.

Первый из них якобы основан на взглядах Маркса. Именно так, а не иначе — «трансформируется (?/) в условиях советской экономики (!) кажущееся противоречие падения нормы прибыли и рост производительности и мощи труда» (с. 12). Второй — «весьма

⁴ Журн. «Проблемы экономики» № 2, 1930. Статья «К вопросу об учете эффективности капитальных вложений».

⁵ Там же, с. 22.

элементарные выкладки» (с. 12). И третий — «ряд данных американской, русской довоенной и советской статистики» (с. 19).

Разберем их.

Следует ли из закона тенденции нормы прибыли к понижению, что масса производимой продукции в отношении к вложенному капиталу должна понижаться всегда и во всех условиях, в особенности и в частности в условиях социалистического хозяйства.

Рассуждения т. Смит лишний раз показывают, как попытки перенести закономерности капиталистического способа производства в условия переходного периода хотя бы и в «трансформированном» виде неизбежно приводят к оппортунистическим выводам. Они показывают, насколько и по сейчас актуальна борьба с богдановскими «внеисторическими» установками, неизменно приводящими к протаскиванию буржуазных законов в советскую действительность.

Как трактует закон тенденции нормы прибыли к понижению сам Маркс?

«Каждый индивидуальный продукт, рассматриваемый сам по себе, содержит меньшую сумму труда, чем на низшей ступени производства, где отношение капитала, затраченного на труд, к капиталу, затраченному на средства производства, представляет несравненно большую величину. Последнее, вместе с непрерывным относительным уменьшением переменного капитала по сравнению с постоянным, создает все более высокий органический состав всего капитала, непосредственным результатом чего является то, что при неизменяющейся и даже при повышающейся степени эксплуатации труда норма прибавочной стоимости выражается в постоянно понижающейся общей норме прибыли. (Дальше будет показано, почему понижение наступает не в этой абсолютной форме, а скорее в форме тенденции к прогрессивному понижению). Следовательно, постоянная тенденция общей нормы прибыли к понижению есть только выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, выражение, свойственное капиталистическому способу производства»⁶ (разрядка автора — Д.).

Но отсюда следует лишь то, что по мере роста органического состава капитала во всей продукции и в каждой ее единице все больше удельный вес постоянного капитала и все ниже — капитала переменного, а стал быть понижается и отношение массы прибавочной стоимости как к постоянному, так и ко всему действующему капиталу.

Эта-то тенденция и прокладывает себе путь сквозь ряд противоборствующих явлений, — к ней-то и относится формула Маркса, цитируемые т. Смит на с. 14—15. В результате этой тенденции в конечном счете и в капиталистическом производстве понижается и объем продукции, взятый к вложенному капиталу в целом или к основным фондам производства. Именно поэтому Маркс и подчеркивает, что «понижение выступает не в абсолютной форме, а скорее в форме тенденции к прогрессивному понижению».

Сейчас же вслед за цитированным т. Смит местом, о более высокой норме прибыли в азиатской стране, Маркс добавляет:

«Существует и иной источник неравенства норм прибыли, не зависящий от различного органического состава капитала, следовательно, не зависящий от различия в массе труда, а значит при прочих рав-

⁶ „Капитал“, т. I, с. 191—192.

ных условиях — и прибавочного труда, приводимого в движение равновеликими капиталами в различных сферах производства. Этот другой источник — различия продолжительности периодов оборота капитала»⁷.

Говоря о превращении прибавочной стоимости в прибыль, Маркс обращает внимание на ряд факторов, определяющим образом воздействующих на все элементы капитала, перечисляя стоимость денег, оборот, производительность труда, рабочий день, интенсивность труда и зарплату. Особо важное значение нужно придать обороту.

Анализируя его влияние на норму прибыли, Маркс приходит к выводу, что при капиталах одинакового органического состава, при одинаковой норме прибавочной стоимости и одинаковом рабочем дне нормы прибыли двух капиталов стоят в обратном отношении ко времени их оборотов.

Чтобы выявить влияние этого фактора, проанализируем работу завода, переходящего с односторонней и прерывной работы на трехсменную и непрерывную, — предполагая, что никаких других рационализаторских мероприятий проведено не было.

Допустим, что размер основной части постоянного капитала C^1 составляет 10 000 руб., оборотная часть его C^2 — 120 000 руб.; при этом предположим, что полный износ основных фондов происходит в течение десяти лет и общая, первоначально авансированная стоимость их составляет таким образом $K^1=100\ 000$ руб.

Весь период обращения составляет три месяца и, повторяясь 4 раза в год, требует таким образом приложения $120\ 000 : 4=30$ тыс. руб. (K^2).

Размер переменного капитала примем за 40 000 руб., что соответственно потребует приложения $40\ 000 : 4=10\ 000$ руб. (K^3).

M — прибавочный труд — определим из нормы в 25%, т. е. $40\ 000 \times 0,25=10\ 000$ руб.

Отношение продукции ко всему вложенному капиталу составит

$$\frac{C^1(10\ 000) + C^2(120\ 000) + V(40\ 000) + M(10\ 000)}{K^1(100\ 000) + K^2(30\ 000) + K^3(10\ 000)} = \frac{180\ 000}{140\ 000} = 1,287.$$

Соответственно этому продукция ко всей постоянной части приложенного капитала составит $180 : 130 = 1,388$, а к основному капиталу (т. е. то, что собственно и именуется капитальным вложением) — 1.8.

Как изменится результат при переходе на трехсменную и непрерывную работу?

Время работы основной части постоянного капитала увеличится почти в 4 раза (с 168 часов в месяц при семичасовом дне до 640, т. е. на 375%). Примем, что снашивание и перенесение стоимости на продукт возрастает не в той же пропорции; но лишь в 2,5 раза. C^1 будет равен 25 000 руб.

C^2 и M возрастут прямо пропорционально времени работы предприятия (или агрегата), т. е. C^2 будет равен 450 000 руб., $V=150\ 000$ и $M=37\ 500$.

Но (и это наиболее интересно) нижняя часть отношения не подвергается никаким изменениям. Не изменен основной капитал. Не требует никаких изменений и приложений оборотный капитал, ибо увеличению массы продукции точно корреспондирует соответствующее сокращение производственного цикла, а стало быть

⁷ „Капитал“, т. I, с. 107.

и периода обращения; в данном случае мы взяли для простоты только производственную часть всего периода оборота. Конечно в действительности при определении размера оборотных средств должен быть учтен весь период, т. е. и пребывание средств в сфере обращения.

Таким образом, отношение продукции ко всему вложенному капиталу будет следующим:

$$\frac{C^1(25\ 000) + C^2(450\ 000) + V(150\ 000) + M(37\ 500)}{100\ 000 + 30\ 000 + 10\ 000} = \frac{662\ 500}{140\ 000} = 4,73$$

К размерам же основных фондов продукция составит $662\ 500 : 100\ 000 = 6,625$.

Только перевод на многосменную непрерывную работу в нашем случае повысил отношение продукции ко всему приложенному капиталу и к размеру основных фондов более чем в 3,5 раза (370%).

Учитывая же, что коэффициент сменности в нашей промышленности чрезвычайно низок — в прошлом году он не превышал для машиностроения 1,2—1,3, спускаясь, например, для судостроения до 1,06, — мы видим, какие резервы по части повышения отношения продукции к капиталовложениям имеются как на существующих, так и на вновь проектирующихся предприятиях.

Или, по мнению т. Смит, мы в реконструированной промышленности сохраним те же узкие, лимитирующие места и те же диспропорции в архитектонике предприятия, которые унаследованы от анархически сложившейся промышленности царской России?!

Но ведь многосменность и непрерывка ни в какой мере не исчерпывают возможностей повышения с'ема продукции. Не меньшее значение, чем непрерывка и сменность, будут иметь элементарные мероприятия, как инструктаж на основе технормирования, увеличение скоростей резания, введение сверхтвердых сплавов (сталлит, победит, Vidia), освобождение квалифицированного рабочего от вспомогательных работ и т. д.

А специализация и кооперирование заводов? А введение массового производства и методов непрерывного потока? А рост производительности труда на основе многообразных методов соцсоревнования?

Основная ошибка т. Смит состоит в том, что механически, без учета конкретных особенностей трактуя закон тенденции нормы прибыли к понижению даже для условий капиталистического общества, она перенесла, уже совершенно незакономерно, ту же трактовку на отношение продукции к капиталовложениям, да еще в условиях растущего качественно и количественно социалистического сектора. Тов. Смит не учла, что, сбрасывая вредную тару капиталистических отношений, мы можем и должны обеспечить такой рост производительных сил, который на известный и довольно длительный период будет более весомым, нежели то, что т. Смит именует «трансформацией в условиях советской экономики закона тенденции нормы прибыли к понижению».

Не ограничиваясь совершенно правильной постановкой вопроса о необходимости введения иных критериев, кроме ценностных, кроме «рентабельности», т. Смит ставит себе неблагодарную задачу доказательств своего рода закона убывающей производительности капиталовложений для переходного периода. Практически эта теория является оправданием такого проектирования реконструкции про-

мышленности, когда на новом, либо реконструированном предприятии с ем продукции относительно капитальных вложений будет ниже существующего при нынешнем варварском использовании оборудования.

Для дальнейшего обоснования теории убывающей производительности достаточно, оказывается, нескольких «весьма элементарных выкладок». При этом необходимо вложенный капитал подменить постоянным капиталом — и «дело в шляпе». Фокус готов.

Однако не требуется доказательств того, что при росте органического состава капитала рост продукции относительно постоянного капитала немислим. Самый рост этот подразумевает понижение удельного веса переменной части, повышение удельного веса постоянного капитала в стоимости продукции. Все доказательства — элементарные и сложные — сведутся к тавтологии. Масло — масляное.

Но, по мнению т. Смит, «утверждение вульгарной экономии о том, что эффективность капитальных вложений измеряется продукцией на единицу вложенного капитала», может быть выражено формулой

мулой $\frac{c + v + m}{c}$ и стало бы равнозначно отношению продукции к постоянному капиталу.

Выше мы уже показали, что подобная «интерпретация» понятия вложенного капитала ни в какой мере не является правильной. В главе о производстве абсолютной прибавочной стоимости Маркс напоминает, что один фактор процесса труда, одно средство производства, целиком принимает участие в процессе труда, но лишь частью — в процессе увеличения стоимости⁸.

Правда, трактуя вопрос о норме прибавочной стоимости, Маркс условно приравнивает авансированный капитал к сумме постоянного и переменного капитала ($K = C + V$). Однако тут же автор «Капитала» считает необходимым подчеркнуть условность этого уравнения.

«Со стоимостью продукта сравнивается стоимость элементов производства, потребленных при его образовании. Но мы уже видели, что часть употребленного постоянного капитала, состоящая из средств труда, передает продукту лишь часть своей стоимости, между тем как остальная часть сохраняется в прежней форме своего существования. Так как последняя часть не играет никакой роли в образовании стоимости, то мы можем здесь отвлечься от нее. Введение ее в вычисления ничего не изменило бы»⁹.

Как видим, Маркс считает возможным отвлечься от непотребленной части стоимости постоянного капитала, ибо она «не играет никакой роли в образовании стоимости», и эту часть «пришлось бы ввести в вычисление на обеих сторонах», почему «введение ее в вычисление ничего не изменило бы».

Способ, принятый Марксом при рассмотрении стоимости, т. Смит механически переносит в другую область, не замечая того, что здесь дело обстоит иначе. Ведь при определении отношения продукции к приложенному капиталу непотребленная в процессе производства основная часть постоянного капитала должна фигурировать лишь

⁸ «Различие между процессом труда и процессом увеличения стоимости отражается здесь на их вещественных факторах, потому что одно и то же средство производства как элемент процесса труда целиком входит в данный процесс производства, а как элемент образования стоимости входит частями» («Капитал», т. I, с. 140).

⁹ «Капитал», т. I, с. 146.

в нижней части отношения, и в то же время весь потребленный оборотный капитал будет фигурировать лишь в его верхней части, а в нижней части придется также поместить лишь приложенный капитал, т. е. весь обернувшийся капитал, деленный на число оборотов.

Недопустимость механического перенесения методики рассмотрения стоимости на рассмотрение процессов воспроизводства подчеркнута со всей категоричностью во II томе «Капитала»¹⁰.

Хотя бы подавляющая часть авансированного производительно-го капитала состояла из основного капитала, время воспроизводства, а следовательно, и время оборота которого охватывает цикл многих годов, тем не менее оборачивающаяся в течение года капитальная стоимость может быть больше, чем общая стоимость авансированного капитала; это следствие того, что текущий капитал делает за год несколько оборотов.

Таким образом отождествление авансированного капитала (хотя бы в его постоянной части) с постоянным капиталом «с» недопустимо, и «с» в верхней части отношения, т. Смит, вовсе не будет равно «с» в нижней части! Так в одном из примеров Маркса это отношение равно не единице, а 5 (!). Тов. Смит,

в формуле $\frac{c+v+m}{c}$ ставящая знак равенства между отношением

продукции к постоянному капиталу и отношением продукции к приложенному капиталу (либо даже только к основным фондам), неправа. Формула эта применима, и то с натяжкой, лишь к одному гипотетическому и в масштабе всего народного хозяйства немыслимому случаю, когда основные фонды в течение года снашиваются *in natura*, а время оборота текущей части (оборотных средств) также равно году¹¹.

Ускорение оборота различных составных частей капитала (вместе с рядом других факторов — см. с. 8) ведет к тому, что:

1. Понижение размеров продукции и по отношению к приложенному капиталу даже в капиталистическом обществе действует как тенденция.

2. В моменты бурного подъема, улучшения использования и непрекращающегося развития производительных сил по восходящей кривой, которые переживает социалистическое хозяйство, отношение продукции к приложенному капиталу и к основным фондам может расти даже при росте органического состава капитала и притом в течение длительного периода.

А если это так — рушатся все теоретические построения и элементарные выкладки т. Смита, а с ними и ее практические выводы.

¹⁰ „Часть стоимости С, представляющая постоянный капитал, потребленный в производстве, не совпадает со стоимостью постоянного капитала, приложенного к производству. Правда, производственные материалы потребляются целиком, и потому их стоимость целиком переносится на продукт. Но зато лишь некоторая часть примененного основного капитала потребляется целиком, и, следовательно, лишь стоимость этой части переходит на продукт. Другая часть основного капитала, машины, здания и т. д., существует и продолжает функционировать попрежнему, хотя стоимость ее и уменьшилась вследствие годового снашивания“.

¹¹ Либо к не менее гипотетическому и еще более невозможному практически случаю, когда никакими средствами нельзя улучшить использование оборудования. Но это бы обозначало предел технического прогресса, т. е. представляет собой *pointeus*.

Формула отношения годовой продукции к капиталовложениям оказывается значительно сложнее. Даже принимая за неизменные прочие факторы (стоимость материалов и т. д.), она примет следующий вид $\frac{c + v + m}{c^1 n + \frac{c^2 + v}{n^1}}$, где c^1 — основная часть постоянного капитала, c^2 —

его обратная часть, n — число лет полного износа основных фондов, а n^1 — число оборотов в год всего оборотного капитала, а n — число лет работы основного капитала вплоть до его износа *in natura*.

Тов. Смит не дает точного определения тому, что она понимает под капиталовложениями. Под отношением к вложенному капиталу можно понимать отношение годовой продукции

а) ко всему авансированному постоянному и переменному капиталу (см. формулу выше);

б) к авансированному постоянному капиталу. В таком случае приведенная формула примет вид $\frac{c + v + m}{c^1 n + \frac{c^2}{n^1}}$;

в) либо, наконец, только к основной части авансированного капитала $\frac{c + v + m}{c \cdot n}$.

Отличие этих формул от универсальной формулы т. Смита в том, что они вводят факторы, абстрагирование от которых делает формулы т. Смита столь же подкупающе простыми, сколь и несоответствующими явлениям действительной жизни. Бурный темп роста органического состава капитала в условиях переходного периода может и должен сопровождаться еще более бурным ростом развития производительных сил и в том числе улучшением использования основных фондов — существующих и вновь вводимых в действие.

Тенденция нормы прибыли к понижению, закономерность капиталистического способа производства, базирующегося на стоимости, не действует в условиях социалистического хозяйства ни в непосредственном, ни в «трансформированном» виде.

Но ведь т. Смит уверяет, что факты подтверждают ее теорию, что «из ряда данных американской, русской довоенной и советской (!) статистики явствует совершенно определенно, что основной капитал растет гораздо быстрее продукции, а валовая продукция на единицу капитала падает»¹².

Это положение т. Смит иллюстрирует таблицами.

Мы ни в какой мере не хотим защищать эклектических установок авторов цитируемого т. Смита документа. Но поразительно то, что т. Смит могла без критики принять эти цифры, обосновывающие собой злостную клевету на способность победоносного пролетариата развернуть производительные силы социалистического хозяйства.

¹² Журн. „Проблемы экономики“ № 2, 1930, с. 19.

Первые таблицы — практика САСШ:

Г о д ы	И н д е к с			Г о д ы	И н д е к с		
	Физического объема основ- ного капитала	Физического объема про- дукции	Числа рабо- чих		Физического объема основ- ного капитала	Физического объема про- дукции	Числа рабо- чих
1899	100	100	100	1915	266	189	154
1905	140	145	125	1920	407	231	193
1910	208	159	144	1922	431	240	191

Нам неизвестна методика исчисления этих таблиц. Однако данные комиссии Гувера («Новейшие изменения в экономике САСШ») дают ту же тенденцию, хотя и в значительно ослабленном виде.

Следует обратить внимание на то, что в годы высокой конъюнктуры объем продукции приближается к стоимости основных фондов (1904 г. в табл. т. Смит, 1918 г. в табл. Гувера). Тем не менее тенденция для САСШ неоспорима.

Не доказывает ли это что-либо кроме того, что даже в передовой стране капиталистического мира, именно в ней — развитие производительных сил сквано производственными отношениями капиталистического хозяйства?

Кто и что дает право утверждать, что так было, есть и будет в условиях переходного периода. Данные советской экономики позволяют утверждать обратное — у нас этого не было, нет и не будет.

Прежде всего приведем аналогичную американской таблицу развития советской социалистической промышленности¹³:

Г о д ы	Стоимость осн. фондов ¹⁴ (средн. действ. без электростроит.) в млрд.	%	Производство в ценах 1926/27 в млрд.	%	На 1 руб. основного фонда	
1925/26	5 250	100	7 210	100	1,37	100
1926/27	5 670	108	8 700	120	1,535	112
1927/28	6 320	121	11 200	155	1,77	129
1928/29	7 320	139	13 900	192	1,90	138
1929/30	8 900	169	17 300	—	1,95	143

¹³ Мы видим картину совершенно обратного порядка. Некоторое замедление роста продукции в 1929/1930 г. вызвано не исчерпанием возможностей, но 1) недостатком сырья в легкой промышленности, 2) невыполнением годового плана по некоторым отраслям группы «А» (уголь, металл и т. д.) (чему т. Смит, полагаем, не собирается по-

¹³ Пользуемся данными, предоставленными Сектором капитального строительства ВСНХ СССР.

¹⁴ По балансовой оценке.

дыскивать объективных оправданий), 3) вредительским направлением части капитальных затрат не на узкие, а на «широкие» места¹⁵.

Примером такого направления вложений является хлопчатобумажная промышленность.

Еще более ясно выступает различие тенденций в нашей и американской промышленности из сравнения изменений отношения продукции к основным фондам по части промышленности, где рост органического состава капитала и основных фондов был особенно быстрый, т. е. по группе «А».

В то время как рост основных фондов по группе «Б» с 1925/26 г. по 1929/30 г. обнаружил рост на 31% при росте продукции на 58%, основные фонды группы «А» возросли на 122% при росте объема продукции на 222%, при неуклонном повышении выхода продукции к размерам основных фондов:

Г о д ы	Стоимость осн. фондов (средн. действ. без электростр.) в млрд.	Продукция в ценах 1926/27 в млрд.	На 1 руб. осн. фондов
1925/26	2 700	2 870	106
1926 27	3 020	3 640	121
1927/28	3 540	4 700	132
1928/29	4 320	6 00	141
1929/30	5 550	9 320	168

Но быть может т. Смит скажет: так было, но так не будет? Но это значило бы отрицать наличие громадных неиспользованных резервов, заключенных в улучшении использования оборудования, исправлении унаследованной от прошлого архитектоники предприятий и всего народного хозяйства, во всем комплексе достижений современной технической и рационализаторской мысли, в творческой инициативе и социалистическом соревновании масс, т. е. в органических преимуществах планового социалистического хозяйства!

Но ведь т. Смит имеет «статистические довоенные русские и советские данные», доказывающие явления обратного порядка... Приведем и их:

Довоенная Россия		СССР 1925/26	
Группы предприятий с основным капиталом	Продукция на 1 руб. основного капитала	Группы завед. по размерам основного капитала	Стоимость вал. оборота на 100 руб. основного капитала
100—200 тыс. руб. . .	3 р. 64 к.	Низшая	2,4
201—500 „ „ . . .	2 р. 24 к.	Средняя	1,3
501—1000 „ „ . . .	1 р. 73 к.	Высшая	1,0
1 001—2 000 „ „ . . .	1 р. 57 к.		
2 001—10 000 „ „ . . .	1 р. 52 к.		

¹⁵ Вложения в основные фонды текстильной пром., ныне загруженной менее чем на 50%, достигли 400 млн. Диспропорция между машиностроением и заготовительным производством в значительной мере объясняется теми же причинами.

Уже первый взгляд на эти таблицы показывает грубейшую методологическую ошибку т. Смит. Вместо того, чтобы взять развитие какой-либо отрасли и органического состава ее капитала, сравниваются разные отрасли промышленности. Совершенно понятно, что в высшую группу входят предприятия тяжелой индустрии (металлургия, тяжелое машиностроение, судостроение) весьма капиталоемкие, с затянутым производственным циклом, медленным оборотом и т. д. Очевидно, что здесь дело технологии производства. И таблицы эти доказывают лишь то, что капиталоборот, например, в швейной промышленности выше, чем хотя бы в черной металлургии. Подобная группировка тем более удивительна со стороны т. Смит, в свое время писавшей: «Правильно установленный группировочный признак и правильная шкала интервалов до некоторой степени аналогичны правильно выбранному химическому реактиву. Если реактив выбран правильно, химический опыт удастся и выявляется связанность и количественная зависимость элементов в сложном химическом соединении (БСЭ, т. 19, с. 663).

Реактив, принятый в данном случае т. Смит, считать удовлетворительным не приходится.

Более правильным для нашего случая явится сравнение группы однородных предприятий в ее динамическом развитии.

Ниже мы приводим рост основных фондов и валовой продукции наиболее быстро рационализирующейся отрасли легкой индустрии — швейной, где рост органического капитала был чрезвычайно высоким и удельный вес зарплаты в себестоимости снижался и снижается чрезвычайно резко. При значительном росте основных фондов (на 1930 г. более чем втрое от 1925/26 г.) выпуск продукции возрос более чем в 10 раз, и резервы отнюдь не исчерпаны. По мнению ряда работников швейной промышленности увеличение выпуска при тех же основных фондах упирается лишь в сырьевые лимиты. Достаточно упомянуть, что все фабрики работают лишь в 2 смены, непрерывка проведена лишь на 50%, поперечная расстановка рабочих мест у конвейера (вместо существующей продольной) может повысить выпуск на 25—30% и т. д. и т. д.

Валовая продукция и основные фонды треста „Москвошвей“

(по данным треста)

Г о д ы	Стоимость основн. фонда	%	Вал. прод. по неизм. ценам	%	Продукция на 1 руб. осн. кап.
1925/26	5 399	100	31 884	100	591
1926/27	9 454	175	49 100	155	520 ^{15а}
1927/28	10 514	195	154 071	484	1 460
1928/29	11 901	227	221 595	686	1 870
1930	17 349	321	337 677	1 087	1 840 ¹⁶
1931	20 715	384	518 280	1 619	2 500 ¹⁷

^{15а} Снижение выпуска на 1 р. основного капитала объясняется отчасти неполным освоением нового строительства, а главным образом сбытовыми затруднениями.

¹⁶ Замедление роста продукции объясняется не отсутствием потенциальных возможностей оборудования, но недостатком сырья.

¹⁷ Особый квартал взят ориентировочно. 1931 г. взят по плановым предположениям треста из расчета двухсменной работы и неполного проведения непрерывки.

Но быть может эти данные характерны только для молодой, возникшей почти на пустом месте швейной промышленности.

Возьмем черную металлургию. Вот соотношение продукции и основных фондов по Уралмету.

Г о д ы	Основн. капит. по восст. цен	% роста	Выпуск продукции в стаб. цен.	% роста
1927/28	263 884	—	215 720	—
1928/29	285 512	113	253 078	117

При этом за три года капитал Уралмета обновился на треть. Но не менее ярка картина по Югостали.

Г о д ы	Основные фонды	% роста	Выпуск в млн. руб. по трест. методу	% роста	Выпуск на 1 руб. вложений
1928	306,5	—	310	—	1,01
1929	349,3	111	363,8	118	1,04

Аналогичное положение дает и доменное хозяйство, взятое отдельно. Если в 1928 г. на 1 тонну чугуна приходилось 16,5 руб. основных фондов, то в 1929 г. соответствующая цифра снижается до 14,9 руб., и это при нашем коэффициенте использования (1,4—1,5), так далеко отступающем от подлинных возможностей выпуска на том же оборудовании. То же положение и в мартене, и на прокатных станах, и в механических цехах черной металлургии, и в подавляющем большинстве основных отраслей народного хозяйства.

Но быть может при реконструктивных процессах дело будет обстоять иначе... Мы проверили (по данным Гипромеза) группу реконструируемых крупнейших машиностроительных заводов Ленинграда—Красный путиловец, Металлический им. Сталина, Невский им. Ленина, Русский дизель, завод им. Энгельса и Экономайзер.

Оговариваемся: мы отнюдь не считаем, что проекты реконструкции Гипромеза дают наилучшее использование основных фондов и наибольший выпуск продукции при данных капиталовложениях. Наоборот, первые же попытки составления встречных планов реконструкции (исходивших не из абстрактных стоимостных выражений, а из соотношений конкретного труда и технического учета оборудования) показали, что оба эти показателя должны быть улучшены, что проекты реконструкции Гипромеза являются минималистскими. Но даже эти минималистские проекты реконструкции более оптимистичны, чем утверждения т. Смит о неизбежности понижения отношения продукции к основным фондам, о неизбежности заступающих кривых этого отношения!

После реконструкции выпуск по указанным шести заводам достигает 282 млн. руб. против 62 млн. руб. в 1927/28 г., т. е. повысится на 354%, тогда как весь действующий капитал (основной и оборот-

ный) составит 282 млн. руб. против 168,8 млн. руб. в 1927/28 г., т. е. возрастет на 69%.

В соответствии с этим отдача на один рубль всего капитала повышается в среднем по этим заводам с 40 коп. в 1927/28 г. до 99 коп., т. е. на 147%.

Растет и органический состав капитала. Стоимость оборудования на одного рабочего растет по подавляющему большинству заводов, растет основной действующий капитал и % амортизации к нему и т. п.

Приведенные нами данные опровергают установки т. Смит, они наглядно свидетельствуют о том, что мы имеем дело с недопустимой попыткой ссылками на Маркса подвести базис под новую теорию затухающей кривой.

Что же остается от аргументов т. Смит?

Первый аргумент — о «трансформации» тенденции нормы прибыли «в условиях советской экономики» — оказывается грубо ошибочным перенесением капиталистических закономерностей в социалистическую действительность.

Второй — «элементарные выкладки» — оказывается грубым извращением Маркса, смешением постоянного и приложенного капитала.

Наконец третий аргумент — «ряд данных статистики» — оказывается, как мы показали, материалом, подобранным Бюро экономических исследований ВСНХ под руководством Гинзбурга и ни в какой мере не отражающим действительных тенденций развития социалистического производства.

Как могла т. Смит, выступая против гинзбурговщины, в то же самое время совершить такие грубые ошибки?

Мы ни в какой мере не пытаемся опровергнуть совершенно правильного указания на недостаточность ценностных показателей и на необходимость введения иных специальных показателей для социалистического хозяйства. Таким показателем, по нашему мнению, должен быть технический учет, т. е. сопоставление наличных фондов станко-часов и народнохозяйственной программы, выраженной в станко-часах по соответствующим группам оборудования¹⁸.

Но мы возражаем против попыток вовсе отбросить на нынешнем этапе ценностный учет и его показатели.

Точно так же неоспорим закон тенденции нормы прибыли к понижению. И ни в каких доказательствах не нуждается тавтология: рост органического состава — росту постоянного капитала относительно переменного. Но механическое толкование этих положений, некритическое их механическое перенесение в другую область, перенесение капиталистических закономерностей в условия переходного периода, является совершенно недопустимым.

Конечно, самое направление капитальных вложений ни в коей мере не может быть подчинено показателям рентабельности, сплошь и рядом не совпадающим с основными интересами социалистической экономики.

Но мы вправе требовать, учитывая и громадность ресурсов планового хозяйства и низкий уровень использования существующих основных фондов, чтобы при бурном росте капиталовложений по крайней мере на протяжении ряда ближайших лет отношение выпуска продукции шло не по падающей, но по восходящей кривой. Утвер-

¹⁸ См. наши статьи в журн. „Рационализация производства“ № 19—20, 1930; журн. „Вопросы труда“ № 2, 1931; газ. „За индустриализацию“ и „Штаб индустриализации“, 1930.

ждать обратное, как это делает т. Смит, — значит недооценивать возможности громадного улучшения использования как существующих, так и вновь вводимых основных фондов социалистической продукции.

Не имея возможности здесь подробно обосновать проблему технического учета наряду с ценностным, мы считаем необходимым уже теперь подчеркнуть, что ценностные показатели должны быть преодолены путем возрастающего значения для народнохозяйственного планирования показателей конкретного труда.

В единицах конкретного труда (фрезерного, токарного, строгального, ручного и т. д.) должна быть выражена и мощность производственных единиц-предприятий и емкость народнохозяйственной программы.

По мере внедрения и охвата народного хозяйства этими выражениями конкретного труда ценностные выражения, выражения отношений труда абстрактного должны будут отступать на задний план.

Но совершенно несостоятельны и вредны попытки т. Смит, сохраняя для советского хозяйства (хотя бы и в трансформированном виде) закономерности капиталистического хозяйства, попросту объявить ценностные показатели несущественными и незначущими для народного хозяйства ¹⁹.

¹⁹ Ответ т. Смит будет помещен в одном из ближайших номеров журнала. *Ред.*

Г. КОСЯЧЕНКО

Д. Розенберг. «Комментарии ко второму тому «Капитала» Карла Маркса». В помощь самообразованию. Госиздат. 1930, с. 192.

Эта работа, как сам автор отмечает, ставит перед собой такую же задачу, как и выпущенная им предыдущая его работа — «Комментарии к I тому «Капитала», — помочь работать над «Капиталом». «Она не заменяет и не может заменить «Капитал», а лишь должна служить пособием при чтении «Капитала». Несомненно, что такая попытка должна встретить всеобщее одобрение. Особенно необходимой является задача дать систематическое марксистски выдержанное комментирование именно II тома «Капитала». Каждый преподаватель в своей практике не мог не наблюдать, что для вузовской молодежи менее всего поддающимся усвоению является именно II том «Капитала». Это объясняется не только внешней формой изложения, которая с трудом поддается усвоению начинающему читателю, что отмечает также Энгельс в своем письме к В. Адлеру, но и характером самой проблемы, трактуемой во II томе. Между тем марксистски выдержанного комментирования первых двух отделов II тома мы почти не имеем. Этим частично объясняется, что II том «Капитала» занимает в наших вузовских программах незаслуженно малое место.

Здесь нет надобности доказывать важность изучения II тома. Тов. Сталин на съезде аграрников-марксистов как-то заметил, что в критике механистической теории равновесия теория воспроизводства Маркса, в частности II том «Капитала», должны занимать первенствующее место. «Кому это нужно,—говорил т. Сталин,—чтобы смехотворная теория «равновесия» имела хождение в нашей печати, а марксистская теория воспроизводства лежала под спудом?» В деле теоретического осмысливания социально-экономических процессов, происходящих в нашей стране, в деле критического изучения и преодоления теоретических корней правого уклона II том «Капитала», в числе других сокровищниц марксизма-ленинизма, должен занять подобающее ему место. Поэтому можно только приветствовать первую попытку автора облегчить нашим вузовцам и вообще партактиву изучение II тома «Капитала».

Методическая сторона комментирования II тома является делом не совсем легким. Это в значительной мере объясняется характером изложения второго тома, внешней редакционной неоформленностью его. Поэтому автор, чтобы избежать ненужных повторений, придерживается при комментировании преимущественно внутренней связи, а также прибегает в ряде мест не только к комментированию, но и к изложению. В связи с этим автор везде, где это вызывалось ходом мысли Маркса, дает краткое изложение и критику теории классиков по воспроизводству, а также критику концепций Туган-Барановского, Розы Люксембург и др. Кроме того автор в ряде мест делает соответствующие ссылки на буржуазных экономистов и современных социал-демократов. Подобное привлечение различных точек зрения является вполне целесообразным; оно способствует заострению мысли читателя на основных моментах проблемы и в значительной мере облегчает усвоение проблемы во всей ее полноте. В остальном же книга построена по тому же плану, как и «Комментарии к I тому»: вначале идет общее введение, освещающее постановку проблемы II тома «Капитала» в целом, а также место II тома «Капитала» в теоретической системе Маркса. Кроме того, каждая глава снабжена кратким методическим объяснением, где освещаются предмет и порядок исследования данной главы. Таково внешнее содержание книги.

Но рецензируемая книга, как это обычно бывает, не лишена и целого ряда недостатков, а порою даже неправильностей. На этих недостатках мы и хотели бы остановиться. Прежде всего само изложение (язык) тяжеловесно. Книга должна помочь начинающим в их работе над «Капиталом», поэтому простота изложения в сочетании с глубиной мысли автора «Капитала» является весьма существенным моментом. Между тем чтение ряда мест этой книги является более трудным делом, чем чтение самого «Капитала». Это в значительной мере обесценивает книгу.

Второе, что бросается в глаза, — отсутствие статей Ленина, специально посвященных II тому «Капитала». Комментировать II том «Капитала» и не привлечь такого глубокого комментатора, как сам Ленин, является непростительной ошибкой. Автору должно быть известно, что ленинские теоретические статьи по простоте стиля, ясности изложения и в то же время по глубине мысли являются непревзойденными. Широкое привлечение статей Ленина по воспроизводству придало бы книжке гораздо большую ясность, популярность, доступность любому грамотному читателю, в чем она так нуждается. Попутно с этим необходимо заметить, что вообще в наших вузах труды Ленина при изучении II тома «Капитала» используются недопустимо мало. Среди учебного материала можно найти Тугана, Бауэра и всякий хлам из мелких статей различных авторов, а Ленина зачастую нет. Этому необходимо положить конец. Статьи Ленина по теории воспроизводства, которые не только глубоко комментируют, но во многом также и развивают учение Маркса, должны являться наряду с «Капиталом» основным учебным материалом по этой теме.

Наконец весьма существенным недостатком является то обстоятельство, что автор ориентирует оба тома своей работы на два типа читателей. «Предлагаемая работа, — говорит он в «Предисловии» к «Комментариям к I тому», — рассчитана на того читателя, который уже работал и работает над «Капиталом», и на читателя, который только что начинает читать «Капитал», но уже знаком с экономическим учением Маркса в пределах примерно курса политической экономии в совпартшколах II ступени» (с. 12). Такая двойная задача не могла не отразиться отрицательно не только на внешней форме изложения, но и на самом содержании книги. Преподносить одну и ту же методическую работу двум совершенно различным по уровню знания читателям, равносильно полному игнорированию элементарных правил самой методики. Читатель, который уже работал и работает над «Капиталом», меньше всего нуждается в особом методическом комментарии «Капитала».

Больше того. Для более или менее подготовленного читателя было бы просто неправильно рекомендовать методическое комментирование — не говоря уже о качестве этого комментирования, — вместо того, чтобы толкать его мысль в сторону самостоятельного осмысливания проблем. Такой читатель нуждается не в методическом, а в научном комментировании. Труды классиков марксизма и других научных комментаторов — вот что должно являться учебным пособием для этого рода читателей.

Что же касается второго рода читателей — впервые приступающих к чтению «Капитала», — то для них методические комментарии явились бы весьма полезным и необходимым пособием. Однако рецензируемая книга в силу чрезмерной сложности и тяжеловесности изложения не может выполнить этого назначения. Даже с внешней стороны построения книга страдает совершенно ненужным усложнением: вместо того, чтобы снабдить каждую главу небольшим методическим указанием, автор почему-то расчленяет ее на отдельные, самостоятельные вводные параграфы: «предмет исследования» и «порядок исследования». Наконец автор весьма большое место уделяет логическим переходам от одной категории к другой, не замечая при этом, что для читателя, незнакомого в достаточной мере с содержанием «Капитала» и с диалектикой, эти логические переходы являются просто пу-

стым звуком. При этом необходимо отметить, что автор настолько увлекается этими логическими переходами, которые, кстати сказать, превращаются подчас в формально-логические переходы, что содержание и классовая сущность проблемы, т. е. сама суть дела, не освещаются в должной мере и для начинающего читателя остаются в тени.

Так, например, автор неоднократно подчеркивает, что в I томе «Капитала» изучается сущность капиталистических производственных отношений, отношения эксплуатации, а во II — смена форм капитала. Получается впечатление, что эта классовая сущность не выступает в смене форм капитала. Это недостаточное, — мягко выражаясь, — подчеркивание классовой сущности II тома «Капитала» сказалось хотя бы в таком «незначительном» факте, как отсутствие указания на противоречие между производством и потреблением при анализе марксовых схем воспроизводства, или отсутствие также указания, на эксплуатацию труда в торговле в главе об издержках обращения. В этой последней главе автор сравнительно подробно останавливается на критике взглядов Гильфердинга, Богданова и Каутского по вопросу о производительном труде, а обратить внимание начинающего читателя на подчеркивание Марком эксплуатации труда, занятого в обращении, автор почему-то не удосужился. Излишне говорить о том, какое значение имеет это указание Маркса, особенно для современного капитализма, когда масса общественного труда, занятого в обращении, неизмеримо возросла.

В своем положительном изложении и методологических замечаниях автор не свободен от целого ряда неточностей, а порою прямо ошибочных утверждений. Так, например, в своем «Введении», где он делает попытку осветить место II тома «Капитала» в теоретической системе Маркса, автор заявляет, что ввиду мол того, что во II томе «Капитала» проблема различных форм капитала «выделена в особую самостоятельную проблему, и в силу этого II том связывает I и III томы в одно целое», то по мысли автора «этим также обуславливается то, что исследования II тома являются наиболее абстрактными» (с. 9). Выходит, что I том «Капитала» является менее абстрактным, чем II том, в то время когда дело обстоит как раз наоборот. Маркс в своем изложении на протяжении всех трех томов исходит, как известно, от более абстрактного к более конкретному, поэтому II том является более конкретным, чем I том, хотя и не менее теоретичным.

В этом же «Введении» автор дает, как уже было сказано, сравнительно полное определение предмета II тома «Капитала» и связанных с этим целого ряда других общеметодологических замечаний. Казалось бы, что именно в этом введении необходимо затронуть концепцию механистов, трактующих II том «Капитала» как условие равновесия капиталистической системы. Тем более это было необходимо, что автор непосредственно касается этой методологической проблемы, хотя и решает ее на наш взгляд не совсем правильно. Вместо этого мы имеем лишь в самом конце книги механически пристегнутые две с лишним страницы, посвященные критике бухаринского постулата равновесия. Тем самым начинающий читатель, на которого главным образом и рассчитана книга, не может воспользоваться этой методологической критикой механистов при проработке II тома «Капитала».

При определении предмета исследования II тома «Капитала» автор заявляет, что в I томе «Капитала» «движение капитала только предполагалось, рассматривалось как предпосылка, непосредственным же предметом исследования были классовые отношения и определенный характер общества, находящие свое выражение в капитале. Теперь, во II томе уже непосредственным предметом исследования является капитал как движение, как процесс кругооборота, а в представлении должны витать классовые отношения и определенный характер общества как предпосылка» (с. 17). Это совершенно неверно. Достаточно взглянуть лишь на оглавление I тома, чтобы убедиться, что и здесь, как и во II томе, капитал рассматривается только в движении. Если в I томе движение капитала принималось во внимание лишь как предпосылка, то как в таком случае можно

было исследовать и понять изменение нормы прибавочной стоимости, процесс накопления капитала, всеобщий закон капиталистического накопления и т. д.? Все эти закономерности Маркс не мог вывести иначе, как рассматривая капитал только в движении, вскрывая основные тенденции этого движения. Различие между I и II тт. «Капитала» заключается вовсе не в том, что в первом случае движение капитала подразумевалось как предпосылка, а во втором исследовалось самое это движение.

Такое толкование могло бы привести к метафизическому расчленению статики и динамики, что совершенно чуждо диалектическому методу. Это различие сводится к тому, что в I томе «Капитала» Маркс анализирует движение капитала лишь в сфере производства, т. е. движение производительного капитала, и проследживает основные закономерности и тенденции этого движения; остальные же фазы движения общественного капитала на данной ступени анализа рассматриваются как предпосылка и привлекаются лишь постольку, поскольку это необходимо. Следовательно, предпосылкой является не самое движение капитала, а лишь движение его в сфере обращения, исследуется же процесс производства капитала, или что то же самое, движение его лишь в своей особой форме — в форме производительного капитала. Но «процесс капиталистического производства, рассматриваемый в целом, представляет единство процесса производства и обращения» (Маркс). Второй том «Капитала» исследует процесс обращения общественного капитала, при этом процесс непосредственного производства капитала рассматривается уже не как особый предмет исследования, а лишь как одна из фаз общего движения капитала, как момент этого движения, или как его реальный метаморфоз.

Здесь же при дальнейшем определении предмета II тома «Капитала» автор также допускает целый ряд совершенно неправильных формулировок. Во II томе «Капитала», говорит автор, «Маркс поставил перед собой задачу изучения формы как таковой» (с. 10), изучения «смены форм капитала». Такие формулировки он применяет неоднократно. Например, в своем введении к третьему отделу II тома «Капитала» — «Воспроизводство и обращение всего общественного капитала» — он утверждает, что «здесь изучается, как подчеркнуто раньше, капиталистическая форма движения общественного продукта и его воспроизводства...» (разрядка автора). Такое определение является неверным, ибо здесь берется лишь одна сторона процесса, «капиталистическая форма продукта», как таковая, а не общественный продукт в капиталистической форме. Излишне доказывать, что такое определение приходится сродни не Марксу, а Рубину. У Маркса и Ленина мы имеем прекрасные формулировки определения предмета специально третьего отдела II тома «Капитала», где с особой выпуклостью подчеркивается, что «... если мы рассматривали стоимость продукта индивидуального капитала..., то для нашего анализа натуральная форма продукта была совершенно безразлична». «Нам достаточно было предположения, что рабочие и капиталисты найдут на рынке необходимые им товары»¹. Но когда мы рассматриваем весь общественный капитал, то этого уже недостаточно, ибо проблема как раз и заключается в том, «... каким образом капитал, потребленный в производстве, возмещается по своей стоимости из готового продукта и каким образом процесс этого возмещения переплетается с потреблением прибавочной стоимости капиталистами и заработной платы рабочими» (там же, с. 367). «Это движение (движение общественного капитала — К. Г.) — есть возмещение не только стоимости, но и вещества, а потому оно в одинаковой мере обуславливается как соотношением составных частей стоимости общественного продукта, так и их потребительной стоимостью, их материальной формой»².

¹ «Капитал», т. II, с. 368.

² Там же.

Здесь ярко подчеркивается единство в различии формы и содержания; берется материальный процесс производства — производство потребительной стоимости в единстве с капиталистической формой этого производства и рассматривается это противоречивое единство в его непрерывном движении. Проследить процесс возмещения общественного капитала по стоимости и его натуральной форме, т. е. процесс воспроизводства материальных производительных сил в капиталистической форме, взятый на известной ступени абстракции, и является главной задачей II тома «Капитала». Приходится удивляться, почему автор «Комментариев» предпочитает свои рискованные и неверные формулировки классическим формулировкам основоположников марксизма.

Автор неоднократно подчеркивает, что во II томе «Капитала» «изучается движение капитала в наиболее общем виде» (с. 131); критикуя Бухарина, он подчеркивает, что «Маркс в своих схемах изображает не условия равновесия совокупного общественного капитала, а условия его движения» (с. 190). Но дело в том, что против такого утверждения не будет возражать и сам т. Бухарин. Механисты тоже признают, что Маркс изучает не мертвечину, а движение общественного капитала. Вся суть сводится к тому, как понимать это движение — диалектически или механистически. Если мы будем выводить это движение из стыка между обществом и природой, тогда получится у нас внешнее механическое движение (это ведь тоже движение), если будем выводить его из внутренних противоречий капиталистической структуры, тогда мы будем иметь диалектическое самодвижение капиталистической системы. Какую же из этих двух форм движения имеет в виду т. Розенберг?

Тов. Бухарин под условием равновесия понимает в данном случае марксову теоретическую предпосылку о пропорциональном распределении капитала между отдельными отраслями общественного производства и берет это «равновесие» за исходный пункт исследования, превращая тем самым само движение в производное. Маркс, как уже было сказано, прослеживает во II томе процесс возмещения общественного капитала по стоимости и вещественной форме продукта, предполагая при этом пропорциональное распределение труда между отраслями, дабы проследить процесс в его, так сказать, наиболее чистом виде. «Теория реализации, — говорит Ленин, — предполагает пропорциональное распределение производства. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность»⁸. Но т. Розенберг почему-то недостаточно подчеркнул этот момент или считает очевидно, что упоминание о пропорциональном распределении производства означает признание бухаринского закона равновесия. Во всяком случае, голое противопоставление движения бухаринскому равновесию без достаточных объяснений и доказательств мало чем может помочь начинающим работать над «Капиталом», усвоению всей ошибочности механистической трактовки II тома «Капитала» т. Бухариным.

Автор довольно подробно останавливается на критике концепции Тугана и Розы Люксембург и в частности на неправильном понимании ими схем II тома «Капитала», но критика эта представлена в высшей степени слабо. Например, в критике Тугана, которому отведено свыше 2½ страниц, автор противопоставляет его пресловутому «парадоксу» то обстоятельство, что «по Марксу личное потребление лишь относительно уменьшается, но абсолютно увеличивается. Туган же утверждает, что личное потребление и абсолютно уменьшается; из анализа накопления Маркса это по крайней мере не вытекает» (с. 183). Это не доказательство. Правда, автор оговаривается, что в его задачи «не входит всестороннее рассмотрение теории рынка Туган-Барановского, — нам важно лишь доказать, что эта теория ничего общего не имеет с марксовыми схемами и марксовым анализом общественного воспроизводства» (с. 182). Но подобными аргументами он не смог

⁸ Ленин, Собр. соч., т. II, с. 491.

конечно это доказать. Сам Туган не претендует на то, чтобы его предпосылки, положенные в основу схем, соответствовали действительному процессу капиталистического накопления.

«Само собою разумеется, — говорит Туган по поводу своего нелепого парадокса, — что я называю истинной не совершенно произвольное и отнюдь не соответствующее действительности предположение, будто замещение ручного труда машинным ведет к абсолютному сокращению числа рабочих...»⁴. Наоборот, он сам утверждает, что в действительности мы имеем не только абсолютное возрастание количества занятых рабочих, но, как это свойственно апологету, со всей настойчивостью старается уверить читателя, что «новейшая фаза капиталистического развития характеризуется значительным повышением реальной заработной платы» (с. 211).

То же самое говорит Туган и насчет соотношения двух подразделений общественного производства. «И действительно факты показывают, — говорит он, — что характерной чертой капиталистического развития является сравнительно медленный рост (но все же рост К. Г.) производства предметов потребления и быстрый рост производства средств производства»⁵. Следовательно, лишь в «серой теории» он считает возможным вводить всевозможные абсурдные предпосылки для обоснования своего нелепого парадокса. А этот парадокс ему понадобился в частности для того, чтобы доказать отсутствие противоречий между производством и потреблением при капиталистическом способе производства. Правда, это «доказательство» Туган получил ценою отказа от здравого смысла и элементарной логики; кроме того, само производство ради производства, которое означает не что иное, как производство ради прибыли, также превращено им в абсурд, ибо, согласно этому парадоксу, капиталистическое производство будет процветать даже при абсолютном исчезновении живого труда как создателя прибавочной стоимости.

На абсурдность этих предпосылок, из которых Туган вывел свой нелепый парадокс, и необходимо было бы указать. Но беда не только в этом. Автор «Комментариев», критикуя Тугана и Розу за их неправильное понимание схем II тома «Капитала», почему-то совершенно обошел вопрос об отражении в марксовых схемах воспроизводства специфических противоречий между производством и потреблением при капиталистическом способе производства. Нет надобности доказывать, какое важное место занимает этот вопрос в марксовой теории воспроизводства и какое исключительное значение придавали этому моменту сам Маркс и Ленин. Как известно, вопрос о противоречии между производством и потреблением при капитализме является одним из центральных пунктов, вокруг которого образовались два направления в теории воспроизводства. Эти два направления — гармонисты и скептики — в послемарксовый период имеют своих последователей в лице Тугана и Розы Люксембург. Казалось бы, что этот пункт в марксовом его освещении и должен был бы послужить тем стержнем, на основе которого можно было бы дать краткую, но вместе с тем глубокую и исчерпывающую критику концепции Розы и Тугана.

Но вместо этого, автор «Комментариев» не только не затронул этого вопроса, а пытается убедить читателя, что это относится лишь к II тому «Капитала» и к схемам воспроизводства никакого касательства не имеет. «Маркс останавливается, — говорит он, — на несоответствии между производством и потреблением, являющимся основной причиной кризисов, но это совершенно не отменяет тех закономерностей, которые выведены были из анализа схем. Ведь переменный капитал абсолютно растет, растет абсолютно и платежеспособный спрос. Следовательно, ре-

⁴ Туган-Барановский, Периодические промышленные кризисы, с. 213.

⁵ Там же, с. 245.

лизация возможна, но затруднена, совершается с перебоями, а это уже относится к проблеме кризисов, которая Марксом здесь еще не решается» (с. 187).

Не будем останавливаться на том, что причинам кризисов, как они освещены в III томе «Капитала», Маркс и Ленин, как известно, дают несколько иное определение, но для нас важно в данном случае подчеркнуть, что автор «Комментариев» противоречие между производством и потреблением связывает лишь непосредственно с кризисами, во II же томе он противопоставляет концепции Розы лишь голое утверждение, что «расширением производства расширяется и рынок. Но это лишь наиболее общее положение, модифицирующееся и конкретизирующееся при восхождении от абстрактного к конкретному. А Роза Люксембург смешивает абстрактный анализ с конкретным» (с. 186). Правильно, конечно, что Роза смешивает абстрактное с конкретным и сопоставляет схемы с действительным процессом капиталистического производства, но совершенно неправильным является утверждение, что противоречие между производством и потреблением анализируется Марксом лишь в III томе «Капитала». Если это противоречие не включается как основание в абстрактный анализ, то оно не может возникнуть и при более конкретном анализе, если иметь в виду, конечно, имманентные, а не внешние противоречия. Да будет известно автору «Комментариев», что в основном это противоречие вскрыто и разрешено Марксом еще при анализе смитовской догмы, оно, это противоречие, лежит в основе марксовых схем воспроизводства и является основанием кризисов; следовательно, кризисы как основание заложены уже во II томе «Капитала», а в III томе мы имеем лишь конкретную форму движения этого противоречия — форму цикла.

«Мы вполне можем представить себе,— говорит Ленин,— (рассуждая чисто теоретически об идеальном капиталистическом обществе) — реализацию всего продукта в капиталистическом обществе без всякого избыточного продукта, но мы не можем представить себе капитализма без несоответствия между производством и потреблением. Выражается это несоответствие (как ясно показано Марксом в его схемах) в том, что производство средств производства может и должно обгонять производство предметов потребления»⁶. По Ленину, стало быть, противоречие между производством и потреблением вполне ясно показано Марксом в его схемах, а по Розенбергу это противоречие анализируется впервые лишь в III томе «Капитала». Неудивительно поэтому, что в критике концепции Розы и Тугана автор «Комментариев» вместо того, чтобы указать на это основное противоречие, ограничивается лишь заявлением, что в схемах Маркса относительно возрастает также и переменный капитал.

Частично этим, очевидно, объясняется также неудовлетворительное объяснение значения марксовых схем воспроизводства и отражения в них исторической определенности капиталистического способа производства. Первый закон капиталистического воспроизводства $l(v+m)=llc$ по мысли автора «имеет силу для всякой общественной формации», так как этот закон имеет своим основанием естественную связь и взаимообусловленность производства средств производства и производства средств потребления» (с. 155). При этом, как обычно это делается, пытаются подкрепить это люксембургинское толкование марксовых схем ссылкой на замечания Ленина к книжке т. Бухарина о переходном периоде. Если этот закон имеет силу для всякой общественной формации, то с таким же правом сохраняют эту силу и последующие два закона капиталистического воспроизводства, которые, как правильно замечает сам автор, логически вытекают из первого закона и являются лишь его модификацией. Отсюда рукой подать к механическому перенесению схем II тома в условия советской экономики. Откуда взял автор, что «Ленин считал равенство $l(v+m)=llc$ применимым к чистому коммунизму?» (там же). Такое утверждение по меньшей мере является рискованным, а в книжке,

⁶ Ленин, Собр. соч., т. II, с. 498.

предназначенной в качестве пособия для начинающих, которые могут принять это утверждение на веру, — является прямо вредным.

Автор, хотя и оговаривается, что он имеет в виду не капиталистические категории (еще бы!), а материальную взаимозависимость между двумя подразделениями, и что «при капиталистической системе равенство между $I(v+m)$ и IIc может проявляться стихийно и приблизительно», но и при всех оговорках такое утверждение является ошибочным, и тем более непростительным является приписывание его Ленину. Как известно, Ленин сделал свое замечание как раз против того места в книге Бухарина, где говорится, что с исчезновением капиталистического способа производства исчезает и политэкономия как наука. Поэтому Ленин замечает: «Неверно. Даже в чистом коммунизме, хотя бы отношение $I(v+m)$ к IIc ? и накопление?» Как видим, здесь и намек нет на то, что «этот закон сохраняет силу для всех формаций». Ленин лишь утверждает, что проблема отношений между средствами производства и предметами потребления двух подразделений не является столь простой и прозрачной арифметической задачей, чтобы можно было решить ее с помощью четырех правил арифметики, не прибегая к теоретическому осмысливанию ее. Утверждение же о всеобщей значимости этого закона принадлежит не Ленину, а т. Розенбергу.

В связи с этим нам хотелось бы подчеркнуть еще один момент. Автор совершенно правильно подчеркивает, что как Роза Люксембург, так и Туган совершенно неправильно понимают значение марксовых схем воспроизводства, что оба они абсолютизируют схемы, принимая их за доказательство теоретических положений. Совершенно правильно также автор считает, что ошибка их заключается в забвении ступеней теоретического анализа. Но дать хотя бы сжатое замечание о том, как же правильно понимать схему, т. е. осветить значение схем в теоретическом анализе вообще, автор почему-то воздержался, несмотря на то, что такое методологическое замечание явилось бы весьма полезным для начинающих работать над «Капиталом».

Роза Люксембург, как это ни странно, с одной стороны, объявляет схемы клочком бумаги, которая все терпит, а, с другой стороны, переносит схемы прямо на капиталистическую действительность и пытается вывести кризисы непосредственно из схем. Обнаружив в схемах целый ряд смертных грехов — «произвольная конструкция», превращение II подразделения в «пассивный придаток» и т. д., — Роза заявляет: «Теперь мы должны проверить, соответствуют ли этому строгому правилу капиталистического накопления действительные отношения»⁷. Подвергнув, таким образом, схемы проверке на самой действительности, Роза естественно приходит к выводу, что схемы не выдержали своего испытания и тем самым доказали свою несостоятельность. Отсюда «противоречие» между II и III томом «Капитала» и т. п.

Маркс во всех своих схемах лишь иллюстрирует свои положения, выведенные путем теоретического анализа. Но из этого не вытекает, что схемы не имеют никакого значения. Марксовы схемы всегда находятся в строгом соответствии с той ступенью анализа, которую они призваны иллюстрировать. Маркс не перескакивает через промежуточные звенья, как это делает Роза, а всегда придерживается логической последовательности, вытекающей из характера диалектического метода и внутренней природы самого предмета. Маркс отлично понимает, что схемы сами по себе не содержат ничего больше того, что вложено в них самим исследователем. Но тем самым исследователь не забывает о внутренней логике самого изучаемого предмета и помнит о той ступени абстракции, на которой он находится, дабы не дать себя увлечь логикой, вытекающей из внешнего движения самого количества, где имманентная закономерность самого предмета была бы тем самым соподчинена «закономерности» самой арифметики. «Если

⁷ Роза Люксембург, Накопление, с. 115.

количество непосредственно берется из представления и не опосредствуется мышлением, то очень легко может случиться, что оно будет переоцениваться в отношении объема его применимости и даже будет возведено в абсолютную категорию⁸. Таким образом, схемы превращаются в клочок бумаги, а сам их составитель занимается праздным делом лишь в том случае, если исследователь порывает с требованиями диалектического метода. Если же они применяются умело, т. е. теоретически обосновываются и находятся в строгом соответствии с самым ходом георетического анализа, как это имеет место у Маркса, то такие схемы имеют существенное значение, ибо их содержание не есть нечто привнесенное извне или вытекающее из необоснованных посылок исследователя, а отражает момент реального процесса накопления, взятого на известной ступени абстракции. Но тем самым схемы нельзя продолжать бесконечно; они имеют свой предел, который вытекает из логики развития самого предмета, взятого на известной ступени абстракции. Из этого же вытекает, что с точки зрения диалектического метода совершенно бессмысленным является вопрос: применимы ли схемы II тома «Капитала» к условиям советского хозяйства или нет, имеют ли они всеобщую значимость или нет? Ибо, если схемы должны отображать реальную закономерность общественного воспроизводства, хотя бы и взятую как момент на известной ступени абстракции, то очевидно, что прежде всего нужно теоретически вывести и обосновать эту закономерность, а затем уже эти основные положения, добытые теоретическим путем, иллюстрировать в схемах. Лишь после этого можно сличать полученные таким путем схемы со схемами II тома «Капитала»⁹.

Что же касается тех экономистов, которые полагают, что в социалистическом обществе «схемы воспроизводства становятся готовыми служебными формулами, в которые легко укладываются и стройно организуются итоги и перспективы хозяйственной работы» (Герценштейн), то подобные экономисты лишь повторяют зады достопочтенного Базарова, для которого законы воспроизводства советского хозяйства ничем не отличаются от законов капиталистического воспроизводства. Герценштейн очевидно не догадывается, что признание общезначимости схем II тома «Капитала» означает в конечном счете не что иное, как признание общезначимости законов капиталистического воспроизводства, иллюстрируемого в схемах. Тов. Розенберг, правда, критикует, в отличие от Герценштейна, бухаринский «закон равновесия», в основе которого лежит изобретенный тем же Бухариным вкупе с Богдановым «Закон трудовых затрат», однако признание со стороны т. Розенберга общезначимости закона равенства $l(v+m)=llc$, означает не что иное, как признание опять-таки того же пресловутого «закона трудовых затрат», против которого он возражает.

Мы далеко не исчерпали всех ошибочных положений, имеющих место в книге т. Розенберга. Вот, например, еще некоторые из них. Полемизируя с Розой Люксембург о месте производства золота как денежного материала в схемах воспроизводства, т. Розенберг отстаивает необходимость отнесения производства золота как денег к I подразделению на том основании, что нельзя «отгородить китайской стеной производство денежного материала от производства золота» (с. 172). Что касается «китайской стены», то с этим можно бы согласиться, но у т. Розенберга за этим художественным выражением скрывается, как это явствует из текста, ступшевание принципиального различия между производством золота как металла и производством золота как денежного материала; тем самым ступшевается весь смысл проблемы, которую поставил Маркс о производстве денежного материала.

⁸ Гегель, Малая логика, с. 171.

⁹ Само собой разумеется, что это ни в коей мере не умаляет громадного методологического значения марксовых схем при подходе к исследованию проблемы воспроизводства в СССР.

Тов. Розенберг приводит марксову схему простого воспроизводства, «дополненную» со стороны Розы третьим подразделением производства денежных средств, и пишет под ней следующее критическое замечание, направленное против Розы: «Прежде всего странно, что сама Роза Люксембург не показывает, как происходит обмен между ее тремя подразделениями. Если бы она дала анализ этого обмена, то она пришла бы к тем же результатам, к которым приходит Маркс и которые она называет сомнительными» (с. 171). Сомнительными не только для Розы, но и для каждого грамотного читателя являются утверждения т. Розенберга, что при анализе обмена между тремя подразделениями можно прийти к тем же результатам, к которым приходит Маркс. Если бы Роза приступила к анализу «дополненной» ею схемы, то она пришла бы к невозможности продолжения производства в прежнем объеме потому, что третье подразделение Роза совершенно механически присоединила к марксову схеме и тем самым создала дефицит в этих подразделениях ровно на сумму ценности денежных средств. Роза Люксембург предостерегает против включения производства денежных средств в первое подразделение, так как в таком случае, по ее мнению, должен получиться «общественный дефицит в средствах производства». А этот дефицит должен с неизбежностью получиться потому, что она мыслит себе лишь механическое включение производства денежных средств в первое подразделение. Поэтому она думает, что можно избежать этого дефицита путем такого же механического присоединения к схеме специально третьего подразделения. И, если т. Розенберг считает, что у Маркса должен с неизбежностью получиться такой же результат, то он, очевидно, также механически представляет себе включение в первое подразделение производство денежного материала, как и Роза Люксембург.

В заключение мы хотели бы закончить тем, с чего начали. Книга, рассчитанная по замыслу автора на оказание помощи начинающим работать над «Капиталом», могла бы быть весьма полезной и необходимой. Однако, имеющийся в ней целый ряд ошибочных трактовок, зачастую сочетающихся в себе эклектический «механизм» и «рубинизм», а также невероятная тяжеловесность изложения, наконец, совершенно невыполнимая задача, поставленная автором — обслужить одновременно читателей уже работавших над «Капиталом», и читателей, впервые приступающих к чтению «Капитала», — все это в значительной мере обесценивает эту весьма необходимую книгу. Чтобы книга могла выполнять свое назначение, необходимо в значительной мере ее переработать, решительно устранив все ее недостатки, ориентируясь при этом исключительно на читателей, лишь впервые приступающих к чтению «Капитала».

Б. КАЗАНСКИЙ

ПРОТИВ МЕНЬШЕВИЗМА И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

По поводу учебника В. К. Дахшлегера «Экономическая география». Изд. Заочного курса. М. 1930 г., стр. 182.

В крушении капитализма огромное значение имеет правильная тактика и стратегия пролетариата. Это предполагает необходимость полного учета ситуации, глубокого понимания противоречий империализма, конкретного знания силы и прочности отдельных его звеньев. Внутренние противоречия капитализма (классовые, «национальные», интернациональные и т. д.) затрудняют нападение империалистических хищников на СССР. Конкретный учет этих противоречий необходим для Страны советов, завершающей построение фундамента соц. экономики.

Этим то задачам познания противоречий мирового капитализма в их конкретности, выявления силы и слабости как всей цепи империализма, так и отдельных его звеньев, и должна служить пролетарская экономическая география (мы сейчас говорим об

экономической географии капиталистического общества) ¹. Отражая собою особую форму проявления производственных отношений эпохи империализма и их противоречия с производительными силами — именно размещение и движение этих противоречий в пространстве, своеобразии развития и концентрацию их в определенных экономических районах, на определенных участках общественного производства, в частности закон неравномерности развития *in concreto* — эта наука должна вооружить пролетариат знанием расстановки сил мирового капитала и мировой революции, должна яснее ориентировать в конкретной ситуации данного периода. Лапидарно выражаясь, экономическая география должна изобразить на карте всеобщий кризис капитализма и перспективы мировой революции. Экономическая же география СССР должна дать на карте план построения социализма, выявить своеобразии развития отдельных районов и специфические особенности классовой борьбы в них.

Такими нам представляются в основном данная наука и цель ее изучения — иначе это будет не наука, точнее — не пролетарская наука. Не требует, конечно, доказательств и то положение, что эти задачи могут быть исполнены лишь на путях применения к данной своеобразной форме проявления производственных отношений марксистско-ленинского метода материалистической диалектики.

* * *

С таким ли пониманием мы встречаемся у проф. В. К. Дахшлегера, который выдает себя за марксиста и говорит о пролетарской экономической географии? Вот напр. его определения предмета и цели экономической географии. «Предмет, которым занимается экономическая география, тот же что у других экономических наук» (с. 4). «Она занимается, как и все экономические науки, изучением хозяйства, но только с особой пространственной точки зрения» (с. 3). «Экономическая география есть социально-экономическая наука, занимающаяся изучением географического размещения хозяйственных явлений» (с. 4). «Цель экономической географии, дав картину пространственного размещения хозяйства, объяснить причины такого размещения... причины оседания хозяйственного явления в данном, а не каком-либо ином месте» (с. 4) и т. д. и т. п.

1. Оказывается, что все экономические науки занимаются изучением «хозяйства». Но позволительно узнать, с каких это пор марксистские экономические науки занимаются изучением «хозяйства», «хозяйственных явлений»? И что означают эти понятия? Маркс и Ленин говорили об изучении «общественного производства», «общественной структуры», «производственных отношений» капиталистического способа производства, а буржуазная наука вместо этих четких и недвусмысленных категорий употребляет расплывчатые понятия «хозяйство», «хозяйственные явления». Марксисты давно уже показали всю ненаучность этих терминов. И нет никакого основания вводить термины «хозяйство», «хозяйственные явления» вместо «производственных отношений». Марксист кроме того должен говорить о производственных отношениях определенного исторического периода, а не о хозяйственных явлениях «вообще», как это делает наш автор.

2. Оказывается, что все экономические науки имеют один и тот же предмет изучения, дело лишь в «точке зрения». Это рассмотрение с «точки зрения» является основным методологическим приемом автора; он об этом говорит неоднократно и не только в указанном месте. Давно бы, казалось, следовало понять, что при научном анализе дело не в том, кто смотрит и откуда, не в том, какова «точка зрения», а дело в объективных свойствах яв-

¹ Совершенно очевидно, что „познание“ для марксистов означает выяснение и отражение закономерностей реально существующей объективной действительности. „Познать“ значит понять, понять для того, чтобы переделать.

ний, в особых формах движения материи; рассматривание «с точки зрения», представление об объекте как вечном неизменном, всегда самому себе равном, и перенесение центра тяжести на субъективные стремления и наклонности исследователя не имеет ничего общего с марксизмом. Ленин чрезвычайно резко осмеивал эту позицию рассматривания «с точки зрения диалектического материализма», указывая, что в такой постановке «диалектическая точка зрения есть лишь одно из многих равноправных точек зрения», подчеркивая, что позиция «точки зрения» «приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму»².

3. Проф. Дахшлегер не говорит ни о действительном характере нашего познания, не говорит он ни слова ни о классовом содержании, классовой цели излагаемой им «науки». Нам следовательно, придется опять-таки конкретно выявить: каково же классовое содержание его произведения, интересам какого класса служит написание и распространение данного учебника?

Собственную концепцию автора можно обнаружить лишь косвенно — путем анализа научности применяемого им метода и степени соответствия действительности рисуемой картины.

* * *

В главе о «роли географического фактора в хозяйстве» проф. Дахшлегер дает, как он выражается, «марксистскую схему общественного развития». Всячески декларируя положение, что «географическая среда не может объяснить развития какого-нибудь общества», автор тут же следом пишет: «Но если для двух каких-либо обществ мы имеем различие географической среды, то это различие может объяснить разное развитие этих двух обществ» (с. 12). Проф. Дахшлегер настолько уверен в ортодоксальности этого положения, что он не считает даже нужным «перестраховаться» здесь (как он это делает обычно) ссылкой на Бухарина, из работы которого переписано данное антимарксистское положение³.

И более того, проф. Дахшлегер поставив, как мы видели, целью экономической географии: «объяснить причины оседания хозяйственного явления в данном месте» тут же разъясняет: а «это значит показать, какую роль играет география местности (географическая среда) в образовании и развитии хозяйства» (с. 4).

Итак, теория размещения — «оседания хозяйственных явлений» — строится проф. Дахшлегером отдельно от теории развития общества; «образование и развитие хозяйства» стоит в непосредственной зависимости от географической среды.

Этим положением автор начисто зачеркивает все свои декларативные заявления о пассивном характере влияния природы. Например тот факт, что Япония перегнала в своем экономическом развитии Индию, объясняется различной географической средой Японии и Индии; точно этим же объясняется например и то, что монополистический капитализм находится сейчас на более высокой ступени в Америке, нежели в Азии; или что фашистские организации сильнее и откровеннее в Италии и Польше, чем в Англии, и т. д.

Совсем еще молодой Ленин в своей брошюре «Что такое друзья народа» писал: «Материализм дал вполне объективный критерий, выделив «производительные отношения» как структуру общества... Анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие «общественной формации». Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания и оценки с точки зрения идеала общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то «что» отличает одну ка-

² „XI Ленинский сборник“, с. 387, 385—9.

³ Различия природных условий могут объяснить различие в развитии разных народов, но не могут объяснить развития одного и того же общества. Н. Бухарин. Теория исторического материализма, изд. 4, Гиз, 1923 г. с. 131.

питалистическую страну от другой, и исследующему то «что «общее всем им» (подчеркнуто мною — Б. К.)⁴.

Итак, Ленин еще 35 лет тому назад совершенно недвусмысленно указывал, что научное выяснение того, «что отличает одну капиталистическую страну от другой», возможно лишь посредством анализа производственных отношений данной страны; наш же профессор до сих пор проповедует, что «разное развитие двух обществ» может быть объяснено «различием географической среды».

В основе основ лежит взаимоотношение общества и среды, и характер этого взаимоотношения определяет конкретные формы общественной структуры, и направление развития данного общества!

Эта вульгарная теория выдается проф. Дахшлегером за марксизм и проповедуется под видом последнего достижения пролетарской науки.

Зачем понадобилась автору эта безобразная ложь? Какой социальный смысл имеет в его устах эта теория?

В этом не особенно трудно убедиться. Проф. Дахшлегер чрезвычайно упорно указывает и рядом примеров иллюстрирует огромную важность разнообразия географической среды для развития общества. И рядом с этим он не менее упорно и настойчиво в ряде мест подчеркивает, что географическую среду России «нельзя было считать благоприятной обстановкой для общественного развития» (с. 88). Автор всячески пропагандирует процветание Америки, расхваливает «исключительно счастливую географическую среду» Соединенных штатов (с. 69) и ни разу не говорит о том, что природные богатства СССР вполне допускают громадный рост его производительных сил.

Все это вместе дает яркую картину позиции автора: 1) общественное развитие определяется природной средой; 2) географическую среду России нельзя считать благоприятной для общественного развития; отсюда неизбежно следует вывод (который наш автор конечно открыто провозгласить не решается, но который много лет открыто провозглашается и кладется в основу теоретических построений меньшевиками) — вывод о невозможности строительства социализма в СССР. Такова подлинная «точка зрения» автора, таков действительный смысл его методологии.

* * *

Примерно к таким же выводам приводит и дальнейший анализ методологических положений развиваемых автором и сообщаемых им сведений.

Мимикрируя под марксизм, проф. Дахшлегер фальсифицирует и далее схему общественного развития, «предложенную К. Марксом». Дахшлегер приходит к выводу, «что анализ общественного развития нужно начинать с производительных сил» (с. 8). Понятие производительных сил далее расшифровывается следующим образом: «В понятие производительных сил, — пишет Дахшлегер, — включаются два элемента: естественные производительные силы и техника» (с. 8). Позвольте, — вскрикнет всякий марксист, — а где же величайшая и, как Маркс говорит, «наибольшая из всех орудий производства» производительная сила⁵, сам революционный класс? Неужели можно исключать из современных производительных сил рабочий класс? Неужели можно иметь при этом, мягко выражаясь, отвагу выдавать сию трактовку производительных сил за адекватную марксовую? — Но мы не виноваты — именно это открыто делает проф. Дахшлегер в своем учебнике.

Эти положения автор применяет и «на практике». «В соответствии с марксовой схемой общественного развития, изучение экономической географии каждой страны нужно начинать с изучения естественно-производительных сил. Поэтому и изучение СССР надо начинать с изучения географической среды... Нам нужно не только описать, но и экономически оценить географическую среду

⁴ Ленин, собр. соч., изд. 3-е, т. I, с. 61—62.

⁵ Маркс, Ницета философии, Гиз, с. 164, 1928 г.

нашей страны» (с. 86). Каковы выводы из этой методологии и этой «оценки» мы уже видели. К этому можно еще добавить, что при характеристике «в экономическом отношении» дореволюционной России, проф. Дахшлегер много раз подчеркивает, что она была «отсталой сельскохозяйственной страной, в которой лишь намечался перелом в сторону превращения ее в аграрно-индустриальную» (с. 84 и др.).

Как известно, где нет индустрии, там нет и индустриального пролетариата. А отсюда в свою очередь логически следует вывод, что ни о какой пролетарской революции у нас не может быть и речи, наша революция была лишь буржуазной, сейчас же мы имеем «затянувшиеся роды» буржуазной революции, как это утверждают открыто все меньшевики. Не случайным оказывается то обстоятельство, что посвятив более половины книги СССР, автор ни разу не называет наш строй диктатурой пролетариата. Вывод прежний, для Дахшлегера неизбежный, если бы он имел смелость и возможность открыто его формулировать.

* * *

Что такое мировое хозяйство? В ответ автор приводит данное Н. Бухариным определение мирового хозяйства, «как системы производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе» (с. 40). Мы не останавливаемся здесь на критике данного определения Н. Бухарина (о нем уже писалось неоднократно в нашей печати), посмотрим лишь, что делает Дахшлегер. Наш автор умудряется извратить это далеко не четкое определение. «Мировое хозяйство, — пишет он курсивом, — есть система меновых связей, отражающих географическое разделение труда» (с. 40). Итак, вместо «производственных отношений» появилось «географическое разделение труда», вместо «отношений обмена», появились «меновые связи».

Автор пишет, поскольку «мировое хозяйство есть система меновых связей», то естественно — «центрами конкретизации мировых меновых связей» являются мировые рынки (с. 38). Или то же положение, только иными словами — «выражением международного географического разделения труда (а оно, как мы видели, лежит в основе меновых связей, конституирующих мировое хозяйство — Б. К.) служит внешняя торговля» (с. 18, 23, 27 и др.). Итак, изучение производственных отношений преобразованно заменено изучением внешней торговли. Таким образом в основе Дахшлегера сидит все дело к изучению движения товаров, к изучению связей между «специализирующимися районами» (с. 18), «между специализирующимися хозяйственными организмами» (с. 23), т. е. в этой постановке по существу, — к изучению движения вещей.

Но и здесь не обошлось без мимикрии. В книге Дахшлегера есть особые разделы «социальные факторы географического разделения труда» и «географическое разделение труда в эпоху монополистического капитализма». В первом из этих разделов (§ 16) указывается, что «усилению связи между хозяйствами... способствует не только обмен товарами, но и обмен капиталами и обмен рабочей силой» (с. 30). Об этих «видах обмена» автор пишет здесь на протяжении одной странички.

Экспорту капиталов, который, оказывается, равнозначен обмену капиталами, посвящено здесь три строчки, трактующих о том, какая страна в какой период была «мировым банкиром». Программа Коминтерна, как известно, рекомендует относиться к этой проблеме несколько внимательнее, ибо, как она формулирует «экспорт капитала (в эпоху империализма — Б. К.) становится решающей и специфической формой экономической связи между различными частями мировой капиталистической экономики». Но дело даже не в таком малом внимании к этой проблеме — дело в трактовке. В примечании на этой же странице (30) автор разъясняет, что поскольку географическое разделение труда выражается в обмене,

постольку «нам нужно показать районы, дающие наибольшее количество товарной продукции»; это положение тут же конкретизируется. «Китай добывает много хлопка, но весь его потребляет»; поэтому до китайского хлопка эконом. географу нет дела, он «не принимается во внимание».

Что показывает такая установка? Как известно, в китайскую текстильную промышленность вложено немало иностранного капитала (японского, английского и др.); на этом участке резко сталкиваются интересы капиталистов разных стран друг с другом, интересы империалистической буржуазии — ввезшей капитал — с интересами национальной китайской буржуазии, и, наконец, буржуазии иностранной и национальной с пролетариатом. Экспорт капитала в Китай приводит к чрезвычайно сложному переплету социальных противоречий, классовых, «национальных» и интернациональных антагонизмов — все это игнорируется профессором «экономической» географии Дахшлегером, ибо объектом его изучения являются не производственные — классовые в первую очередь — отношения, а движение вещей.

«Обмену рабочей силой» посвящено полстраницы. Он объясняется тем, что рабочая сила, «подобно всякому товару ищет рынок, на котором она может быть продана по более высокой цене. Так же как капитал идет за более высокой нормой прибыли, рабочая сила идет за более высокой заработной платой» (с. 30). Извращения, возведенные Дахшлегером в правило, здесь достигают апогея. Подобно всем буржуазным ученым (и их меньшевистским приспешникам, представителем в экономической теории которых в СССР был пресловутый И. Рубин) Дахшлегер делает экономически «равноправными» капиталиста и рабочего; оба-де они совершенно и абсолютно равноправные товаровладельцы. Впрочем, здесь Дахшлегер делает оговорку: «В отсталых сельскохозяйственных странах относительно избыточное население должно было эмигрировать»; но тут же наш автор пишет: «в промышленно развитом государстве население находило приложение своему труду» — словом, — да здравствуют страны с развитой капиталистической промышленностью, счастливый эдем, где каждый может легко и свободно найти себе работу⁶ (надо помнить, что книга писалась тогда, когда безработица в СССР еще не была в основном ликвидирована)! Да посрамятся Маркс и Энгельс и их последователи, считающие существование резервной рабочей армии относительно-избыточного населения законом капитализма!

Мы полагаем, что приведенных примеров вполне достаточно для характеристики картины, изображаемой Дахшлегером, и нет необходимости дополнять ее анализом изображения им монополистического капитализма. Можно лишь указать еще некоторые положения: 1) «рост производства в условиях монополистического капитализма приводит к поискам колоний» (с. 41); мы-то полагали, что общепризнанным (по крайней мере для марксистов) является положение, что в эпоху империализма — монополистического капитализма весь мир уже разделен, и идут не «поиски колоний», а жестокая борьба за их передел. 2) Мы полагаем, что эпоха империализма есть эпоха финансового капитала; по Дахшлегеру же оказывается, что напр., во Франции «быстрое развитие тяжелой индустрии... передает теперь (в послевоенный период — Б. К.) руководство политической жизнью в руки крупных заводчиков» (с. 76); оказывается — заводчики, а не олигархия финансового капитала, правят империалистической Фран-

⁶ Даже старики-рабочие, оказывается, благоденствовали в странах развитого капитализма (Германии, Франции) — они «нередко обеспечивали себя сбережениями на старость», или «могли найти себе источник существования в различных профессиях» (с. 93).

⁷ Ср. положение новейшего «социалистического учебника политической экономии» социал-фашиста Альфреда Браунталя: «основа теории обнищания, теория о промышленной резервной армии — несостоятельна» (цитировано по журн. «Большевик» № 4, с. 78. 1931 г.).

цией; остается один шаг, чтобы утверждать о возможности эры мирного капитализма, ибо воинствующий и агрессивный империализм есть лишь «политика финансового капитала», как то утверждает на с. 44 наш автор.

3) Мы полагаем, что борьба между империалистическими державами обусловливается стремлением обессилить своего противника, стремлением к захвату и господству, к расширению поля эксплуатации капиталистической группировки данной страны; однако по Дахшлегеру оказывается, что целью империалистической державы является создание автаркии, независимости; она «стремится создать себе свой мир, обеспечивающий ее всем необходимым для самодовлеющего независимого от других групп существования» (с. 65). Теперь нам понятна экспансия несчастной Америки, ее бешеная борьба с Англией и стремление «американизировать» Европу. Теперь нам понятно также почему гремели пушки американских крейсеров в Китае.

Какие выводы следуют из этих его положений: 1) Мировое хозяйство, его структура, особенности, положение отдельных его частей зависят в первую очередь от природной среды; 2) производственные отношения, классовые отношения нас не интересуют, когда мы изучаем экономику мирового хозяйства и мировую экономическую географию; 3) взаимоотношения государств друг с другом определяются специализацией отдельных районов; 4) мировое хозяйство эпохи империализма конституируется обменом продуктов, движением вещей между отдельными районами; 5) на первый план выплывает проблема связи между отдельными государствами, их взаимной зависимости, а не противоречий, борьбы⁸. 6) Стремление к захвату и порабощению, крайняя агрессивность и бешеная борьба империалистов между собой заменяются и объясняются стремлением к созданию автаркии и т. д. и т. п. Словом, мы здесь имеем грубо извращенную картину, основным смыслом которой является преуменьшение противоречий империализма, смягчение действительной его агрессивности, т. е. извращение действительной силы мирового капитала и действительных перспектив мировой революции.

Тут же следует указать, что эта картина невольно должна навевать мысль о том, что нет никаких оснований думать о нападении империалистов на СССР, ибо к этому у них нет никаких причин; к такому выводу должно неизбежно привести положение, что причина экспансии, это стремление к независимости, самостоятельности⁹. Из настойчивого подчеркивания связи зависимости одной части мирового хозяйства от другой, из многократного повторного утверждения, что в настоящее время «каждое государство не может жить изолированно, независимо от других» (с. 24, с. 38 и др.), — неизбежно следует логический вывод, что стремление СССР к экономической независимости неосуществимо, что невозможно строить социализм в одной стране.

* * *

Как изображает проф. Дахшлегер закономерности развития СССР, как рисуются им перспективы и пути дальнейшего развития нашей страны? Прежде

⁸ Если проф. Дахшлегер и говорит иногда для приличия о борьбе, то лишь о борьбе между национальными группами буржуазии (см. напр. с. 40), но никогда не о борьбе между капиталом и пролетариатом. Совершенно естественно также, что он совершенно не изучает проблему колоссального значения для выяснения перспектив мировой революции — проблему национально-колониальную; колонии у него выступают лишь как придаток капитализма.

⁹ Единичное заявление проф. Дахшлегера на с. 83 о том, что «четыре» хозяйственные области... солидарны в борьбе против СССР... как страны, строящей иную враждебную им систему хозяйства, при всем несовершенстве этой формулировки остается у него «аллилуйя».

всего здесь нас интересует вопрос — как характеризуется проф. Дахшлегером экономика СССР.

Мы уже упоминали что проф. Дахшлегер ни разу не употребляет для характеристики наших производственных отношений понятия диктатуры пролетариата. Совершенно естественно, что игнорируя роль производственных отношений, проф. Дахшлегер не считает необходимым специально останавливаться на вопросах о частном капитале в СССР, на проблеме уничтожения противоположности города и деревни и т. д. Проблеме обобществления сельского хозяйства посвящено проф. Дахшлегером ровно 17 строк (преимущественно цифровой материал) в параграфе «использование теории Тюнена в системе советского сельского хозяйства», да и то, чтобы показать, что «социалистический сектор пока еще не является доминирующим по своему удельному весу в нашем сельском хозяйстве», и доказать, что «наше сельское хозяйство еще зависит от рынка и вовне... и внутри» (с. 150—151). Нечего говорить о том, что напр. проблема борьбы с кулаком и союза с середняком совершенно «забыта» нашим «экономистом». «Пред нами стоит задача, — пишет он, — интенсификации сельского хозяйства. С точки зрения экономики-географической, это сводится к вопросу о географическом размещении сельского хозяйства» (с. 145) и т. д. и т. п. — вот изложение существа проблемы у нашего автора. Проблема классовой борьбы, как видим, здесь и не упоминается.

Да и само представление о социализме, даваемое в книге проф. Дахшлегера, ничуть не нарушает общей его установки.

Социалистическое хозяйство есть высшая форма географического разделения труда. Это будет техническое размещение производительных функций в районах, природные условия которых обеспечивают наибольший эффект хозяйственной деятельности (с. 37, 151, 177). Таким образом социализм лишается его социального содержания, уничтожается классовый смысл нашей революции и революционного строительства. Все дело сводится к рациональному размещению «производительных сил»¹⁰ (что подразумевает под производительными силами проф. Дахшлегер мы уже видели).

* * *

Совершенно очевидно, что ставя во главу угла технические процессы, движение вещей, что отрывая производительные силы от производственных отношений и выбрасывая за борт экономической географии изучение общественной формы производства, проф. Дахшлегер пропагандирует идею об одинаковости (в основном) закономерностей развития и капиталистического и советского «хозяйств», отрицая тем качественное отличие нашего строя производства от капитализма. Как для того, так и для другого он считает в основном правильными и приложимыми буржуазные теории Тюнена и Вебера.

Вот совет проф. Дахшлегера: «стремясь научно обосновать процессы интенсификации нашего сельского хозяйства, мы должны взять у Тюнена все то, что приложимо к нашей сегодняшней действительности» (с. 152). То же самое повторяет он и по отношению к теории Вебера, весь смысл которой состоит в апологетическом изображении размещения капиталистического хозяйства как размещения рационального (с частнохозяйственной точки зрения): «Стремясь научно обосновать эти процессы (размещение нашей промышленности — Б. К.) мы должны взять у Вебера все то, что приложимо к нашей сегодняшней действительности»

¹⁰ См. напр. «Там (в капиталистических странах) происходит вкладывание капиталов, исходя исключительно из интересов капиталистов предпринимателей, а у нас и интересов всего народного хозяйства в целом» (с. 171).

(с. 179)¹¹. Эти слова проф. Дахшлегера являются последними словами его книги, венчая ее концом, достойным всего ее содержания.

Но дело далеко не только в приложении заведомо буржуазных теорий и закономерностей развития капитализма к нашему хозяйству. Дело также и в том, что эта антимарксистская установка, несмотря на все старания замаскировать ее, прорывается у проф. Дахшлегера в ряде практических антипартийных установок, для конкретных мероприятий экономической политики советского государства.

Приведем один пример, долженствующий показать, что развитие нашего хозяйства стоит в непосредственной зависимости от мирового капитализма (а мы помним настойчивые утверждения Дахшлегера, что в наше время никакое государство не может быть самостоятельным в хозяйственном отношении). Речь идет о перспективах развития свиноводства и зернового хозяйства. Позиция Дахшлегера здесь такова: «рост спроса на лен и повышение мировых цен на него должны стимулировать интенсификацию наших льноводческих районов, и наоборот» (с. 151). Таким образом, если бы не мировое хозяйство, наше льноводческое хозяйство не развивалось бы. Характеризуя довоенную Россию, проф. Дахшлегер писал: «возможность массового вывоза хлеба за границу заставила увеличить вспашки, повысила благосостояние крестьянства, увеличила спрос крестьянства на фабричные товары и этим самым помогла развитию нашей промышленности» (с. 104). Примерно то же положение рисуется Дахшлегером и для настоящего времени: «Наибольшие избытки хлеба дают Украина и Северный Кавказ. Эти районы находятся в непосредственной близости к Черному морю, что связывает их с мировым рынком. Именно эта связь стимулирует развитие здесь зерновых культур и определяет направление этого развития» (с. 136).

Какой вывод следует из всех этих положений? Вывод об определяющем значении мирового рынка для нашего развития, о необходимости ориентировать развитие нашего хозяйства по закономерностям капиталистического хозяйства.

То же самое, в несколько иной форме, проповедуется и в другом месте. Трактуются вопрос о малой товарности сельского хозяйства, и здесь основная причина, оказывается, лежит не в отсталости и раздробленности крестьянского хозяйства и не в классовой борьбе — сопротивлении кулачества мероприятиям советской власти, — а совершенно в ином: «раз фабричная промышленность, — пишет проф. Дахшлегер, — не снабжает деревню достаточным количеством готовых товаров, крестьяне задерживают сырье» (с. 145)¹². Проф. Дахшлегер не потрудился здесь привести хотя бы несколько цифр продукции промышленности, снабжающей деревню, не потрудился указать, кто задерживает сырье, какие «крестьяне» и почему это делают. Зачем все это? Цель его — доказать, что вне развития товарного хозяйства, вне капиталистического пути нет иного метода развития сельского хозяйства.

¹¹ Здесь проф. Дахшлегер не только делает свои обычные оговорки, он перестраховывает себя ссылкой на соответствующее высказывание т. Баранского (как не вспомнить слов Гейне: «ссылаться очень любит чорт на доводы священного писания»), хотя до положения „священного писания“ работам т. Баранского еще очень, очень далеко. Это высказывание виднейшего из современных экономгеографов-коммунистов т. Баранского, как и некоторые другие его высказывания (напр. о Гетнере), ничуть не усиливает позиции проф. Дахшлегера. Наоборот, они выявляют значительное неблагоприятие с методологией в работах самого т. Баранского — поистине, если враги нас хвалят, значит мы ошибаемся.

¹² Вредители, фигурировавшие на процессе союзного бюро РСДРП рассказывали, что одним из методов, к которым они прибегали, был усиленный завоз товаров в сельские районы, создание там перенасыщения. Но на процессе они говорили открыто (чего не делает проф. Дахшлегер, хотя из его позиции вытекает такой же вывод), что делали они это для того, чтобы оголить снабжение рабочего потребителя, вызвать его недовольство сов. властью и, перенасытив деревенский рынок, развязать руки торговцу, спекулянту — словом для ускорения реставрации капитализма.

Итак, здесь вывод: единственный путь развития советского хозяйства — это путь развязывания капиталистических отношений.

Программа реставрации капитализма преподнесена, как мы видим у проф. Дахшлегера, в полном объеме. Грубейшим образом извращая марксистско-ленинский метод материалистической диалектики, отрицая возможности строительства социализма в одной стране, отрицая возможности строительства социализма именно в СССР, лишая классового, пролетарского содержания нашу революцию, отрицая возможность нового социалистического пути развития, игнорируя обострение классовой борьбы внутри страны, отрицая неизбежность нападения на СССР со стороны мирового капитала, проповедуя процветание капиталистического хозяйства и неизбежность подчинения развития нашего хозяйства закономерностям капитализма, — проф. Дахшлегер в своем учебнике дает все основные элементы меньшевистской концепции ¹³.

* * *

Книга в десяти тысячах экземпляров распространялась по СССР в качестве учебника для вузов и для заочников в первую очередь. В ее задачи, как учебника, входила помощь образованию специалиста для советского хозяйства.

Проф. Дахшлегер, изображая значение народного образования, пишет: «Проблема народного образования в капиталистическом обществе есть чисто хозяйственная предпринимательская проблема» (с. 96). И здесь он по свойственной ему манере (или занятой им политической позиции) извращает дело. Проблема народного образования в капиталистических странах далеко не «чисто хозяйственная» проблема. В период империализма, а тем более в период всеобщего кризиса капитализма, эта проблема одновременно является и политической проблемой огромной важности, проблемой воспитания молодого поколения в нужном для капитализма направлении. И в этом политический смысл социал-демократических «теорий», и в этом политический смысл вредительского учебника проф. Дахшлегера, — в нем он исполняет поставленную его «предпринимателем» — капиталом — кардинальнейшую задачу идеологического воспитания в антимарксистском духе советского молодого поколения ¹⁴. Это и заставило нас выступить с данной рецензией на книгу, которая по своему научному содержанию не заслуживает такого внимания.

И последнее замечание. Огромное значение экономической географии и свободное хождение таких книг, как учебник проф. Дахшлегера, как учебники экономической географии открытых вредителей — Рыбникова, Коган-Бернштейна, Чайнова и др., ряд явных методологических провалов в работах виднейшего из марксистов-экономгеографов т. Баранского, должно заставить экономистов-марксистов обратить серьезное внимание на этот участок научной теории пролетариата.

¹³ Совершенно очевидно, что в условиях диктатуры пролетариата всякая буржуазная теория, желающая пропагандировать свои идеи, может (а в условиях обострившейся классовой борьбы и усиленно пытается) появиться на советский свет в печатном виде лишь в том случае, если она мимикрирует под марксизм, сумеет хотя бы на время скрыть свое действительное научное и классовое содержание. Поэтому совершенно понятно, что свою меньшевистскую антисоветскую концепцию проф. Дахшлегер прячет под оболочку формальных деклараций, каждое слово, высказывание сопровождается оговорками и оговорочками, широко пользуется методом „аллилуйщины“ для того, чтобы скрыть свое действительное классовое лицо.

¹⁴ Коллектив научных работников Института народного хозяйства им. Плеханова поступил совершенно правильно, выдвинув, после обсуждения данного учебника, вопрос об исключении проф. Дахшлегера из секции научных работников и одобрив снятие его с заведывания кафедрой экономической географии.

ЛЮЛИНЕЦКИЙ

«Всеобщий закон капиталистического накопления», ст. Зимаян. (Большая сов. энциклопедия, т. XIII).

Всеобщий закон капиталистического накопления у Маркса вскрывает основные противоречия капиталистической системы, основанной на общественном характере производства и частном характере присвоения. В этом законе Маркс вскрывает противоречие, существующее при капитализме между ростом производительности труда и все растущей нищетой масс. Огромнейшие богатства все более накапливаются и собираются в руках кучки буржуазии, в то время как рабочий класс, создатель этого богатства, подвергается все большему гнету и разорению.

Маркс во всеобщем законе капиталистического накопления показал, как наряду с угнетением пролетариата растет его организованность и сплоченность. Капиталистический строй подготавливает условия своей собственной гибели и торжества социализма.

Вполне естественно, что этот закон, опирающийся на теорию концентрации капитала и теорию обнищания рабочего класса встречен был в штыки со стороны буржуазии и ее приспешников. Особенно яростным нападкам подверглась с их стороны теория обнищания. Одни (подавляющая часть) совершенно отрицают уменьшение доли рабочего класса в национальном доходе, другие под давлением фактов допускают относительное уменьшение доли рабочего класса в доходе при его абсолютном росте. Каково же мнение Маркса и Ленина по этому вопросу?

На основе тщательного анализа богатейшего фактического материала, характеризующего положение рабочего класса и трудящихся Англии середины XIX в. Маркс делает следующий вывод по интересующему нас вопросу об обнищании.

«Из этого следует, что по мере того, как капитал накапливается, положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была высока или низка его оплата... Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал» «Капитал» т. I с. 638).

Можно ли сомневаться в том, что Маркс имел ввиду относительное и абсолютное обнищание рабочего класса? Конечно, нет. Еще в своих ранних работах Маркс говорит о всяком обнищании рабочего класса, как об абсолютном, так и об относительном. Он неустанно подчеркивает рост нищеты рабочего класса с одной стороны, и богатства капиталистов, с другой. Говоря о факторах, влияющих на понижение заработной платы, Маркс заканчивает: «Итак, в ходе развития заработная плата понижается двояким образом: во-первых, относительно, по отношению к развитию общего богатства; во-вторых, абсолютно, так как количество товаров, которые рабочий получает в обмен, все уменьшается» (т. V, с. 545).

Маркс нигде не противопоставляет и не отделяет абсолютного обнищания от относительного при рассмотрении капитализма в целом, ибо они органически связаны между собой.

Такая же связь устанавливается и Лениным между относительным и абсолютным обнищанием:

«Рабочие нищают абсолютно, т. е. становятся прямо-таки беднее прежнего, вынуждены жить хуже, скуднее, больше недоедать, ютиться по ледялам и чердакам. Еще нагляднее, однако, относительное обнищание рабочих, т. е. уменьшение их доли в общественном доходе. Сравнительная доля рабочих в быстро богатящем капиталистическом обществе становится все меньше, ибо все быстрее богатеют миллионеры» (Ленин, Собр. соч., т. XII с. 566).

Каутский в своей полемике с Бернштейном стоит за относительное обнищание. Свою позицию он маскирует еще тем, что толкует о «физической» и «социальной» нищете. У Каутского можно встретить и такие каучуковые формулировки: «Если движение заработной платы при капиталистическом способе производства совершается не в направлении постоянного обнищания, то и не в направлении постоянного под'ема». Однако, нигде мы у Каутского не найдем четкого утвердительного ответа по вопросу об абсолютном обнищании.

Современная соц.-демократия отошла и от общекаучуковых установок Каутского. Учение об обнищании пролетариата социал-предатели «сдали в архив», что зафиксировано в программе Коминтерна.

Что же мы находим по вопросу об обнищании в ст. Зимана, помещенной в т. XIII «БСЭ» и написанной к тому же после VI конгресса Коминтерна. Ведь от Большой советской энциклопедии мы вправе требовать наиболее выдержанную марксистскую трактовку теории обнищания.

Оказывается, что автор в этом вопросе стоит на каутскианских позициях. Нигде нет положительной трактовки абсолютного обнищания. Даже больше — абсолютное обнищание приписывается Бернштейну как поклеп на Маркса.

«Чтобы облегчить себе критику Маркса, Бернштейн, в основном повторявший мысли, высказанные до него типичным буржуазным экономистом и эклектиком Ю. Вольфом, извращает формулировку Маркса. Приписав Марксу мысль о неизбежности абсолютного обнищания и вымирания пролетариата, Бернштейн затем разбивает эту им самим построенную «теорию обнищания» (самый термин «теория обнищания» введен в употребление критиками Маркса». («БСЭ», т. XIII, с. 545).

Выходит, что Маркс и не говорил об абсолютном ухудшении положения рабочего класса с развитием капитализма. Дело, конечно, не в термине, хотя т. Зиману, видимо, не безызвестно, что у Ленина фигурирует термин «обнищание».

Такое замалчивание «абсолютного обнищания» Зиманом особенно странно, так как данные, приведенные им из работы Бутса и Граната, могут подтвердить абсолютное обнищание рабочих Англии. Ведь не следует забывать о «пресловутой статистике», о которой пишет и сам Зиман, не следует забывать, что речь идет о положении рабочих членов «тред-юнионов», т. е. наиболее организованной и материально обеспеченной части английского пролетариата.

Даже такой отпетый ревизионист как Прокопович, не раз в свое время нападавший на теорию обнищания Маркса, говоря в своей последней работе о распределении народного дохода, подтверждает но существованию статистических данных правильность теории абсолютного обнищания.

«Рост дохода на одном полюсе современного общества приводит к его падению на другом полюсе; средние общественные группы не затрагиваются этим под'емом». (Прокопович, «Народный доход западноевропейских стран»).

Выдержанной трактовки от «БСЭ» нужно требовать еще и потому, что у некоторых товарищей нет должной четкости в вопросе об обнищании. Иногда проявляется известное примиренчество к каутскианской трактовке.

Такое примиренческое отношение, например, сказывается у Дингельштадта: «Правда и до сих пор еще не может считаться окончательно и детально подтвержденной новыми материалами та точка зрения, которая должна была бы считаться единственно вытекающей из основных положений Маркса» (Дингельштадт, «Накопление капитала и обнищание рабочего класса»).

Ведь нужно же наконец отличать действительность от фальсифицированной буржуазной статистики, которая в лучшем случае фиксирует номинальную заработную плату наиболее обеспеченной части рабочих, организованной в профсоюзы. Совершенно не учитывается быстрое изнашивание рабочей силы благодаря капиталистической рационализации, не учитывается рост дороговизны, увеличение

налогового бремени, наконец время безработицы, приходящееся в среднем на рабочего, не говоря уже о миллионной застойной безработице.

Известна ошибка т. Варга по вопросу о повышении прожиточного уровня американского рабочего. Тов. Варга смешал прожиточный уровень с реальной заработной платой, не учтя того, что на жизненный уровень влияет резервная армия, налоговый пресс и ряд других факторов.

При современной капиталистической рационализации и сопутствующей ей структурной безработице, при хроническом характере безработицы, даже в периоде подъема капиталистического хозяйства исчисляемой миллионами, при все учающемся депрессивном состоянии капиталистического хозяйства с небывалой силой и яркостью подтверждается абсолютное обнищание рабочего класса. Мировой экономический кризис с его 40 млн. безработных и миллионом частично безработных, т. е. около $\frac{1}{10}$ всех трудящихся, является только дополнительной иллюстрацией теории обнищания Маркса. Редакции «БСЭ» следует исправить допущенную ошибку в ст. Зимана по вопросу об абсолютном обнищании. Тов. Зиман в «Проблемах экономики» № 11—12, 1931 г. в трех строчках, загнанных к тому же в примечание к его статье «О законе капиталистического накопления», признает, что им была допущена ошибка в его статье, но этого явно недостаточно.

Тов. Зиман пишет: «Я допустил серьезную ошибку, не подвергнув критике каутскианскую теорию относительного обнищания и дал ряд неправильных формулировок».

Во-первых, тов. Зиман допустил более существенную ошибку в том, что сам стал на точку зрения Каутского, как видно из приведенной мною выше цитаты, а потому нужно было не дипломатничать, а дать развернутую критику своей установки. Во-вторых, это нужно сделать в «БСЭ», ибо сотни тысяч читателей «БСЭ» и не прочтут примечания в «Проблемах экономики».

КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ МЕНЬШЕВИЗМ ПЕРЕД ЛИЦОМ ПРОЛЕТАРСКОГО ПРАВОСУДИЯ *

ЛАПИНСКИЙ

СОЦИАЛ-ФАШИЗМ КАК ОРГАНИЗАТОР ИНТЕРВЕНЦИИ

Процесс, происходящий в настоящий момент в Колонном зале Дома союзов, вскрыл небывалую, неслыханную картину двурушничества и прямой подготовки к интервенции со стороны социал-демократии. По сути, это уже не процесс жалких 14-ти людей, восседающих на скамье подсудимых. По историческому значению — это процесс II Интернационала, процесс социал-фашизма. 14 подсудимых сами по себе представляют плачевную и жалкую картину. «Именитые» люди с большим прошлым, многие, как Гинзбург, Наумов и др. с 30-летним социал-демократическим прошлым, сами заявили на процессе, что достаточно было немногих дней заключения в тюрьме, для того, чтобы они переменили полностью свое мировоззрение. Чего стоит мировоззрение, выковывавшееся в течение 30 лет и рухнувшее в несколько дней? Дело не в них. Они — вымирающая политическая порода, но за ними стоит, ими руководит еще мощная организация, которая тоже начинает отмирать на наших глазах, но которая еще умеет влиять на многие миллионы рабочих. Это — II Интернационал, организация социал-демократии, социал-фашизма.

Вместе с худшими врагами рабочего класса, он подготавливает блокаду, войну, принимает прямое участие в подготовке интервенции против цитадели мировой революции, против первого пролетарского государства.

Отдельные слова и отдельные резолюции II Интернационала как будто говорят против этого. Комиссия, назначенная II Интернационалом совместно с Амстердамским интернационалом профсоюзов, заседавшая на днях в Цюрихе, вынесла резолюцию, посвященную анализу мирового экономического кризиса, и пытающуюся наметить пути выхода из него. В укромном уголке этой резолюции можно найти несколько строк в пользу активной поддержки торговых сношений и восстановления и укрепления дипломатических и других сношений с Советским Союзом.

Имеется ряд других фактов. Так называемое рабочее правительство Макдональда, поспешило как будто бы восстановить с нами дипломатические и другие сношения. Факт признания нас в 1924 г. правительством не социалистов, но союзников социалистов, так называемых радикал-социалистов, по существу опиравшихся на социалистическую партию. Между тем бесспорным, не подлежащим никакому сомнению фактом, является то, что партия II Интернационала и II Интернационал в целом активно, прямо и косвенно являются интернационалом войны, принимающим прямое и косвенное участие в подготовке блокады, интервенции, против Советского Союза.

Вспомним советско-польскую войну 1920 г. Разве ППС во главе с Пилсудским, от которого сна старается под ударами его жнута теперь несколько отме-

*, Сокращенное изложение докладов, читанных 4 и 8 марта с. г. в Ком-академии.

жеваться, в тот момент не принимала непосредственного решающего участия в войне против Советского союза? А Дашинский разве не стал во главе того правительства, которое вело против нас войну? Ну, а германская социал-демократия, разве не вела прямой войны с нами? Разве, когда большевики взяли власть, германская социал-демократия пошевелила пальцем, чтобы прекратить состояние войны между кайзеристской Германией и советской властью? Разве германская социал-демократия не отвечает за Брест-Литовский мирный договор, который Ленин назвал самым похабным, самым насильническим миром, который знала история. Шейдеман рассказывает в своих мемуарах, как по вопросу о голосовании за или против ратификации Брестского мирного договора, шла внутренняя борьба в социал-демократической фракции рейхстага и даже Шейдеман, имя которого для нас всех стало нарицательным именем для обозначения худшего вида социал-предателя, социал-патриота, социал-фашиста, с группой своих коллег очутился на «левом» фланге, ибо он был против ратификации Брестского мирного договора. А Эберт, впоследствии президент германской республики, и К^о ратовали за ратификацию Брестского мирного договора.

Помирились на компромиссе, на том, что воздержались от голосования. Вот все, что было сделано германской социал-демократией в отношении такого мира, каким был Брестский мирный договор.

Но с Брест-Литовским миром не прекратилась война. Эту войну продолжали так называемые балтийские партизанские отряды, вербовавшиеся из германского, прибалтийского и отчасти просто российского офицерства, пользовавшиеся непосредственно поддержкой и помощью германской социал-демократии.

Август Виннинг, в свое время известный социал-демократ и профсоюзный деятель, в своей книге, в главе «Отпор Красной армии» в 1928 г., воспекает геройские подвиги этих отрядов. Когда же мы разбили эти отряды и остаткам их пришлось уходить непосредственно в Германию за спину германской социал-демократии, тогда последняя пыталась прямо и косвенно сохранить их для борьбы со спартаковским движением, с революционным авангардом германского пролетариата и распустила их только по требованию Антанты, под прямым давлением Фоша и др.

Но это не все. Политика, которую германская социал-демократия проводила в эпоху германской революции в конце 1918 г. и в начале 1919 г., сделала ее настоящей родоначальницей той политики непризнания СССР, той политики борьбы с так называемой пропагандой, с «вмешательством» во внутренние дела буржуазных государств, с которой нам с тех пор все время приходится иметь дело.

Герман Мюллер, вождь германской социал-демократии, недавний германский канцлер, выступающий и сейчас против нашего «демпинга», в книжке, выпущенной в 1928/29 г., в воспоминаниях о революции 1918 г. с гордостью вспоминает, что так называемое народное правительство, состоявшее в равной мере из социал-демократов так называемого большинства и социал-демократов так называемых независимых, в принятой и всенародно опубликованной программе не требовало восстановления сношений с Советской республикой. Программа была опубликована всего через 3 дня после того, как вспыхнула революция. И даже когда под натиском революции ему пришлось все же несколько повернуть, то и тогда нам поставили первым условием восстановления сношений с нами воздержание от так называемой пропаганды, от вмешательства во внутренние германские дела.

Уже после кайзеризма никто иной, как социал-демократия подала инициативу и мысль о технике проведения разрыва с нами и изгнания нашего посольства из Берлина. Об этом мы узнаем из мемуаров Шейдемана. Об этом же рассказывает и последний из кайзерских канцлеров, принц Баденский. Он рассказывает, что Шейдеман предложил устроить так, чтобы один из ящиков нашей дипломатической почты на Силезском вокзале в Берлине, «нечаянно» раскололся. Тогда без нарушения дипломатических приличий можно будет установить, что мы провозим нелегальную литературу, а на этом основании можно будет нас изгнать.

Принц Баденский так и пишет: ящик советского посольства на Силезском вокзале, согласно плана, нечаянно раскололся. И на основании содержимого этого ящика и состоялось изгнание посольства из Берлина. Чрезвычайно пикантна мотивировка Шейдемана, который тогда на заседании Кабинета (об этом рассказывает принц Баденский) сказал: «большевизм есть сейчас большая опасность, чем Антанта». Это было сказано в тот момент, когда Германия была в состоянии войны с Антантой, когда война была еще на полном ходу.

Следующий исторический факт, на который можно указать, это Раппальский договор, явившийся фундаментом наших современных отношений с Германией. Германская социал-демократия была противницей этого договора. Активнейшим его врагом был президент германской республики Эберт. Об этом мы опять узнаем в точности из социал-демократических источников.

Вот основные факты. Как объяснить такое поведение социал-демократии? Случайное ли это явление? Нет. Все развитие политики II Интернационала, в частности германской социал-демократии по отношению к нам представляют одну сплошную логическую цепь. Оно связано со всей эволюцией социал-демократии. Ленин говорил, что оппортунизм вырачивался, слагался десятилетиями, но преемственность между отдельными этапами в развитии оппортунизма все время сохранялась. В другом месте он пишет, что социал-шовинизм, есть законченный оппортунизм. То же самое и мы можем сказать: социал-фашизм есть законченный социал-империализм. Социал-империализм есть законченный оппортунизм, только другой эпохи, и поэтому принимает другой характер. Социал-фашизм есть ни что иное, как естественное продолжение социал-империализма с прибавлением кое-чего нового, соответствующего новым условиям эпохи, а именно с прибавлением борьбы фашистскими методами с революцией, с основными массами рабочего класса, с революционным авангардом и с Советским союзом.

В былые времена мы характеризовали социалистическую партию как мелкобуржуазную партию, а мелкой буржуазии свойственно колебаться, стремиться занимать какую-то среднюю линию, какие-то средние позиции между пролетариатом и буржуазией. А между тем мы видим, как линия развития социал-демократии показывает все меньше колебаний; она все более развивается в сторону отождествления с чистой политической монополистической империалистической буржуазией, современного финансового капитала. Ибо слишком высоко уже зашло современное империалистическое развитие, слишком остра классовая борьба для того, чтобы много оставалось места для какой-то золотой середины, для какого-то мелкобуржуазного социализма.

И Эберт, и Шейдеман, и Носке, и Велльс, и Хердинг, и Зеверинг с первого момента и даже до момента наступления революции без шатаний, прочно, сознательно стали на почву чисто капиталистической контрреволюции. Они спасали буржуазно-капиталистическое общество от коммунистических рабочих руками старого офицерства, худших кайзеристских палачей рабочего класса.

Они даже не довершают буржуазной революции. Они оставляют крупных помещиков. Они не пытаются объединить политически Германию, оставляя федералистское распыление Германии — одно из наследий старого феодализма и старой монархии. И даже в области чисто политической они далеко не сразу становятся на почву республики. Из ряда источников, из мемуаров принца Баденского мы знаем, что Эберт и другие стояли на почве монархии, стремились спасти ее остатки. Эберт прямо мечтал об этом и вел переговоры о сохранении на престоле если не Вильгельма, то по крайней мере одного из его сыновей, обращался с просьбой к принцу Баденскому, чтобы в крайнем случае он стал регентом. Социал-демократия старается это опровергнуть, но Шейдеман, ближайший друг Эберта, в своей книге подтверждает этот факт. Социал-демократия восприняла республику, как неизбежное зло, так как стремилась вести исторический процесс в органической связи со всем прошлым. Даже буржуазная республика представля-

лась Эберту и другим слишком рискованным историческим прыжком. И если они все же восприняли лозунги «чистой» демократии, то только под нажимом народно-революционной борьбы и из боязни, что если они этого не сделают, то историческое развитие пойдет значительно дальше, опрокинет их и доведет дело до настоящей социалистической революции и до диктатуры пролетариата в Германии.

Вот как выглядел первый этап развития социал-демократии. Ей удалось спасти буржуазию от коммунистических рабочих. Но когда она была уже спасена и при помощи социал-демократов укрепилась у власти, наступила новая промежуточная полоса, когда нужно было вести повседневную работу для буржуазии, когда с.-д. учились и приучали массы к этой повседневной работе для капитализма, когда еще нужно было вносить кое-какие поправки к капитализму для удержания масс за собой и из страха перед революцией. Эти поправки носили не только политический характер, как Веймарская конституция, но и политически-социальный, как например некоторая борьба против дороговизны на продукты питания, как политика в области налогов, в области социального законодательства и т. п.

Но уже, примерно, с 1926 г. наступает новый этап развития социал-демократии, который мы и наблюдаем в настоящий момент, когда началось наступление буржуазии по всей линии на пролетариат, когда наметилось новое обострение всех основных противоречий империализма, когда СССР по другую сторону баррикады стал неслыханно расти в смысле экономической и политической мощи, когда обозначился новый под'ем революции, когда все отчетливее начали противостоять друг другу две мировые системы — система строящегося социализма и система загнивающего капитализма.

Эта эпоха поставила перед социал-демократией новые задачи. Это и есть эпоха социал-фашистского развития. Тут нужно было уже без остатка занять позицию либо пролетариата, либо капиталистической буржуазии. Эту последнюю позицию социал-демократы и заняли во всех направлениях. Так и сложилась та система социал-фашистской политики, которую мы наблюдаем в настоящий момент и которая неразрывными нитями органически связана с военной политикой социал-демократии, с подготовкой интервенции, ибо это вещи неразделимые. Мы видим полное единство и последовательность во «внутренней» и «внешней» политике социал-фашизма. Во внутренней — политика сокращения заработной платы, свертывания демократии, свободы стачек, открытого классового движения, возможности существования открытых профсоюзов и легальных революционных партий. Во внешней политике это проявляется в прямой поддержке империализма своей страны, милитаристских вооружений, политике буржуазно-пацифистского обмана, политике поддержки Лиги Наций, пан-европейских замыслов, всей колониальной разбойнической политики капитализма.

Совершенно недвусмысленна роль Макдональда в поддержке политики вооружения, когда он на открытии Лондонской конференции произнес слова, с восторгом подхваченные английской буржуазной прессой: «Флот — это мы. Флот — это Великобритания».

Там же, где социал-демократия не находится у власти, она пытается свое активное участие в политике вооружений — замазывать. Она даже, как напр. во Франции, голосовала против военных кредитов, ссылаясь на традиции.

Выставляя Реноделя докладчиком бюджета по авиации, последняя конференция под давлением рабочих идет на «компромисс»: пусть Ренодель еще раз доложит военный бюджет, а в будущем году он от этого откажется.

Итак, она голосовала против кредитов, а одновременно ее люди были докладчиками военного бюджета.

И германская социал-демократия в своем отношении к вопросу о вооружении ничем не отличается от социал-демократии других стран. Это очевидно хорошо известно немецкой национальной партии Гугенберга. Она не слишком спе-

шит вернуться в парламент, стремясь заставить социал-демократию голосовать за кредит на крейсер «Б», ибо при отсутствии в парламенте голосов национальной партии, без голосов социал-демократии — кредит на этот крейсер не пройдет. Она хочет разоблачить социал-демократию перед массами, раскрыть перед ними всю лживость демагогической пропаганды ее против военных кредитов. Вот-де, когда нас не будет в парламенте, когда только при помощи голосов социал-демократии могут пройти военные кредиты на этот крейсер, тогда им придется голосовать за кредиты или правительство Брюнинга, которое они фактически поддерживают, останется в меньшинстве.

Приведу два факта из области колониальной политики. В последние дни февраля вопросы колониальной политики дебатировались во французском парламенте. Фроссар, один из руководящих социалистических депутатов, выбранный депутатом на остров Мартиника, при помощи одного из французских банков, фактически являющегося полным хозяином этой колонии, в своем выступлении выразил надежду, что «благодаря Франции слова «цивилизация» и «колонизация» станут синонимами». Это говорится в момент самых свирепых карательных экспедиций в Индокитае, на другой день после того, как в один день около 40 индокитайских революционеров было повешено французскими палачами.

И в Китае правительство Макдональда ведет прямую войну с теми частями Китая, которые освобождаются от ига капитализма и феодализма и вместе с тем от ига империализма.

Нанкинское правительство в своей борьбе с южными частями Китая, находящимися в настоящий момент в руках коммунистов, пользуется полной поддержкой всех капиталистических правительств, в том числе и рабочего правительства Макдональда.

Война в Китае ведется при непосредственной помощи II Интернационала.

Эта борьба с собственным рабочим классом, с трудящимися колоний, эта поддержка политики империалистической буржуазии органически связана с политикой подготовки блокады Советского Союза и интервенции, которую ведет II Интернационал. Французская социал-демократия поддерживает милитаристскую политику Пуанкаре и Бриана, союз с Польшей, с Юго-Славией, с Румынией, направленный прежде всего против нас, а во вторую очередь против Германии. Пресловутая пан-Европа Бриана также пользуется поддержкой французских социалистов. Когда теперь Бриан проводил политику некоторого сближения с Германией на финансовой почве, он поставил Германии условие разрыва сношений с Советским Союзом. Точно также Франция предостерегает и правительство Макдональда от «близости» с нами, выражает ему публичное порицание в самых грубых словах за распространение на Советский Союз экспортных кредитов и т. п. Политика немецкой социал-демократии целиком рассчитана на сближение с Антантой и прежде всего с Францией. В этом отношении у социал-демократии имеется полная смычка с самыми реакционными элементами германской капиталистической буржуазии и прежде всего с химическим трестом, ибо германская химическая индустрия переплетена всякого рода нитями с химической индустрией Франции.

Что касается Американской федерации труда, то эти господа являются настолько правыми, что считают для себя даже зазорным вхождение во II Интернационал. Но это вопрос костюма, а фактически они как представители рабочей аристократии являются плотью от плоти и кровью от крови II Интернационала и так и рассматриваются всеми партиями II Интернационала, которые только и мечтают о том, чтобы их вовлечь во II Интернационал. Вожди федерации являются застрельщиками политики непризнания Советского Союза, они ведут пропаганду против нашего, так называемого «демпинга» и являются активными пропагандистами в вопросах о «принудительном труде».

Что говорить о ППС — о наших непосредственных соседях? Несмотря на то, что они находятся в состоянии некоторой своеобразной борьбы с Пилсудским, все же они являются партией, на которую может Пилсудский до конца рассчитывать в случае войны с Советским Союзом. Во всех ведомствах Пилсудского, вплоть до дефензивы, а тем более в соответствующих отделах польского генерального штаба, сидят бывшие ППС'овцы. ППС — один из самых непоколебимых оплотов политики интервенции против СССР.

Не составляет исключения и Англия. Мы помним инцидент с Зиновьевским письмом. Это были те же люди, тот же Макдональд, доведший до наступившего разрыва с нами. Почему возобновлены сношения с нами? Тут, конечно, имеется своя сложная диалектика. Прежде всего, потому что правительство Макдональда находилось под давлением широких масс. Этот избирательный пункт платформы — возобновление сношений с нами — был один из самых популярных среди широких рабочих масс и даже среди либеральной средней и мелкой буржуазии.

Можно утверждать, что политика восстановления сношений с нами вовсе не была монополией Макдональда и его партии накануне выборов. Этот вопрос назрел во всех партиях, в либеральной партии безусловно в еще большей степени, нежели в рабочей партии, но в значительной степени и в среде консервативной партии.

Социал-демократы стали специалистами в важнейшей области — идеологической подготовке военного выступления против нас. Почему это важнейшая работа? Потому что в нашу эпоху не может уже быть войны без идеологии, не может быть никакой политики без той или иной массовой базы, следовательно без той или иной идеологии. Даже фашизм без массовой социальной идеологии не смог бы просуществовать и 24 часа.

Социал-демократы являются самым неутомимым и худшим клеветником в отношении Советского Союза. Кто, как не они подхватывают самые глупые, нелепые бредовые вымыслы против Советского Союза? Кто активно подхватил гнилую идею демпинга и принудительного труда? Кто, таким образом, помогает империалистам укоренить идею борьбы с нами, идею блокады Советского Союза и затруднения нашего импорта в страны капиталистического мира, если не социал-демократы.

Но не может быть сомнений и в прямой подготовке интервенции. Разве партии II Интернационала в те или иные моменты на тех или иных участках политического фронта непосредственно не участвуют во всяких закулисных разговорах и беседах тайной дипломатии, которая стала еще несравненно более сложной и subtilной, чем пресловутая довоенная тайная дипломатия.

Социал-демократы смеют утверждать, что они являются противниками блокады, а одновременно мы имеем такой факт — факт, который немногим известен. В «Нью-Йоркер Таймс» от 20 января можно прочесть, что с лишним 200 российских эмигрантов обратились с чем-то вроде манифеста к американскому народу и к американскому правительству. Манифест был вручен Гуверу. Манифест подписан больше, чем 200 человек эмигрантов, самыми именитыми, в котором они требуют от САСШ в самых патетических выражениях разрыва всяких связей с Советским Союзом, моральной и политической блокады, прекращения всяких торговых сношений. Тут имеются подписи: Гукасов, Лианозов, Нобель, Саблин, генералы: Деникин, Боговяленский, Миллер, Кедров и т. д. Наряду с этими именами — подписи Бунакова-Фундаменского и Авксентьева — вождей эсеров, входящих в состав II Интернационала!

Позвольте обратить ваше внимание на деятельность Каутского в этой области. Он доказывает, что режим большевиков есть режим сплошной контрреволюции. Он говорит, что это не всегда так было. Раньше все-таки большевики щадили кое-какие остатки революции, а теперь и остатков революции не щадят. Я процитирую дословно: «Они устранили величайшие завоевания революции — сво-

боду земли для крестьян и даже в этом отношении ушли дальше эпохи царя Александра II, вводя фактически в крупных предприятиях крепостничество для рабочих». Вот поэтому Каутский и приходит к выводу, что ничего хуже большевизма быть не может. У него есть теоретический спор с Даном и Абрамовичем. Дан и Абрамович на бумаге доказывают, что все-таки свергать большевиков силой, да еще при помощи иностранных интервентов неудобно, потому что это приведет к бонапартизму. А Каутский на это отвечает: «Ах, господа, спор этот совершенно пустой, какая разница между бонапартизмом и большевизмом? Разница заключается прежде всего в том, что большевизм — есть гораздо более контрреволюционное и роковое явление». И дальше: «Большевизм — не бонапартизм, это верно, но хуже бонапартизма». Отсюда вывод ясный. Он добавляет в интимном тоне: «По крайней мере для моего воображения, моей фантазии, нельзя представить себе ничего более ужасного, чем теперешнее состояние Советской России».

Поэтому он высмеивает всякие бумажные страхи Дана, Абрамовича и других, что большевизму может притти на смену бонапартизм, и объявляет, что все эти страхи «это только пугало, привидение, фантом». Ведь все лучше большевизма, а бонапартизм давно. Было бы хорошо, если бы большевики пришли к бонапартизму, это был бы «колоссальный прогресс». «Русский народ имел бы основания почитать себя счастливым, если бы советская диктатура уступила место диктатуре режима вроде Наполеона III, но к сожалению большевики не пойдут и на эту уступку». Поэтому он считает, что единственный выход, это — насильственное свержение большевиков вооруженной силой.

Конечно и Каутский остерегается говорить о войне, об интервенции. Он мечтает только вслух «о мощном народном восстании» и даже о «мощном взрыве бешенства народного». Но ясно, что мощный взрыв бешенства — это и есть, конечно, синоним войны, синоним интервенции. Потому что, если бы себе представить нечто подобное этому восстанию, то это моментально и привело бы к интервенции с благословения господ Каутского, Дана, Абрамовича и других.

Можно сказать, конечно, что этого нельзя принимать всерьез, что это вздор, бред сумасшедшего человека, одряхлевшего, выжившего из ума старика. Но ведь не в этом дело. Мы готовы признать смягчающие обстоятельства, мы готовы признать, что он выживший из ума дряхлый, озлобленный старик. Дело в том, что при всей своей дряхлости и тупом неистовстве и бешенстве Каутский говорит не только за себя. Он просто выбалтывает сокровенные мысли, чаяния своих коллег по социал-фашизму, по социал-демократии.

Да, товарищи, партии II Интернационала — это партии войны, ибо, как я уже говорил, кто ведет вооруженную войну с пролетариатом, тот должен бороться раньше или позже вооруженной рукой со страной диктатуры пролетариата. Прямая линия ведет от подвигов Носке и Зевеинга к интервенции, в особенности в наше время, ибо самым универсальным фактом современности, самым центральным фактом является столкновение двух мировых систем — той мировой системы, которая представлена Советским Союзом, мировой системы строящегося социализма, и той системы, которая представлена капиталистическими странами, мировой системой загнивающего капитализма.

Это Каутский не верит в нашу пятилетку, но другие более умные и менее дряхлые представители буржуазного мышления думают совершенно иначе. Наоборот, их озлобление, их ненависть рождается оттого, что они видят грандиозные успехи нашей пятилетки. Доказательств тому много. Для примера приведу слова председателя американского комитета по банкам и валюте, Мак-Фаддена, пытающегося дать прогноз для ближайших лет. Он говорит, что прогноз этот дать трудно, ибо перед нами неведомое: в 1931 г. определятся результаты пятилетки, и только тогда можно будет видеть ясно, куда идет наш мир.

Или заявление Мейхена — бывшего канадского консервативного премьера: «Без сомнения, следует допустить, что по пути осуществления пятилетнего плана проделаны колоссальные шаги. Отнюдь не невозможно, с некоторыми только оговорками, что цели пятилетнего плана будут достигнуты в четыре года».

Сплошь и рядом они усматривают источники мирового экономического кризиса в политических, а не в экономических факторах, а именно в том революционном процессе, который охватил Индию и Китай, величайшие потенциальные рынки будущего и прежде всего в той революции, которая охватила и которая строит социализм в Советском Союзе.

Черчилль на-днях в лондонской Палате общин сказал, что источники кризиса по сути можно свести к одному слову и это слово — Азия. К Азии конечно Черчилль изволит относить и Советский Союз. Детердинг, как и Черчилль, плачется, что самые мощные рынки — Индия, Китай и Советский Союз, охватывающие в общей сложности около 1 миллиарда населения, поглощают только 6% экспорта капиталистических стран. Им хотелось бы, чтобы в эпоху кризиса, когда они страдают от небывалого в истории перепроизводства, эти 6% чуточку увеличились. Это является первым фактором политики интервенции. Второй фактор — это опасность революции, которая становится все больше ощутимой, все более конкретной. II Интернационал ведет и тут ту же политику, что и мировой капитализм. Он тянется к рынкам, он еще сильнее, чем буржуазия, еще непосредственной ощущает угрозу мировой революции и вместе с 14 преступниками, сидящими на скамье подсудимых в Колонном зале Дома союзов, целиком разделяет ответственность за угрозу войны и интервенции.

О ТРЕТЬЕЙ СИЛЕ В ПЕРИОД ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Вопрос о третьей силе тесно связан со всей нашей борьбой против уклонов от генеральной линии партии, составляющей одну из важнейших частей борьбы за социализм.

Этот вопрос поставлен, по сути дела, не только после свержения власти буржуазии, а еще до ее свержения.

Наивные представления мелкобуржуазных социалистов о реформистских путях в значительной степени были навеяны буржуазией, которая больше всего боялась и боится сейчас момента, когда пролетарские массы окончательно перестанут надеяться на мирное решение вопроса, возьмутся за революционные методы борьбы, за «плебейские» способы расправы с классовыми врагами.

Поэтому буржуазия с нескрываемой ненавистью относится к революционной партии пролетариата и очень благосклонно — к мелкобуржуазным партиям, даже тогда, когда они носят название социалистических. Буржуазия помогает им. Она иногда даже сама создает их. Достаточно указать на такие организации, выступающие под флагом социалистических партий, как «радикал-социалисты» во Франции, как «национал-социалисты», в Германии, как организуемая сейчас в Англии национал-фашистская партия Мосли, выходящая из недр лейбористской.

В эпоху пролетарской революции, когда размежевание классов становится более резким, буржуазия стремится фальсифицировать революционное учение пролетариата, в целях выхолащивания его революционного содержания, приспособления его к нуждам своего класса, отвлечения пролетариата от революционной борьбы, в целях обмана масс. Представители буржуазии проникают в ряды пролетарской партии еще до победы пролетариата, чтобы отвлечь его от революционных способов борьбы на путь реформизма.

Так, с первых шагов развития рабочего движения в России, различные мелкобуржуазные теории стремятся исказить революционное учение Маркса и Энгельса, выступая иногда под флагом марксизма. Всем известна роль экономизма, роль легального марксизма, которые явились такого рода попытками буржуазии приспособить революционное учение Маркса и Энгельса к своим нуждам.

Роль меньшевизма, как наследника, в значительной степени, экономизма в период подготовки первой революции, в период выработки программы, тактики и организационных выводов сводится также к тому, чтобы, по возможности, превратить нашу партию в придаток буржуазного движения.

С самого начала социальная база меньшевиков была иной, чем база нашей партии, хотя мы были в одной партии. Их социальной базой с самого начала была городская мелкая буржуазия, ремесленники, мелкобуржуазная интеллигенция, разоряющееся мещанство. За ними тянулись политически отсталые слои рабочих, которые были окружены этой мелкобуржуазной стихией, а также так называемая рабочая аристократия.

Таковыми организациями мелкой буржуазии была партия Бунда, крестьянская зажиточно-кулацкая партия эсеров. Ленин прямо называет партию эсеров левой фракцией буржуазной демократии, хотя субъективно некоторые из них себя считали социалистами.

Еще в революции 1905—1907 гг. соглашательские реформистские мелкобуржуазные антиреволюционные и антисоциалистические черты этих партий обнаружались перед широкими массами. Период между двумя революциями углубил расхождение между нашей партией и этими партиями и характеризуется еще большими расхождениями с партией меньшевиков, которая во время реакции прямо пыталась подавить всякую революционную деятельность, ликвидировать все революционные лозунги нашей партии и являлась глашатаем вратания в столыпинскую монархию.

В период империалистической войны мы имели массовый переход партий II Интернационала, в том числе и русских меньшевиков и русских эсеров, на точку зрения буржуазии. Известна роль социал-демократии в вопросе о войне.

Октябрьская революция 1917 г. выкинула за пределы СССР значительную часть контрреволюционной буржуазии, помещиков, капиталистов, крупных царских чиновников, генералов, офицерщину. Однако классов она не уничтожила. И тут окончательно определились фронты, окончательно определился блок меньшевиков и эсеров с буржуазией.

Ленин в «Детской болезни левизны» писал: «...Уничтожить классы — значит не только прогнать помещиков и капиталистов... это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно и должно переделывать, перевоспитывать только очень длительной, медленной осторожной организаторской работой... Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы организаторскую роль пролетариата (а это его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно.

...Без партии железной и закаленной в борьбе... умеющей следить за построением массы и влиять на нее, вести успешно такую борьбу невозможно.

Победить «крупную централизованную буржуазию в тысячу раз легче, чем победить миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют те самые результаты, которые нужны буржуазии, которые реставрируют буржуазию.

Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата».

Перед Октябрьским переворотом, когда Каменев и Зиновьев выступили в «Новой жизни» против решений партии, Ленин говорил, что если мы позволим такого рода выступления, тогда у нас нет партии. Следовательно, главное, что Ленин выдвигает, как условие, необходимое для успешной борьбы за социализм, это есть единство партии и партийная дисциплина, которую ни один член партии не вправе колебать. Необходима стройная увязка различных методов действия пролетарской диктатуры, большевистская тактика по отношению к непролетарским элементам, которая заключается в переделке, а не в подавлении мелкой буржуазии и крестьян, беспощадное подавление эксплуататоров, присоединение основной массы крестьянства к программе пролетариата, переход этой массы на сторону социализма. Это необычайно трудная задача, она таит в себе серьезную опасность для рабочего класса и его партии.

Ибо как раз на силы мелкой буржуазии и стремится опираться буржуазия. Если бы она могла их перетянуть на свою сторону, если бы ей удалось осуществить разрыв союза пролетариата и крестьянства, тогда, конечно, дело социализма находилось бы в критическом положении. Но надо сказать, что для того, чтобы удержать хотя бы частичку масс, хотя бы даже зажиточные слои крестьянства, буржуазия вынуждена обращаться лицом не к будущему этих масс, а к их прошлому, она должна их тянуть назад. В силу этого, идеологи примыкающих к ней групп, мелкобуржуазных и всякого рода социалистических организаций

вынуждены схватываться за всякие реакционные программы. В октябре 1917 г. эти партии крепко связали себя с контрреволюционной буржуазией. Но они искали все же опору и в рабочем классе, потому что этот класс решительно выступил на борьбу со всеми силами старого общества. И в этом отношении меньшевики теряют социальную пролетарскую базу.

Якубович рассказывает в своих показаниях, как в Октябрьские дни перед открытием съезда Советов меньшевики вместе с эсерами на заседании в предпарламенте говорили, что надо во что бы то ни стало подавить надвигающийся переворот. Но как подавить? Когда кто-нибудь начинал припоминать, на какой загод можно еще пойти меньшевикам, то оказалось, что в громадном городе, тогдашнем Петрограде, не было предприятия, куда бы меньшевики смели пойти не только для того, чтобы взять массы на подавление большевиков, но хотя бы для того, чтобы их выслушали. Вот в каком положении очутились меньшевики в смысле передвижки социальной базы. Надо было найти какие-нибудь пути, которые хотя бы частично могли поколебать ряды большевистской партии и подавить переворот. В целях поколебания большевистской революционной установки и пролетарской революции бросается мысль о необходимости создать правительство из представителей всех социалистических партий. Надо найти таких большевиков, которые взяли бы на себя проводить эту мысль в самой большевистской партии. Эту роль берут на себя Зиновьев, Каменев, Рыков, Рязанов, Шляпников, целый ряд персонажей, которых мы видим впоследствии в разного рода оппозиционных группировках, колеблющих единство партии и тем создающих почву для деятельности II Интернационала.

Представьте себе тот Ноев ковчег, который получился бы, если бы мы пошли на создание этого социалистического правительства, на коалицию с меньшевиками и эсерами. Мы погубили бы пролетарскую революцию. Мы бы себе связали руки, обрекли бы советскую власть на последовательность, на половинчатость, на колебания в самых основных вопросах, мы бы имели в своей собственной среде агентов буржуазии. Партия эти колебания преодолела и капитулянтов, смысл выступлений которых был ясен и объективно контрреволюционен, не послушала. Вот поэтому в трудные моменты начавшейся гражданской войны партия должна была преодолеть эту дряблость, бесхарактерность, шатания. Однако она их не могла уничтожить полностью, потому что эти шатания как раз имели природой своей наличие в нашей стране мелкобуржуазной стихии. Вот почему в период Брестского мира, полный трудностей для пролетарской революции, шатания эти отражаются и на положении нашей партии и на определении третьей силы, определении наших классовых врагов.

На этот раз мелкобуржуазная стихия находит отражение в деятельных выступлениях левых коммунистов. Критика партийной линии и деятельности Советов, идущая со стороны левых коммунистов, окрыляет и вдохновляет левых эсеров. Левые эсеры, которые в период Октябрьской революции пошли вместе с нами, вскоре после Октябрьской революции, когда мы начали последовательно проводить целый ряд социалистических мероприятий, как например, организацию комбедов, очень быстро потеряли свою социальную базу. Они выступали как бы наследниками правых эсеров. Они очень скоро перенесли свое внимание на кулацко-зажиточные элементы деревни, которые были против всякой революции и, разумеется, сочувствовали гораздо больше Антанте и мелкобуржуазным партиям, которые были за продолжение войны. Таким образом, помимо своей воли левые оказались орудием в руках тех, кто хотел продолжать войну в интересах Антанты, а не в интересах рабочего класса.

Перехожу к периоду 1920/21 г., к повороту от военного коммунизма к нэпу. Гражданская война в основном подходила к концу. Главные силы контрреволюции были разгромлены. Одновременно страна переживала тяжелый период разлуки, усталости от войны, экономический кризис, связанный отчасти с неурожаем.

Значительные массы крестьянства не только не хотели больше воевать, но и не хотели нести тех тягот, которые они несли в период гражданской войны. Они требовали свободной торговли, а так как наиболее заинтересованными в этой свободной торговле были кулацкие элементы и мелкая буржуазия городов, то мы имеем к этому времени оживление деятельности эсеров и меньшевиков, стоящих на точке зрения контрреволюции.

Оживляется деятельность середняцких крестьянских союзов. Мы имеем довольно широкое движение кулацких крестьянских союзов — в Тамбовской губернии, в Сибири и на Алтае. Вслед за разгромом Колчака мы должны были бороться именно с этой кулацкой контрреволюцией. В целом ряде районов кулачество вербует себе сторонников из среды недовольного крестьянства, середняцких, кое-где даже бедняцких масс.

Эти настроения крестьянства, реакционной его части, передаются в город через прослойку рабочих, тесно связанных с этими слоями. Не надо забывать, что предприятия были остановлены, рабочий класс был ослаблен, распылен, многие рабочие ушли в деревню; на них давила мелкобуржуазная стихия. На некоторых предприятиях, фабриках, заводах начинаются забастовки. Эти настроения, прежде всего, передались части профсоюзных работников. На сентябрьской конференции 1920 г. Лутовинов, один из организаторов и вождей рабочей оппозиции, выступает с программой, которая настаивает на полной отмене назначенчества, на освобождении высших советских и профессиональных учреждений от излишнего вмешательства ЦК партии, т. е. по сути дела проводит либерально-тред-юнионистскую, анархо-синдикалистскую программу.

Осенью 1919 г. Шляпников сформулировал свою платформу тезисами, в которых говорил, что «партия и советская власть должны заниматься политикой, а профсоюзы должны заниматься областью экономики».

Рабочая оппозиция обвиняла партию в отрыве от масс, в том, что партия ищет новую социальную базу, что Центральный комитет партии и Ленин становятся на точку зрения меньшевиков, ищут союза с крестьянством; что они хотят опереться не на пролетарские массы, а на мелкобуржуазные крестьянские массы. Она не была согласна с тем поворотом, который был сделан в новой экономической политике.

Однако это недовольство политикой партии и советской власти, недовольство той формой диктатуры пролетариата, которая была неизбежна в период гражданской войны, было не только у рабочей оппозиции. Мы имели в то время группу демократического централизма, куда входили Сапронов, Осинский и Влад. Смирнов, которая в свою очередь вела атаку на партию, и в вопросах демократического централизма пришла прямо к контрреволюционным установкам о перерождении советской власти и партии. Она договорилась даже до того, что у нас уже совершился термидор, что у нас совершился бонапартистский переворот и проч., и проч. Была группа троцкистов, которая, по сути дела, в спорах о профсоюзах проводила целый ряд таких установок, которые впоследствии превратились полностью в контрреволюционную программу, и Ленин назвал выступление Троцкого прямо антисоветским действием.

Вот почему Ленин должен был заострить вопрос о третьей силе на X съезде и дать предупреждение и правым и левым. Резолюции об единстве партии показывают, какой действительно опасный момент мы тогда переживали. В резолюции Ленин дает характеристику того, в каких условиях возникают попытки классового врага использовать разногласия в партии.

В специальной резолюции о синдикалистском и анархистском уклонах в нашей партии дается опять-таки характеристика рабочей оппозиции, как проявления мелкобуржуазных шатаний и колебаний в нашей партии. Стоит упомянуть также и о рабоче-крестьянской партии, организованной коммунистом Панюшкиным в 1920 г. и в начале 1921 г. Я напомним также колебания, которые тогда выра-

зились в одном из отпочкований рабочей оппозиции, — в группе Мясникова, который занимал некоторое особое положение, как и сейчас он занимает некоторое особое положение во всей эмигрантской оппозиции, издавая маленький листок, в котором он полемизирует со всеми и даже с самим собою.

Этот Мясников впоследствии стал организатором подпольной организации рабочей группы, которая прямо-таки создала манифест для антисоветской партии, прикрывающийся самыми нелепыми архиреволюционными фразами.

Для характеристики либерализма некоторых членов нашей партии напомним отношение Давида Борисовича Рязанова к манифесту этого самого Мясникова. Д. Б. Рязанов очень снисходительно относился к его теоретическим упражнениям. Когда Мясников составил свой манифест, то Д. Б. Рязанов считал необходимым взять на себя некоторые редакторские обязанности. Он говорил, что манифест составлен хорошо, но его надо немного подправить с точки зрения марксизма. Можно себе представить, что получилось бы из мясниковского манифеста, подправленного рукою Д. Б. Рязанова. Вот какова была обстановка десять лет тому назад, когда 15 марта 1921 г. Владимир Ильич выступил со своей речью о нэпе, о повороте к новой экономической политике.

Именно потому, что этот момент был необычайно трудным, сложным, самый поворот был также труден. И очевидно, вся наша партия могла его совершить в полном порядке. Ленин говорил, что когда находятся люди, которые мешают нам в этот момент отступать в полном порядке, эти люди должны быть расстреляны. Шляпников и Медведев ухватились за эти слова Ленина и представили дело таким образом, будто Ленин прямо говорил об их расстреле. Поэтому они на XI съезде говорили, указывая на Владимира Ильича и Фрунзе: «Вот сидят два пулеметчика, которые два года уже собираются нас расстрелять». Надо было временно отступить, надо было совершить маневр, от непосредственного штурма перейти к деятельной обороне. Отступление необходимо было для установления более широкой смычки с крестьянством, для перегруппировки сил, для возможности дальнейшего наступления, для того, чтобы сомкнуться с более широкой массой, сомкнуться на основе новой экономики, новых экономических отношений, для того, чтобы поднять и развить нашу социалистическую промышленность, для того, чтобы двинуться гораздо более широким фронтом вперед. Здесь опасности были громадные.

Кроме тех шатаний, о которых мы уже тут говорили, мы имели еще развитие взглядов, примыкавших одной стороной к демократическому централизму, а другой питавшихся меньшевистским настроением, богдановщиной, настроениями группы «Рабочей правды» и бывшей как бы мостом между меньшевиками и демократическим централизмом. Это была «фракция всех крикунов», как называл ее Ленин. Туда входил Сапронов, и эта группа впоследствии приобрела кличку «Партии партийных либералов».

Имея в виду все те настроения, которые существовали тогда в партии, классовый враг стал рассчитывать на то, что ему удастся использовать по-своему создавшееся тяжелое положение в партии, что это вынужденное отступление превратится в сползание на тормозах, что диктатура пролетариата сползет к капиталистической реставрации. Поэтому мы видим, что в части белой эмиграции, в части контрреволюционной интеллигенции происходит так называемое сменовеховство. Это было именно проявлением этой третьей силы, которая рассчитывала на термидорианское перерождение революции. Ленин предлагал чутко прислушаться к этой «правде» классового врага, призывая бороться с такого рода настроениями. Когда же надежды врагов на перерождение революции были разбиты, они решили, что настал момент, когда они должны войти в советский аппарат для того, чтобы использовать его в целях буржуазной реставрации. И вот, мы видим, как пролезшие во все поры нашего советского аппарата Громаны, Кондратьевы, Сухановы, Фолжовы, Шеры и пр., к которым мы сплошь и рядом относились

чересчур доверчиво, искажают политику советской власти и партии в угоду капиталистическим элементам, искажают кое-где налоговую политику, кредитную, снабженческую, кооперативную, землеустроительную. Под влиянием этих элементов кое-где возникают теории вроде неонэпа. Под влиянием этих элементов на Украине, в Белоруссии расцветают национально-демократические настроения, кое-где происходит смычка неустойчивых элементов нашей партии с меньшевистскими, эсеровскими и народническими элементами, а иногда и с кадетскими.

Примерно в 1924 г. совершается окончательный переход с.-д. в лоно II Интернационала. В свете этого факта особый интерес приобретают те атаки, которые повели троцкисты против нашей партии.

Главная опасность троцкизма в этот период заключалась в том, что он подменял политику союза с крестьянством политикой игнорирования середняка и тем самым ставил под угрозу союз пролетариата с основной массой крестьянства. Когда еще не было восстановлено хозяйство троцкисты требовали таких темпов строительства, которые могли быть достигнуты только путем разрыва этого союза. Яростные атаки против партийной дисциплины развязывали мелкобуржуазную стихию. Заявление Троцкого о том, что главной опасностью является партийный режим, что в стране совершается термидорианский переворот, конечно, было на руку буржуазии. Некоторые выдержки из меньшевистских буржуазно-капиталистических газет того времени показывают, как крупная и мелкая буржуазия расценивали выступления троцкистов. Вот что писал П. Струве:

«Если партийное меньшинство, обвиняя большинство в термидорианстве, попытается само осуществить что-нибудь, хотя бы в отдаленной степени напоминающее французское 9 термидора, мы со своей стороны будем это только приветствовать. В добрый час!»

«Руль» в номере от 8 октября 1926 г. писал:

«Долой Сталина. Вот всепоглощающий аргумент, который собирает всех и вся вокруг Троцкого».

Понятно, что «долой Сталина» касается не только лично Сталина, а того большевистского руководства, лучшим выразителем которого являлся и является т. Сталин.

«Последние новости» от 29 сентября 1926 г., пишут:

«Троцкий заявил, что главная опасность сосредоточена в самом ЦК, такой режим — зажим патриотического воодушевления не вызовет, и в час войны массы вокруг советской власти не соберутся, массы советскую власть предадут». Тут и был приведен знаменитый пример Клемансо, который, для того, чтобы спасти родину, должен был скинуть опасное для родины правительство. Вот как контрреволюция переводила на свой контрреволюционный язык примеры и сравнения Троцкого.

Гарви в «Социалистическом вестнике» пишет: «Недовольные массы по-своему поймут, шире истолкуют крылатое слово Троцкого. Опаснейшей из всех опасностей является не режим правящей партии, а режим диктатуры этой партии над пролетариатом и крестьянством, над 150-миллионным народом, над огромной безответственной страной...»

Можно ли еще представить лучшие аргументы для буржуазии, для ее нападок против партии, для борьбы против нее?

Не отдельные части троцкистской платформы, но вся основная установка оказалась антиленинской! Вопрос о партийной дисциплине, понятие об единстве как о сумме фракционных ячеек, отсутствие партийности, деградация руководства, вопрос о строительстве социализма в одной стране, вопрос о природе нэпа, «ножницы», предложение высоких цен, разрыва с середняком и международные вопросы.

Теперь Троцкий издевается над нашими лозунгами «пяятилетка в 4 года», «догнать и перегнать» капиталистические страны в технико-экономическом отношении, он подпекает II Интернационалу и всей белогвардейщине в клевете о принудительном характере нашего труда. Троцкий целиком увязан с враждебным рабочему классу буржуазным блоком в котором участвуют и эсеры и меньшевики. Вот почему так нужна была беспощадная борьба с троцкизмом. Нужно было решительное отсечение троцкизма, нужно было вычистить троцкизм из нашей партии без остатка. Без этого мы не могли двигаться вперед. Он нас связывал, ибо он отравлял сознание партийцев, он колебал партийную дисциплину на трудном этапе перехода к социалистическому наступлению широким фронтом, требующего не меньше дисциплины чем отступление. Только разделившись с контрреволюционным троцкизмом, мы могли перейти к новому этапу борьбы за социализм, к периоду реконструкции. Но тогда, когда мы восстановили хозяйство, когда мы создали техническую базу, когда мы в значительной степени выполнили первую наметку плановой электрификации страны, когда мы укрепили фронт пролетариата в деревне и в значительной степени подвинули дело кооперирования в деревне, мы могли поставить перед собой новые задачи, связывать наше наступление не с государственным капитализмом, а с построением социалистического хозяйства, социалистического общества, с ликвидацией кулака, как класса на базе сплошной коллективизации.

Этот наш переход к последнему этапу нэпа заставляет контрреволюцию пересмотреть всю свою тактику. Она переходит к более активному вредительству, и подготовке интервенции.

Об этом достаточно ярко свидетельствуют процессы Промпартии и меньшевиков. Какие задачи поставила себе контрреволюция? Усиленное вредительство для срыва пятилетки, коллективизации, вредительство для усиления кулачества, для подготовки к интервенции. За границы обостряется борьба против Советского Союза, всюду идут лихорадочные приготовления к войне. Считая, что момент для войны удобен, делается попытка провоцировать нас на войну на К.-В. ж. д. Щупают наши силы, нашу готовность к войне. Но мы на эту попытку отвечаем так, что все видят, что кое-что у нас есть в пороховницах, что мы будем драться не голыми руками. Крестовый поход собирает силы мешанства, отсталой буржуазии для того, чтобы сгруппировать их вокруг империалистов. Антидемпингская кампания рассчитана на то, чтобы кое-какие слои рабочих, страдающие от безработицы, вовлечь в интервенцию. И вот на фоне этой обстановки выступает правая оппозиция — гг. Бухарин, Рыков и Томский. Оппозиция взяла большинство аргументов против руководства у троцкистов и у других оппозиционных группировок. Помимо воли гг. Бухарина и Рыкова происходит идеологическая смычка между Трудовой крестьянской партией Кондратьевых и правыми. Правые черпали кое-какие аргументы у Трудовой крестьянской партии, а Трудовая крестьянская партия получала у правых аргументы для своей деятельности. Дальше шла смычка правых с буржуазными организациями. На Рамзинском процессе прямо выявилась эта связь, не в том, конечно, смысле, что гг. Бухарин, Рыков и др., проповедывавшие прямооппортунистические идеи, сознательно помогали «Промпартии», Торгпрому. Нет конечно, но вся деятельность последних связывалась с деятельностью правых. Когда выяснилось, что на XVI партс'езде правые провалились, тогда рамзинцы и в СССР и за границей сказали: «Да, дело плохое: сейчас в 1930 г. интервенция не выйдет. Придется отложить. Политика правых потерпела поражение, правые сорвались».

В этом отношении смычки правых с меньшевиками очень любопытны их показания. Большевики считали себя продолжателями той политики, которую проводили правые.

Они собирались и на своих пленумах обсуждали отношение к тактике правых в ВКП(б) и, конечно, выносили резолюции — «вполне одобрить». Они составля-

ли конъюнктурные сводки, которые правые преподносили, как последнее слово экономической мудрости. Они составляли вредительские докладные записки, которые иногда клались в основу докладов правительству по тем или иным вопросам. Двухлетка, которая была противопоставлена пятилетке, целиком была разработана меньшевиками и кондратьевцами. Таким образом, правые дают установки для ТКП, для ПП и для СБ, а группы ТКП, ПП и СБ дают для правых.

Линия правых выразалась в борьбе против принятых партией и рабочим классом темпов индустриализации, в выступлении против коллективизации, против форсированного строительства совхозов, в прямой помощи частнику, искажении линии по налогообложению, по кредитованию, по снабжению машинами, сортовыми семенами и т. п. в равнении на «узкие» места в вопросе о развитии нашей социалистической промышленности, в ставке на самотек в вопросах коллективизации, хлебозаготовок и др. важнейших мероприятий, в желании жить в мире с кулаком и в мечтах о притуплении классово-борьбы.

Вот почему вся эта установка так поддерживалась нашими врагами. И вот почему партия оценила правую опасность, как главную опасность на данном этапе.

К этому надо прибавить еще деятельность так называемых партийных либералов.

Что произошло с Рязановым? Давид Борисович Рязанов, директор Института Маркса и Энгельса, человек, пользовавшийся очень большим доверием партии, относился с большим доверием к меньшевикам и другим оппортунистам. Такое светило мудрости, как Рубина он вытащил из ссылки. Когда Рубина критиковали, даже когда Рубин был избощен как меньшевик, он все-таки пытался его защищать. Когда выяснилось, что Рубин имеет отношение к меньшевистской организации и должен быть арестован, он его предупредил об этом. Когда Рубин узнал, что его арестуют, он принес Рязанову пакет с документами, один из которых содержал в себе прямую директиву ЦК меньшевиков о подготовке к интервенции. Д. Б. Рязанов взял эти документы к себе на хранение, скрывши все это, конечно, от партии. Это могло случиться тогда, когда у оппозиции как говорит т. Сталин на XV съезде, оказалось гораздо больше доверия к этим буржуазным интеллигентам, чем к своей собственной партии.

Любопытна характеристика, которую Рубин дает Рязанову:

«Политический характер Д. Б. Рязанова, при более близком знакомстве с ним, обнаруживал всю свою двойственность. С одной стороны Д. Б. Рязанов — видный коммунист, член ВЦИК, директор Института Маркса и Энгельса, с другой стороны — он находится в постоянном конфликте с партией и ее органами по ряду важнейших вопросов, резко критикуя генеральную линию партии и ни по одному решающему вопросу не выступает открыто и последовательно в защиту генеральной линии.

...На официальных собраниях и торжествах Д. Б. Рязанов охотно повторял, что «Институт Маркса и Энгельса» — орудие коммунизма, что только Октябрьская революция могла создать такое учреждение, что только под руководством ВКП(б) и Коминтерна оно могло принять такие большие размеры и достигнуть теперешнего своего состояния. В повседневной же своей практике в Институте Рязанов всеми силами избегал контроля и руководства ЦК, всячески противился ему, старался отделить Институт высокой стеной от практики и революционных задач ВКП(б) и советской власти, стремился придать всей его деятельности су-губо отвлеченный, академический, оторванный от жизни характер.

Когда члены Бюро ячейки указывали, особенно в прежние годы, на малочисленность и слабость коммунистического ядра в Институте, Д. Рязанов, как официальное лицо отвечал им: «Да, ведь ЦК не дает нам научных работников-коммунистов. Требуйте от него побольше таких работников». А наряду с этим Д. Рязанов задерживал приток коммунистов в Институт, пренебрежительно отзы-

вался о научной работе молодых коммунистов, не принимал мер к их поощрению, а ставил им препятствия, в виде затруднительности доступа в кабинеты института, к его архивным материалам и т. п.

Выступая как официальный докладчик о плане работ института, Д. Рязанов обещался открыть при институте аспирантуру для привлечения и подготовки к научной работе молодежи, кончающей вузы, но это не мешало тому, что эта же молодежь сажалась на целые годы на чисто техническую работу, затруднявшую повышение квалификации и действительную подготовку к научной работе. В результате этого институт до сих пор не только не имеет аспирантуры, но и вообще не участвует в подготовке молодых научных кадров.

Такая же двойственность и противоречивость характеризовала Д. Б. Рязанова в общеполитических вопросах, выходящих за рамки деятельности института. Рязанов в своих докладах не раз восхвалял учение Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата, не раз в своих писаниях критиковал германских социал-демократов, которые искажали текст Энгельса, чтобы превратить его из сторонника революционной диктатуры пролетариата в сторонника буржуазной демократической республики. А в реальной действительности, в стране пролетарской диктатуры, Д. Б. Рязанов выражал сочувствие социал-демократам, не признавал законности и необходимости пролетарской диктатуры, и резко критиковал суровые меры, предпринимаемые коммунистической партией для обеспечения единства действия и идеологии как внутри ее собственных рядов, так и в рабочем классе вообще.

Не приемля на деле диктатуру пролетариата, на которой основана советская власть, Рязанов отвергал экономическую политику последней. Он избегал выступать на партийных собраниях прямо против генеральной линии партии в вопросах индустриализации и коллективизации. Но в частных беседах с меньшевиками он резко порицал непосильные, по его мнению, темпы индустриализации, напряженные планы промышленного строительства, большой размах коллективизации, он предсказывал крах этой экономической политики советской власти.

Наконец, та же двойственность ярко проявляется и в вопросах партийных. Д. Рязанов — член коммунистической партии, но он в самых важных вопросах отвергает генеральную линию партии, он находится в постоянном конфликте с партийными органами, начиная с бюро ячейки и кончая ЦК, он не посещает партийных собраний и не принимает действительного участия в жизни и деятельности коммунистической партии, оказывая в то же время содействие социал-демократии.

На словах Д. Рязанов отвергал идею коалиции, считая главным грехом социал-демократов, что они не «сжигают корабли буржуазии». Но на деле он сам проявлял неизменно тяготение к коалиции направо с некоммунистическими и, в частности, с меньшевистскими элементами. Это проявлялось и в общем его мировоззрении и настроениях, и в критике генеральной линии партии, и в сношениях с руководителями II Интернационала, и в желании расширить коммунистическое ядро в институте; это же проявлялось в его близости с работавшими в институте меньшевиками (Рубин, Шер, Череванин), в том, что он создал для них и в частности для меня благоприятную обстановку, покрывал нас и даже принял у меня партийные документы на хранение.

Шер дает Рязанову совершенно такую же характеристику. Когда Шер ему говорил о своей связи с меньшевиками, Давид Борисович ответил, что ему никакого дела до этого нет. Исключать Рязанова из нашей партии, было делом не совсем приятным. Но мы не были бы пролетарской большевистской партией, если бы перед этим остановились.

Оценку меньшевиками разногласий в партии можно видеть из их показаний.

Залкинд показывает, что на III пленуме меньшевиков был поставлен доклад о разногласиях в ВКП(б). Докладчик Громан говорил, что «разногласия внутри

ВКП(б), наметившиеся в связи с переходом в решительное наступление против всех частнокапиталистических элементов, имеют огромное значение для всей тактики возродившейся РСДРП. Одной из баз для социал-демократической партии являлся правый уклон в ВКП(б).

Далее Залкинд говорит: «По существу, мы, РСДРП, являемся продолжением правого уклона».

Вот заявление, сделанное им на пленуме весны 1930 г. РСДРП: «Победа сталинской линии значительно затруднила работу, лишив возможности РСДРП опираться на правый уклон в партии и рассчитывать на успех крестьянских восстаний, отдаляя, таким образом, приближение близкой развязки. Это обстоятельство диктовало, по мнению пленума, более решительную тактику в области вредительства».

Вот заявление, сделанное им на пленуме весны 1930 г. РСДРП: «Победа старшено было — обходя молчанием «левые» экономические лозунги — всемерно поддерживать требования изменения партрежима в сторону допущения свободной дискуссии». «В лозунге выкорчевывания корней капитализма, — говорит Громан, — находила свое осуществление идея построения социализма в одной стране. Эта идея враждебна всему мировоззрению меньшевизма с его эволюционной и мирной концепцией движения к социализму, вернее к «социализации».

Затем Гинзбург в своих показаниях также показывает: «Господствовало убеждение, что основные домогательства правого уклона представляют собой как бы недоразвитый меньшевизм».

Показания Волкова и Петунина примерно такого же духа.

Вот целая гамма показаний людей, сидящих в разных камерах и не имеющих возможности сговариваться. Все они формулируют свое отношение к правому уклону, как к родственной идеологии. Ясно, что мы были правы, когда охарактеризовали правый уклон как кулацкую агентуру в нашей партии. Мы вправе были дать самые резкие характеристики и поставить вопрос о том, что правый оппортунизм является самой главной опасностью на данном этапе. Не стоит останавливаться здесь на различного рода межумочных группировках вроде праволевацкого блока, который по сути дела берет неверные положения и аргументы то у правых, то у левых. Эта оппозиция, как она ни была жалка, все же встретила известное сочувствие классовых врагов, которые были очень недовольны, что эти люди так быстро сдались и раскаялись.

Перед нами прошло десятилетие борьбы с оппортунистическими движениями внутри нашей партии, с оппортунистическим движением в рабочем классе и с различного рода мелкобуржуазными группировками, которые выступали под флагом социализма. До окончательного выкорчевывания последних остатков капиталистических классов, до полного уничтожения классов у нас останется в той или иной форме классовая борьба, останутся группировки, которые будут отражать настроения враждебных социализму и ленинизму групп и прослоек. Мы еще не сняли в этот последний период нэпа эту борьбу. Борьба с капиталистическим миром обострилась. Разгром ТКП, Промпартии и СБ, хотя и нанес сокрушительный удар всем буржуазным и мелкобуржуазным группировкам, идеологами которых являлись эти организации, хотя рука ОГПУ и Верхсуда сделают все что возможно, для того, чтобы не только обнаружить эти организации, но и обезвредить их полностью, тем не менее борьба не кончена. И мы должны помнить, что надо самым внимательным образом сейчас присмотреться ко всем звеньям нашего аппарата, где сидят быть может и до сих пор друзья Громанов, Гвоздевых, Сухановых и других вредителей и интервентов из меньшевистской партии и II Интернационала. Нельзя оперативные функции, как мы это иногда делали, без контроля передавать в руки этих людей. Необходима десятикратная, стократная проверка людей из другого лагеря. Надо самым решительным образом бороться с либеральным, покровительственным отношением к ним. Надо

больше обострить борьбу против искривлений партийной линии, борьбу на два фронта, борьбу против правых в особенности, как против главной опасности и против примиренчества, потому что мы видим в разрезе тринадцати лет пролетарской диктатуры какое важное значение имела эта борьба с оппортунизмом, как она воспитывала партию, как она создавала кадры. Ленин неоднократно подчеркивал это, в особенности в «Детской болезни левизны в коммунизме». Он говорил о том, что можно и должно всю эту борьбу различных партийных групп, которые предшествовали еще первой революции, вскрыть и на ее примере показать значение этой борьбы, потому что мы видим непрерывную историческую нить, которая тянется к истокам этой нашей борьбы. Целиком оправдались ленинские установки того периода, периода первой революции. Надо заострить внимание наших вузов, комвузов, на этом отточить сознание наших партийцев.

Из того, что мы обнаружили сейчас в наших различных органах, надо с особенной силой подчеркнуть правильность установки партии на создание новых кадров.

Борьба не закончилась процессом СБ. Правда, этот процесс имел колоссальное воспитательное значение, — мы никогда не занимались столько II Интернационалом и меньшевиками, сколько в эти дни. Но не надо на этом успокаиваться, процесс пройдет, а уроки его должны быть гораздо более крепко вколочены в массы.

Этот опыт имеет также огромное международное значение. Во всех коммунистических партиях мира надо заострить внимание на тех явлениях, которые вскрыты этим процессом, на тех опасностях, которые представляют из себя партии II Интернационала.

Мы подходим к периоду, когда нам придется выработать новую пятилетку. Наметки этой пятилетки пока еще неясны, но совершенно ясно, что она будет полным завершением коллективизации сельского хозяйства. Эта пятилетка нас поведет к окончательному выкорчевыванию кулацких элементов, на основе завершения коллективизации, мы подойдем вплотную к тому моменту, когда мы не только догоним капиталистические страны в технико-экономическом отношении, но когда мы их перегоним. Мы подойдем к тому моменту, когда в огромной степени экономика нашей страны будет влиять на экономику других стран. Это наш классовый враг отчетливо сознает и в этом причина его страха. Но мы должны знать, что эта новая пятилетка зависит от того, как мы будем классово бдительны, классово организованы в эти руководящие годы этой пятилетки, потому что от нас самих, от нашей организованности, от нашей выдержанности, настойчивости, идеологической чистоты всех наших установок зависит, будет ли третья сила еще играть какую-нибудь роль во всем движении, удастся ли ей нанести нам удар. Вся наша работа должна наносить непоправимый удар всем мелкобуржуазным и буржуазным партиям для того, чтобы мы могли подойти к этой новой пятилетке с такими силами, которых никакая, ни третья, ни четвертая сила не сломит.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Борилин Б., Бутаев К., Бурдянский И., Грановский Е., Козлов Г., Кривицкий М., Милютин В. (ответств. редактор), Островитянов К., Рубинштейн М., Розенберг Д., Тирзбанурт Т.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

С Т А Т Ь И

С. Саркисов. Урало-Кузнецкий комбинат и его роль в социалистической реконструкции страны	3
Ю. Ларин. Оппортунизм в планировании	13
В. Серебряков. „Капиталистическая конкуренция и ее новейшие сдвиги“ . . .	28
З. Атлас. К критике современного ревизионизма	49
Д. Розенберг. К методологии изучения современной буржуазной политической экономии	75
Ю. Гольдштейн. Экономическая теория социал-фашизма	92

Т Р И Б У Н А

П. Дубнер. Новый вариант затухающей кривой	101
--	-----

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Г. Косяченко. Д. Розенберг. „Комментарии ко второму тому „Капитала“ Карла Маркса“	119
Б. Казанский. Против меньшевизма в экономической географии	128
Люлинецкий. „Всеобщий закон капиталистического накопления“ ст. Зимана. „Большая Сов. Энциклопедия“, т. XIII	138

Н А У Ч Н А Я Ж И З Н Ь

Лапинский. Социал-фашизм как организатор интервенции	141
Ярославский. О третьей силе в период пролетарской революции и пролетарской диктатуры	149